

Тема 1 ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

1. Причины греко-персидских войн

Геродот. История. Книга V.

30. Так-то паросцы примирили милетян. А теперь невзгоды, вновь разразившиеся над Ионией, начались из-за этих двух городов. Произошло же это вот как. Из Наксоса народ изгнал несколько богатых граждан. Изгнанники прибыли в Милет. Правителем же Милета был тогда Аристагор, сына Молпагора, зять и двоюродный брат Гистиея, Лисагорова сына, которого Дарий удерживал у себя в Сусах. Гистией ведь был тираном Милета и, когда эти наксосцы — прежние гостеприимцы Гистиея — прибыли в Милет, как раз находился в Сусах. Они стали просить Аристагора дать им какой-нибудь [отряд] войска, чтобы [с его помощью] вернуться на родину. Аристагор же сообразил, что, возвратив изгнанников, он может стать владыкой острова, и сказал им вот что (прикрывая свой замысел дружественными связями их с Гистиеем): «Сам я, конечно, не могу обещать вам выставить столь большое войско, чтобы вернуть вас из изгнания на Наксос против воли господствующей в городе партии. Ведь, как я слышу, у наксосцев есть 8000 гоплитов и много военных кораблей. Впрочем, я хочу сделать все, что возможно, и думаю действовать вот как. Артафрен — мой друг, а Артафрен, как вы знаете, — сын Гистаспа и брат царя Дария. Он повелевает всеми народами и городами на побережье Азии. Под его начальством большое войско и много кораблей. Этот-то человек, как я думаю, уж, конечно, сделает все, что мы его ни попросим». Услышав эти слова, наксосцы поручили Аристагору устроить это дело наилучшим образом. Артафрену они велели обещать подарки, а расходы на содержание войска, по их словам, они возьмут на себя. Они совершенно уверены далее, что появившись только [персы] у острова, как наксосцы тотчас же выполнят все их приказания так же, как и прочие островитяне. Тогда ведь ни один из Кикладских островов еще не был под властью Дария.

31. Итак, Аристагор прибыл в Сарды и рассказал Артафрену об острове Наксосу: «[Остров этот], правда, небольшой, но красивый и плодородный и находится поблизости от Ионии; здесь большие богатства и много рыбы. Поэтому выступи в поход на эту землю и возврати на остров изгнанников. И если ты только это сделаешь, то у меня есть много денег и помимо [сумм], назначенных на содержание войска (ведь эта-то обязанность по справедливости должна лежать на нас, предводителях). Затем ты сможешь завоевать царю не только Наксос, но и зависимые от него острова: Парос, Андрос и другие, так называемые Киклады. Отсюда ты легко сможешь напасть на Евбею — большой богатый остров, не меньше Кипра — и без труда его завоевать. Сотни кораблей довольно, чтобы захватить все эти острова». Артафрен же отвечал ему так: «Ты пришел в царский дом с добрыми вестями. Все, что ты советуешь, — хорошо. Только вместо сотни весной у тебя должно быть готово две сотни кораблей. Впрочем, на это следует испросить согласие самого царя».

32. Аристагор же, услышав такой ответ, чрезвычайно обрадованный, возвратился в Милет. А Артафрен послал [вестника] в Сусы сообщить царю предложение Аристагора. Дарий дал согласие, и Артафрен снарядил тогда 200 триер и большое войско из персов и союзников. Во главе войска царь поставил Мегабата, перса из рода Ахеменидов, двоюродного брата Артафрена и Дария. С его-то дочерью впоследствии обручился Павсаний, сын Клеомброта, лакедемонянин (если только верен слух), так как он [Павсаний] захотел стать владыкой Эллады. Итак, назначив Мегабата военачальником, Артафрен послал войско Аристагору.

33. Мегабат же вместе с Аристагором, ионийским флотом и наксосскими изгнанниками отплыл из Милета, держа курс якобы к Геллеспонту. Дойдя до Хиоса, он бросил якорь у Кавкасов, чтобы с северным ветром переправиться оттуда на Наксос. Однако

Наксосу не суждено было погибнуть при этом походе, и вот какой случай его спас. Обходя однажды сторожевые посты на кораблях, Мегабат на одном миндийском корабле вовсе не нашел стражи. В яростном гневе он приказал телохранителям схватить капитана этого корабля, по имени Скилак, связать его и просунуть через бортовой люк²⁵ таким образом, чтобы голова торчала снаружи, а туловище находилось внутри. Когда Скилак был уже связан, кто-то сообщил Аристагору, что Мегабат, мол, велел связать его гостеприимца из Минда и подвергнуть позорному наказанию. Аристагор явился к Мегабату и стал упрашивать простить Скилака. Но перс оставался неумолим, и тогда Аристагор пошел сам и освободил Скилака. Узнав об этом, Мегабат пришел в негодование и [теперь] обратил свой гнев на Аристагора. А тот сказал: «Что тебе до моих дел? Разве Артафрен не послал тебя, чтобы повиноваться мне и плыть, куда я прикажу? Зачем ты суетишься и суешься не в свое дело?». Так сказал Аристагор. А Мегабат в бешенстве с наступлением ночи отправил корабль на Наксос сообщить наксосцам все замыслы против них.

34. Наксосцы вовсе не ожидали, что этот флот нападет на них. Но теперь, получив такое известие, они немедленно перенесли все запасы хлеба с полей в город, заготовили для осады продовольствие и воду и восстановили городские стены. Так они подготовились к предстоящей войне. А когда враги из Хиоса переправились на кораблях к Наксосу, то нашли там все готовым к защите и осаждали город четыре месяца. Израсходовав, наконец, все привезенные с собой деньги (да и самому Аристагору пришлось также истратить огромные средства, а осада между тем поглощала все больше денег), персы построили наксосским изгнанникам крепость и с большим уроном вернулись в Азию.

35. Итак, Аристагор не смог выполнить своего обещания Артафрену. К тому же его угнетали еще и расходы на содержание войска, которые нужно было оплачивать; затем его беспокоили тяжелое состояние войска и тревожные опасения, что его ссора с Мегабатов будет стоить ему владычества над Милетом. Все эти опасения внушили Аристагору мысль поднять восстание против персов. А как раз в это время прибыл к Аристагору из Сус вестник от Гистиея (на голове у вестника были написаны письма) с советом отложиться от царя. Ведь Гистией желал склонить Аристагора к восстанию, но не мог найти другого безопасного способа [передать свой совет], так как все дороги [из Сус] охранялись. Тогда Гистией велел обрить голову своему верному слуге, наколол на голове татуировкой знаки, а затем, подождав, пока волосы отрастут, отослал его в Милет. Гистией дал слуге только одно поручение: прибыв в Милет, просить Аристагора обрить ему волосы и осмотреть голову. Знаки же на голове слуги, как я уже сказал, призывали к восстанию. А Гистией поступил так, потому что вынужденное пребывание в Сусах было для него великим несчастьем. В случае же восстания он определенно надеялся, что его отпустят к морю. Не решишь же Милет на восстание, Гистией не мог бы рассчитывать когда-нибудь опять попасть туда.

36. Так вот, эти-то соображения и заставили Гистиея послать упомянутого вестника, и именно как раз в то время в силу стечения всех этих обстоятельств Аристагор решился на восстание. Аристагор собрал своих приверженцев на совет, изложил им свой замысел и рассказал о предложении Гистиея. Все остальные [присутствующие] соглашались с ним и советовали начать восстание. Только один логограф Гекатей был вообще против войны с персидским царем. При этом Гекатей сначала перечислил все подвластные Дарию народности и указал на персидскую военную мощь. Затем, когда ему не удалось убедить совет, он предложил добиться по крайней мере хотя бы господства на море. По его словам, он не видит иной возможности успеха, так как ему прекрасно известна слабость военной силы милетян, как только взять из святилища в Бранхидах сокровища — посвятительные дары лидийского царя Креза. Тогда-то, он совершенно уверен, Милет добьется господства на море, и таким образом и сокровища будут в их руках, и враги не смогут их разграбить. Сокровища же эти были весьма велики, как я уже рассказывал в первой части моего труда. Этот совет милетяне также не приняли; тем не менее они решили начать вос-

стание. Один из милетян должен был отплыть в Миунт к флоту, возвратившемуся с Наксоса, и попытаться захватить военачальников на кораблях.

37. С этим поручением был отправлен Иатрагор. Ему удалось хитростью захватить многих из них: между прочим, Олиата, сына Ибаноллия из Милас; Гистиея, сына Тимна из Термер; Коя, сына Эрксандра, которому Дарий пожаловал во владение Митилену; Аристагора, сына Гераклида из Кимы, и многих других. Так-то Аристагор открыто поднял восстание и пустил в ход все средства во вред Дарию. Прежде всего он для вида уничтожил тиранию и установил демократию в Милете для того, чтобы милетяне добровольно примкнули к восстанию. После этого Аристагор сделал то же самое и в остальной Ионии — одних тиранов он изгнал, а других, которых успел захватить на кораблях после похода против Наксоса, выдал тем городам, чтобы снискать их расположение, откуда тираны были родом.

38. Лишь только митиленцы захватили Коя, как вывели его за город и побили камнями. Кимейцы же, напротив, отпустили своего тирана. Так же поступило и большинство других городов. Милетянин Аристагор же, устранив тиранов, предоставил каждому городу выбор [военачальников], а сам затем отплыл на триере послем в Лакедемон. Ведь ему было нужно найти могущественного союзника.

39. А в Спарте Анаксандрид, сын Леонта, тогда уже более не царствовал. Он скончался, и царем стал сын его Клеомен, который получил престол не по доблести, а в силу происхождения. Супругой Анаксандрида была дочь его брата. Хотя царь любил ее, но детей у них не было. При таких обстоятельствах эфоры призвали Анаксандрида к себе и сказали: «Если ты сам не заботишься о своем потомстве, то мы не допустим, чтобы угас род Еврисфена. Так как твоя супруга не рождает, то отпусти ее и возьми себе другую. Если ты это сделаешь, то спартанцы будут тебе за это признательны». Анаксандрид же ответил, что не сделает ни того, ни другого: не подобает им советовать и уговаривать его отвергнуть неповинную супругу и ввести в дом другую. Он не намерен подчиниться им.

40. Итак, Аристагор, тиран Милета, прибыл в Спарту, когда царем там был еще Клеомен. Вступив с царем в переговоры, Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также «всякое море и реки»³⁰. И вот, явившись к царю, Аристагор сказал ему вот что: «Клеомен! Не удивляйся, что я столь поспешно прибыл сюда. Наше положение ужасно. То, что мы, дети ионян, стали из свободных людей теперь рабами — величайший позор и скорбь не только нам самим, но и для всех остальных эллинов, и особенно для вас, потому что вы стоите во главе Эллады. Поэтому заклинаю вас эллинскими богами: спасите единокровных ионян от рабства! Этого вы легко можете добиться. Ведь варвары вовсе не отличаются мужеством, вы же достигли высшей военной доблести. А сражаются варвары вот как: у них есть луки и короткие копья, в бой идут в штанах, с островерхими шапками на голове. Поэтому вы легко можете одолеть их. К тому же народы, обитающие на этом материке, гораздо богаче всех остальных: прежде всего — золотом, потом — серебром, медью, пестрыми одеждами, вьючными животными и рабами. Стоит вам лишь пожелать, и все это будет ваше. Живут же эти народы рядом друг с другом, вот как я тебе покажу. Вот здесь соседи ионян — лидийцы; их земля плодородная и богата серебром». Говоря это, Аристагор показывал земли на карте, вырезанной на меди, которую он принес с собой. «А вот здесь, — продолжал Аристагор, — на востоке с лидийцами граничат фригийцы; их страна весьма богата скотом и самая плодородная из всех, что я знаю. Далее, после фригийцев идут каппадокийцы, которых мы зовем сирийцами. Их соседи — киликийцы, земля которых вот здесь доходит до [Средиземного] моря, где лежит, как ты видишь, остров Кипр. Они платят царю ежегодно дань в 500 талантов. С киликийцами вот здесь граничат армяне (они также богаты скотом), а с армянами — матиены, которые живут вот в этой стране. Затем следует вот эта земля киссиев, а в ней на этой вот реке Хоаспе лежит город Сусы, где пребывает великий царь и находятся его сокровища. Если вы завоюете этот город, то смело можете спорить в богатстве с самим Зевсом. К чему вам воевать за незначительные и даже скудные

земли с равными вам по силам врагами, как мессенцы? Или с аркадцами и аргосцами, у которых нет ни золота, ни серебра, из-за чего вы готовы биться не на жизнь, а на смерть? Если есть возможность легко овладеть всей Азией, то к чему вам завоевывать другие земли?». Так говорил Аристагор, а Клеомен отвечал: «Друг из Милета! Подожди три дня, и я дам тебе ответ!».

50. На этом тогда дело и кончилось. Когда же наступил назначенный день для ответа и они встретились в условленном месте, Клеомен спросил Аристагора: «Сколько дней пути от берегов Ионийского моря до [столицы] персидского царя?». Тут Аристагор, человек, впрочем, хитрый, который сумел бы ловко обмануть царя, совершил ошибку. Ведь если он хотел завлечь спартанцев в Азию, то ему следовало бы скрыть истину, а он все-таки решил сказать правду, именно, что идти до царской столицы надо три месяца³¹. Тогда Клеомен, не дав Аристагору закончить дальнейшую речь об этом пути, сказал: «Друг из Милета! Покинь Спарту до захода солнца! Ты хочешь завести лакедемонян в землю на расстоянии трехмесячного пути от моря: это совершенно неприемлемое условие для них!».

55. Между тем, покинув Спарту, Аристагор прибыл в Афины, которые тогда только что освободились от тиранов, именно вот каким образом. Гиппарха, сына Писистрата и брата тирана Гиппия, убили Аристокитон и Гармодий по происхождению Гефиреи (Гиппарху ясно предвозвестило его участь сновидение). После его смерти тирания в Афинах продолжала существовать еще четыре года и была не менее, а скорее даже более жестокой, чем прежде.

94. Так эти замыслы расстроились. А Гиппий уехал оттуда. Македонский же царь Аминта предложил ему в дар город Анфемунт, а фессалийцы — Иолк. Гиппий, однако, отклонил оба предложения и снова возвратился в Сигей, который некогда Писистрат отнял мечом у митиленцев. Завладев городом, Писистрат поставил там тираном своего незаконного сына Гегесистрата (рожденного от аргосской женщины), который не без борьбы отстаивал это наследство Писистрата. Ведь митиленцы и афиняне из городов Ахиллея и Сигея вели постоянные войны друг с другом. Митиленцы требовали назад Сигейскую область, а афиняне оспаривали их право [на нее], указывая, что на земли древнего Илиона эолийцы имеют отнюдь не больше прав, чем они, афиняне, и другие, кто помогал Менелая отомстить за похищение Елены.

96. Гиппий же после возвращения из Лакедемона прибыл в Азию и пустил все средства в ход против афинян: он клеветал на них Артафрену и делал все возможное, чтобы подчинить Афины себе и Дарию. Когда афиняне узнали о происках Гиппия, они отправили послов в Сарды, убеждая персов не верить афинским изгнанникам. Артафрен же велел передать послам: если афинянам дорога жизнь, то пусть они примут назад Гиппия. А афиняне наотрез отклонили эти предложения, сообщенные послами. Не согласившись же, они твердо решились открыто воевать с персами.

97. Как раз во время такого враждебного настроения к персам прибыл в Афины милетянин Аристагор, изгнанный из Спарты царем Клеоменом. Ведь этот город был тогда после Спарты самым могущественным из остальных эллинских городов. Аристагор явился в народное собрание и повторил то же самое, что он уже сказал в Спарте. Он говорил о богатствах Азии и о персидской военной тактике, о том, что в бою они не применяют ни щита, ни копья и поэтому их легко-де одолеть. К этому он добавил еще, что Милет — афинская колония и что долг Афин как могущественной державы спасти город. Аристагор давал всевозможные обещания и просил так настойчиво, пока не убедил афинян. Ведь многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного: одного лакедемонянина Клеомена ему не удалось провести, а 30 000 афинян он обманул⁶⁸. И вот, афиняне постановили поэтому послать на помощь ионянам 20 кораблей под начальством Меланфия, одного из самых уважаемых афинских граждан. А эти корабли стали началом всех бед для эллинов и варваров.

98. Аристагор же отплыл вперед. По прибытии в Милет он принял решение, от которого не ожидалось никакой пользы ионянам. Да это и не входило в замыслы Аристагора (он хотел этим только раздражить царя Дария). Тиран послал вестника во Фригию к пеонам, которых Мегабаз переселил с реки Стримона как пленников [в Азию] (во Фригии они жили в местности и в селении, [предназначенных] только для них). Когда вестник пришел к пеонам, то сказал им вот что: «Пеоны! Послал меня Аристагор, тиран Милета, предложить вам свободу, если вы пожелаете последовать его совету. Вся Иония охвачена восстанием против царя. Теперь вы можете благополучно возвратиться на родину. Добраться до моря вы должны сами, а оттуда уже мы позаботимся [о вас]». Услышав эти слова, пеоны с радостью согласились. С женами и детьми они поспешно направились к морю. Некоторые из них, впрочем, побоялись идти и остались во Фригии. Прибыв на побережье, пеоны переправились оттуда на Хиос. Когда они были уже на Хиосе, на берегу появился большой отряд персидской конницы, преследовавший пеонов по пятам. Так как персы уже не нашли пеонов, то послали им на Хиос приказание возвратиться. Пеоны же не подчинились; тогда хиосцы отправили их с Хиоса на Лесбос, лесбосцы же перевезли в Дориск, откуда они по суше прибыли в Пеонию.

99. Аристагор же после прибытия афинян с 20 кораблями и в сопровождении 5 триер с Эретрии предпринял поход на Сарды. А эретрийцы примкнули к походу не в угоду афинянам, а ради самих милетян, которым они хотели отплатить за [старую] услугу. Милетяне ведь пришли на помощь эретрийцам в войне против халкидян, когда самосцы помогали халкидянам против эретрийцев и милетян. Так вот, когда прибыли афиняне и прочие союзники, Аристагор и начал поход на Сарды. Сам он, однако, не пошел с войском, но остался в Милете, передав главное командование двум другим милетянам: своему брату Харопину и другому горожанину — Гермофанту.

100. С этим флотом ионяне прибыли в Эфес; затем они оставили корабли в Коресе в Эфесской области, а сами с большим войском выступили в глубь страны, взяв себе в проводники эфесцев. Они шли вдоль реки Каистра, переправились затем через Тмол, прибыли в Сарды и взяли город беспрепятственно. Они захватили весь город, кроме акрополя. Акрополь же защищал сам Артафрен со значительной военной силой.

101. А, взяв город, эллины не разграбили его вот почему. Дома в Сардах были построены в большинстве из камыша, и даже у кирпичных домов были камышовые крыши. Когда какой-то воин поджег один из домов, огонь тотчас же распространился от дома к дому и охватил весь город. Когда же город загорелся, то жители — лидийцы и оставшиеся в городе персы, так как все кругом было охвачено пламенем и они не могли найти выхода, — стали сбегаться на рыночную площадь и к реке Пактолу (Пактол, несущий с собой золотой песок, течет с Тмола через рыночную площадь и потом впадает в реку Герм, а та — в море). На рыночной площади у этого-то Пактола и собрались лидийцы и персы, вынужденные защищаться. А ионяне, видя, что враги обороняются, а часть даже большими толпами нападает на них, в страхе отступили к горе под названием Тмол, а оттуда под покровом ночи — к своим кораблям.

102. Сарды же стали добычей пламени, и вместе с городом погиб и храм местной богини Кибелы. Под предлогом сожжения этого храма персы впоследствии из мести передали огню святилища в Элладе. Тогда персидские сатрапы по сю сторону Галиса, узнав о вторжении ионян, собрали свои силы и выступили на помощь лидийцам. В Сардах же персы уже не нашли ионян и, следуя за ними по пятам, настигли их в Эфесе. Ионяне построились в боевом порядке, но в битве были разбиты наголову. Персы убили много знатных ионян и среди них Евалкида, военачальника эретрийцев, который одержал несколько побед в состязаниях и был воспет и прославлен Симонидом Кеосским. Уцелевшие после битвы ионяне рассеялись по своим городам.

103. Таким-то образом они сражались тогда. После этого афиняне оставили ионян на произвол судьбы. Когда же Аристагор стал настоятельно просить их через послов о помощи, то афиняне ответили, что не будут больше им помогать. Так ионяне лишились

поддержки афинян, но, несмотря на это, они продолжали войну против царя. Ведь их вина перед Дарием была слишком тяжкой. Они отплыли в Геллеспонт и подчинили Византий и все остальные города в той области. Затем они покинули Геллеспонт и привлекли на свою сторону большую часть Карию. И даже Кавн, который прежде не желал присоединиться к ним, теперь после сожжения Сард вступил с ними в союз.

106. После этого Дарий велел призвать пред свои очи милетянина Гистиея, которого он уже давно удерживал при себе, и сказал: «Я слышу, Гистией, что твой преемник, которому ты поручил Милет, восстал против меня. Он привел людей из другой части света и с ними ионян, которые, конечно, еще получают мзду за дела их, уговорил выступить в поход и разрушил Сарды. Как тебе кажется, хорошо ли это? Как могло такое произойти без твоих советов? Смотри, как бы потом тебе не пришлось пенять на себя!». Гистией отвечал на это: «Царь! Какие слова ты произнес? Неужели я мог подстрекать к какому-нибудь действию, от которого у тебя возникнут потом великие или малые беды? С какой целью я стал бы это делать? Чего мне еще недостает? Разве нет у меня всего, что есть у тебя, и разве я не удостоен участия во всех твоих замыслах? Если мой наместник действительно совершил что-либо такое, как ты говоришь, то знай, что сделал он это по собственному почину. Я, правда, вовсе не могу поверить, что милетяне и мой наместник восстали против твоей державы. Если же они все-таки это совершили и то, что ты услышал, — правда, то пойми, царь, какую ошибку ты допустил, выслав меня от моря внутрь страны. Ведь ясно, что лишь только я скрылся с их глаз, как ионяне и совершили то, к чему давно стремились. Будь я в Ионии, тогда ни один город даже не осмелился бы восстать. Поэтому как можно скорее позволь мне отправиться в Ионию, чтобы я мог восстановить прежнее положение и моего наместника в Милете, который повинен во всем, передать в твои руки. А если я устрою эти дела по твоей воле, то, клянусь твоими царскими богами, не сниму хитона, в котором я отправлюсь в Ионию, пока не сделаю твоим данником Сардон, величайший остров».

107. Гистией такими словами старался обмануть царя, а Дарий поверил и действительно отпустил его с приказанием возвратиться в Сусы, когда исполнит свои обещания.

123. Так-то скончался Гимей. Артафрен же, сатрап Сард, и Отан, третий военачальник, получили приказание выступить в поход против Ионии и соседней Эолии. Так вот, в Ионии они захватили Клазомены, а в Эолии — Киму.

124. Когда эти города попали в руки врагов, то обнаружилось, что милетянин Аристагор не отличается мужеством. Он, который привел в волнение Ионию и поднял великую смуту, видя это, думал теперь о бегстве. К тому же ему стало ясно, что невозможно одолеть Дария. Так вот, для этого-то он созвал своих сторонников на совет и объяснил, что для них лучше было бы заранее подготовить безопасное убежище на случай, если их изгонят из Милета. Поэтому он спрашивает, не желают ли они, чтобы он вывел их из Милета в колонию либо на Сардон, либо в Миркин, что в стране эдонян, который Гистией укреплял, получив в дар от Дария.

125. Такой вопрос задал им Аристагор. А Гекатей, сын Гегесандра, логограф, дал совет, что не следует высылать колонию ни на Сардон, ни в Миркин, а построить крепость на острове Леросе и в случае изгнания из Милета спокойно сидеть там. А впоследствии можно бы оттуда и возвратиться в Милет.

126. Это был совет Гекатея, сам же Аристагор считал наилучшим вывести колонию в Миркин. Он поручил управление Милетом влиятельному гражданину Пифагору, а сам, взяв с собой всех желающих, отплыл во Фракию и занял местность, куда направился. Во время одного из походов на фракийцев сам Аристагор и его отряд изменнически погибли от руки врага, когда он, осадив один фракийский город, разрешил по договору фракийцам свободный выход из города.

1. Так-то Аристагор, поднявший восстание в Ионии, окончил свою жизнь. Гистией же, тиран Милета, после освобождения его Дарием, прибыл в Сарды. По приезде Гистиея из Сус Артафрен, сатрап Сард, спросил тирана: «Отчего, по его мнению, восстали ионяне?». А Гистией отвечал, что ничего не знает об этом и даже удивлен, как это ему, мол, ничего не было известно об этих событиях. Артафрен же, понимая, что тиран при-творяется, так как тот прекрасно знал истинную причину возмущения, сказал: «С мятежом дело обстоит, Гистией, вот как: сшил эту обувь ты, а надел ее Аристагор».

2. Так высказался Артафрен о восстании. Тогда Гистией в страхе, что Артафрен раскрыл его обман, в первую же ночь бежал к морю, обманув царя Дария. Тиран обещал подчинить царю громадный остров Сардон, а теперь пытался стать во главе ионян в войне против Дария. Когда Гистией прибыл на Хиос, хиосцы бросили его в окопы (они подозревали, что тиран по поручению Дария замышляет переворот в городе). Впрочем, узнав затем о действительном положении дел, хиосцы освободили тирана.

3. Тогда ионяне спросили Гистиея, почему же он так настойчиво побуждал Аристагора восстать против царя и этим навлек страшную беду на ионян. Гистией скрыл от них истинную причину мятежа, но объявил, что царь Дарий задумал выселить финикийян с родины и поселить в Ионии, а ионян — в Финикии. Поэтому-то он и побудил ионян восстать. Хотя царь был далек от подобных планов, но Гистией желал этим только напугать ионян.

5. Итак, в Сардах началось смятение. Расчеты же Гистиея (на восстание) не оправдались, и по его просьбе хиосцы отправили его назад в Милет. Между тем милетяне на радостях, что избавились от Аристагора, вовсе не имели желания принимать к себе в страну другого тирана, так как уже вкусили блага свободы. И когда Гистией под покровом ночи сделал попытку силой проникнуть в город, какой-то милетянин нанес ему рану в бедро. Так-то изгнанный из своей страны тиран был вынужден возвратиться на Хиос. Гистиею не удалось, однако, убедить хиосцев дать ему корабли. Из Хиоса он переправился на Митилену и там уговорил лесбосцев предоставить ему корабли. Лесбосцы снарядили восемь триер и отплыли с Гистиеем в Византий. Потом они заняли крепкую позицию и стали захватывать все идущие из Понта [грузовые] корабли, кроме кораблей тех городов, которые изъявили готовность подчиниться Гистиею.

6. Так действовали Гистией и митиленцы. А против Милета между тем собиралось в поход огромное войско и флот персов. Персидские военачальники объединили свои силы и выступили против Милета, так как остальным городам они не придавали значения. Самыми лучшими мореходами в персидском флоте были финикийяне; в походе участвовали также недавно покоренные киприоты, киликийцы и египтяне. Итак, персы пошли войной на Милет и на остальную Ионию.

7. Услышав об этом, ионяне послали своих представителей на собрание в Панионий. По прибытии туда советники обсудили дело и решили не выставлять общего сухопутного войска против персов: милетяне должны были сами защищать свой город с суши. Зато было решено снарядить флот, собрать все без исключения корабли и как можно скорее сосредоточить их у Лады для защиты Милета с моря (Лада — островок, лежащий близ Милета).

9. Это были корабли ионян. У варваров же было 600 кораблей. Когда персидский флот и сухопутное войско прибыли в Милетскую землю, то военачальники персов, увидев множество ионийских кораблей, устрешили и решили, что не в состоянии одолеть их. Не добившись господства на море, полагали они, им не взять Милета, и к тому же еще рискуют навлечь на себя за это немилость Дария. Поэтому персидские военачальники призвали на совет ионийских тиранов (эти тираны, устраненные Аристагором из Милета, вынуждены были искать убежища у персов и теперь участвовали в походе на Милет). Вызвав тех из них, кто находился в персидском стане, персидские военачальники обратились к ним с такими словами: «Ионяне! Пусть каждый из вас проявит [свою преданность], оказав услугу царскому дому. Попробуйте склонить ваших сограждан к измене остальным

союзникам. Сообщите им это и скажите, что им вовсе не грозит наказание за мятеж: персы не предадут огню ни храмы богов, ни их частное имущество и будут обращаться с ними, как и прежде, милостиво. А если они все же не пойдут на измену, но попытают счастья в битве, то пригрозите им тем, что их ожидает на самом деле. Ведь в случае поражения они сами будут проданы в рабство, сыновей их мы оскопим, дочерей уведем в Бактры, а их родную землю отдадим другим».

10. Так говорили персидские военачальники, а ионийские тираны разослали вестников к своим землякам передать им предложения персов. Ионяне же (до них дошли эти условия персов) из бессмысленной гордости⁸ не пожелали принять персидских условий и изменить союзникам: воины каждого города думали, что персы обращаются только к ним одним.

11. Это произошло как раз после прибытия персов к Милету. Затем ионяне, собравшись у Лады, стали держать совет. На этом совете, кроме некоторых других, выступил также военачальник фокейцев Дионисий и сказал так: «Наша участь висит на волоске: или мы будем свободными, или рабами и вдобавок еще беглыми! Поэтому пусть вас не страшат лишения; теперь вам, конечно, придется тяжело, но зато вы одолеете врага и завоюете свободу. Напротив, если вы проявите слабость и неповиновение, то я вовсе не надеюсь, что вам удастся избежать суровой кары царя за восстание. Итак, послушайте же моего совета и доверьтесь мне. И я вам обещаю: если только есть на свете божественная справедливость, то враг или не посмеет вступить в бой, а если сделает это, то будет разбит наголову».

17. Когда фокеец Дионисий понял, что дело ионян проиграно, он, захватив в бою три вражеских корабля, однако, не вернулся назад в Фокею: он прекрасно знал, что и его вместе с остальной Ионией ожидает рабство. Тотчас же после битвы Дионисий взял курс прямо в Финикию, где ему удалось потопить [несколько] купеческих кораблей¹³ и захватить богатую добычу. Затем он направился в Сикелию. Отправляясь туда, он стал заниматься морским разбоем, не нападая, впрочем, никогда на эллинские корабли, а только на карфагенские и тирсенские.

18. Между тем после победы в морской битве над ионянами персы принялись осаждать Милет с суши и с моря. Они стали делать подкоп стен и подвезли всевозможные осадные орудия. На шестой год после восстания Аристагора персам удалось целиком [вместе с акрополем] овладеть городом. Жителей они обратили в рабство, так что сбылось пророчество оракула, данное Милету.

19. Тогда-то и разразилась над милетянами эта беда, так как большую часть их мужчин умертвили персы, носившие длинные волосы, а жен и детей их обратили в рабство. Священный же храмовый участок, а также храм и прорицалище были разграблены и преданы огню. О сокровищах этого храма я уже нередко упоминал в другой части моего повествования.

20. Захваченных в плен милетян персы затем повели в Сусы. Царь Дарий, впрочем, не причинил им больше никакого зла. Он поселил их у так называемого Красного моря в городе Ампе; мимо этого города протекает река Тигр при впадении в море. В Милетской же области персы взяли себе самый город и окрестную равнину, а горную местность отдали во владение карийцам из Педас.

31. На следующий год персидский флот, перезимовав в Милете, вышел в море и без труда захватил острова у побережья: Хиос, Лесбос и Тенедос. Каждый раз при захвате какого-нибудь острова варвары устраивали облавы на людей. Поступали они при этом так: взявшись за руки, они образовывали цепь, растянутую от северного побережья моря до южного, и затем проходили таким образом через весь остров, охотясь за людьми. Подоб-

ным же образом персы захватывали и ионийские города на материке, но только облаву на людей здесь было устраивать невозможно.

32. Тогда-то персидские военачальники показали, что их угрозы ионянам, когда те стояли враждебным станом против них, не были пустыми словами. В завоеванных городах персы, выбрав наиболее красивых мальчиков, вырезали у них половые органы и обращали в евнухов, а самых миловидных девушек уводили в плен к царю. Так они поступали и предавали огню города вместе со святилищами богов. Так-то ионяне в третий раз были обращены в рабство: сначала лидийцами, а затем дважды персами.

33. Из Ионии персидский флот взял курс на Геллеспонт и захватил все города на левой его стороне при входе в пролив. Города же, лежащие на правой стороне, были уже захвачены персами с суши. А на европейской стороне Геллеспонта находятся следующие местности: Херсонес с большим числом городов, затем город Перинф, укрепленные места во Фракии, потом Селимбрия и Византий. Жители Византия и жившие на противоположном берегу калхедоняне не стали ждать нападения финикийян. Они покинули свои города и отплыли в Евксинский Понт. Там они поселились в городе Месамбрии. Финикийяне же, предав огню упомянутые местности, направились в Проконнес и Артаку. Уничтожив огнем и эти города, они вернулись на Херсонес, чтобы захватить остальные города, которые не успели разрушить при первой высадке. Однако на Кизик они не совершили нападения, так как жители его еще до их прихода сами подчинились царю: об этом они договорились с сатрапом Даскилея Эбаром, сыном Мегабаза.

Пер. Г.А. Стратановского

Фукидид. История. Книга I.

14. Таковы были наиболее могущественные морские державы. По-видимому, у них (хотя тогда уже сменилось много поколений после Троянской войны) было мало триер, но они снаряжали еще пентеконторы и длинные военные корабли, подобные кораблям троянских времен. Лишь незадолго до мидийских войн и кончины Дария (который стал царем персов после Камбиса) у сицилийских тиранов и у керкирян появилось уже много триер. Ведь это были самые значительные морские державы эллинов в последнее время перед походом Ксеркса. Действительно, у эгинцев и афинян (и, возможно, у некоторых других городов) тогда были лишь небольшие корабли, в большинстве — пентеконторы. Только позднее, во время войны с эгинцами, когда уже ожидали нападения Варвара, Фемистокл убедил афинян построить знаменитый флот, с которым они и дали бой варварам. Впрочем, и эти корабли еще не имели сплошной палубы.

15. Столь незначительны были морские силы эллинов как в древнее время, так и впоследствии. Все же те города, которые ревностно занялись мореходством, достигли большого могущества, добывая себе богатства и распространяя свое господство на другие города. Так, на своих кораблях они нападали на острова и подчиняли их себе, особенно те, у кого своей земли было недостаточно. Но на суше никогда не доходило до такой войны, которая привела бы к возникновению крупной военной силы. Ведь все войны, какие случались, велись только между соседями, и дальних завоевательных походов за пределы своей земли эллины не совершали. У могущественных городов тогда еще не было зависимых союзников, а более слабые города не желали добровольно участвовать в общих походах, и каждый воевал с соседями на свой страх и риск. Только однажды, уже в древнее время, в войне халкидян с эретрийцами остальные эллинские государства примкнули к той или другой из воюющих сторон.

16. Между тем у разных городов возникли различные препятствия для их дальнейшего роста. С усилением могущества ионян на них во главе персидской державы пошел войной Кир. Сокрушив царство Креза, он завоевал все земли по сю сторону реки Галиса до моря и лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова.

2. Поход Мардония. Поход Датиса и Артаферна.

Геродот. История. Книга VI.

42. В этом году персы не предпринимали больше враждебных действий против ионян, кроме уже упомянутых. Напротив, в этот год произошли вот какие весьма выгодные ионянам события. Артафрен, сатрап Сард, приказал прислать к нему предводителей ионийских городов и заставил их заключить между собой договоры: споры должны разрешаться впредь мирным путем, грабить и разорять друг друга городам [было запрещено]. Сатрап заставил ионийские города принять это. Затем сатрап приказал произвести обмер их земли парасангами (этим словом персы обозначают меру в 30 стадий). После обмера он назначил каждому городу подать, которую они всегда с того времени неизменно выплачивают вплоть до сего дня [в таком размере], как установил Артафрен. Эти положенные подати Артафреном почти не превышали прежних податей, уплачиваемых ионийскими городами. Эти меры принесли мир Ионии.

43. С наступлением весны после смещения царем других главных военачальников Мардоний, сын Гобрия, выступил к морю с огромным сухопутным войском и большим флотом. Мардоний был еще молодой человек и только недавно вступил в брак с дочерью Дария Артозострой. Прибыв с этим войском в Киликию, сам Мардоний сел на корабль и продолжал дальнейший путь с флотом. Сухопутное же войско с другими военачальниками во главе двигалось к Геллеспонту. А Мардоний между тем плыл вдоль побережья Азии и достиг Ионии. Здесь-то и произошло нечто такое, что я назову самым поразительным событием для тех эллинов, которые не желали верить, будто Отан предложил семи персам ввести демократию в Персии. И действительно, Мардоний низложил всех ионийских тиранов и установил в городах демократическое правление. Совершив такой переворот, Мардоний поспешил дальше к Геллеспонту. После того как на Геллеспонте собралось множество кораблей, а также большие сухопутные силы, персы переправились на кораблях через пролив и затем двинулись по Европе, а именно на Эретрию и Афины.

44. Города эти явились, однако, лишь предлогом для похода. В действительности же персы стремились покорить как можно больше эллинских городов. Сначала, как известно, они при помощи флота подчинили фасосцев, которые даже не подумали оказать сопротивление. Затем сухопутное войско прибавило к числу прочих поработанных народностей еще и македонян (ведь все племена к востоку от Македонии были уже во власти персов). От Фасоса персы переправились на противоположный берег и поплыли вдоль побережья дальше до Аканфа, а от Аканфа стали огибать Афон. В пути, однако, на персидский флот обрушился порыв сильного северо-восточного ветра, который нанес ему страшные потери, выбросив большую часть кораблей на афонские утесы. При этом, как передают, погибло 300 кораблей и свыше 20 000 человек. Море у афонского побережья полно хищных рыб, которые набрасывались на [плавающих людей] и пожирали их. Другие разбивались о скалы, иные же тонули, не умея плавать, а иные, наконец, погибали от холода. Так-то нашел свою гибель персидский флот.

45. Ночью же стан Мардония в Македонии подвергся нападению фракийцев из племени бригов. Много персов при этом было перебито, и сам Мардоний ранен. Бриги, впрочем, все же не избежали персидского ига: Мардоний покинул эту страну, только окончательно покорив ее жителей. После этого ему пришлось отступить с войском, так как сухопутные силы понесли тяжелые потери от бригов, а флот потерпел жестокое крушение у берегов Афона. Итак, этот поход окончился позорной неудачей, и войско возвратилось в Азию.

66. У спартанцев из-за этого возникли разногласия, и, наконец, было решено просить оракул в Дельфах: Аристонов ли сын Демарат. Когда по наущению Клеомена дело это перенесли на решение Пифии, Клеомен сумел привлечь на свою сторону Кобона, сына Аристофанта, весьма влиятельного человека в Дельфах. А этот Кобон убедил Периллу, прорицательницу, дать ответ, угодный Клеомену. Так-то Пифия на вопрос послов

изрекла решение: Демарат — не сын Аристона. Впоследствии, однако, обман открылся: Кобон поплатился изгнанием из Дельф, а прорицательница была лишена своего сана.

67. Так-то был низложен Демарат. А бежал Демарат из Спарты в Персию вот из-за какого оскорбления.

94. Так-то афиняне начали войну с эгинцами. Между тем персидский царь стал приводить в исполнение свои замыслы. Ведь слуга постоянно напоминал царю не забывать об афинянах, а Писистратиды не переставали клеветать на афинян и возбуждать против них Дария. Вместе с тем Дарий намеревался под предлогом похода на афинян подчинить и других эллинов, которые не дали ему земли и воды. За неудачу в походе царь отстранил Мардония от должности. На его место он назначил двух новых военачальников, именно мидянина Датиса и Артафрена, сына Артафрена, своего племянника, и затем отправил их против Эретрии и Афин. Послал же их царь с приказанием обратить в рабство жителей Афин и Эретрии и привести пред его царские очи.

95. Эти назначенные вновь военачальники во главе многочисленного и прекрасно снаряженного войска прибыли на Алейскую равнину в Киликии. Пока они стояли там станом, подошел и весь флот (каждый приморский город был обязан выставлять корабли). Прибыли также и грузовые суда для перевозки лошадей (эти суда Дарий велел построить в прошлом году своим данникам). Погрузив лошадей на эти суда и посадив пехотинцев на корабли, персы отплыли на 600 триерах в Ионию. Оттуда, однако, они взяли курс не прямо вдоль берегов Геллеспонта и Фракии, но из Самоса поплыли мимо Икара от острова к острову. Как мне кажется, они прежде всего страшались объезда вокруг Афона, где в прошлом году им пришлось испытать великое бедствие. Кроме того, и Наксос, все еще не захваченный⁸⁴, вынуждал их держаться этого курса.

96. Из Икарийского моря персы подошли к Наксосу (на этот остров они прежде всего решили напасть). Наксосцы же, помня прежнюю осаду, не стали ждать нападения и бежали в горы. Персы же обратили в рабство попавшихся в их руки жителей и сожгли святилище и город. Затем они отплыли к другим островам.

97. Тем временем делосцы, так же как наксосцы, покинув свой остров, поспешно бежали на Тенос. Когда персидский флот появился [у острова], Датис, плывший впереди, приказал кораблям не бросать якорей возле острова, но по другую сторону, у Ренеи. Сам же Датис, узнав, где находятся делосцы, велел через глашатая сказать им следующее: «Жители священного острова! Зачем вы убегаете, подозревая меня в недостойных замыслах. Ведь я и сам настолько благоразумен, да и царь приказал мне: отнюдь не разорять этой страны, родины этих двух божеств, и не обижать ее жителей. Так вот, возвращайтесь в ваши дома и живите на острове». Это Датис велел сообщить делосцам через глашатая. Затем, возложив на алтарь 300 талантов благовоний, он воскурил фимиам.

98. После этого жертвоприношения Датис отплыл со своими кораблями, на которых находились ионяне и эолийцы, сначала в Эретрию.

99. Отплыв с Делоса, варвары приставали к островам, набирали там войско и брали в заложники детей островитян. Так, плывя от острова к острову, они прибыли к Каристу. Каристийцы ведь не дали персам заложников и отказывались воевать против соседних городов, именно против Эретрии и Афин. Поэтому персы начали осаждать их город и опустошать их землю, пока каристийцы не подчинились.

100. Когда эретрийцы узнали, что персидский флот плывет против них, то обратились за помощью к афинянам. Афиняне же не отказали в поддержке и послали на помощь 4000 своих клерухов, владевших землей халкидских гиппоботов. Это решение эретрийцев, по-видимому, было вовсе неразумным: ведь они призвали на помощь афинян, но согласия между ними не было. Одни хотели покинуть город и бежать в горы на Эвбее, а другие в надежде на личные выгоды от персов замыслили измену. Один влиятельный эретриец — Эсхин, сын Нофона, осведомленный об этих замыслах, сообщил прибывшим афинянам о положении дел; он просил афинян вернуться домой, чтобы не погибнуть вместе с ними. Афиняне же послушались этого совета Эсхина.

101. Они переправились в Ороп и спаслись. Персы же пристали к берегу у Тамин, Херей и Эгилии в Эретрийской области. Овладев этими местечками, персы тотчас же стали высаживать свою конницу и приготовились к битве. Эретрийцы же решили не выходить из города и не вступать в бой. Они заботились только о защите своего города, так как в конце концов приняли решение не покидать его. Шесть дней шла жестокая схватка у стен города и с обеих сторон пало много воинов. На седьмой же день Евфорб, сын Алкимаха, и Филагр, сын Кинея, — два знатных эретрийских горожанина — предали город персам. Персы вошли в город, разграбили и сожгли храм в возмездие за сожженное святилище в Сардах, а жителей по повелению Дария обратили в рабство.

102. После подчинения Эретрии персы простояли там несколько дней и затем отплыли дальше к Аттике. Они загоняли афинян в теснины, полагая, что те поступят так же, как эретрийцы. Наиболее удобным местом для действий конницы в Аттике был Марафон, к тому же находившийся ближе всего к Эретрии. Туда и вел их Гиппий, сын Писистрата.

103. Узнав об этом, афиняне также двинулись к Марафону. Во главе их войска стояло десять стратегов. Десятый был Мильтиад. Отец его Кимон, сын Стесагора, был изгнан из Афин Писистратом, сыном Гиппократа. Во время изгнания ему случилось победить в Олимпии [в состязании] с четверкой коней. Одержав эту победу, Кимон получил такую же награду, что и его единоутробный брат Мильтиад.

104. Итак, этот-то Мильтиад после возвращения из Херсонеса был тогда стратегом афинян. Дважды ему удалось избежать смерти: первый раз финикияне преследовали его до Имброса, во что бы то ни стало стараясь захватить и доставить к царю. Затем, избежав преследования финикиян, он возвратился на родину и чувствовал себя уже в безопасности. Тогда враги схватили его и предали суду по обвинению в тирании на Херсонесе. Однако Мильтиаду удалось оправдаться и от этих обвинений, и он по народному избранию был назначен афинским стратегом.

105. Находясь еще в походе, стратеги прежде всего отправили в Спарту глашатаем афинянина Фидиппида, который был скороходом и сделал себе из этого даже ремесло. Как потом рассказывал и уверял афинян сам Фидиппид, на горе Парфений, что выше Тегеи, ему явился бог Пан. Бог окликнул Фидиппида по имени и велел сказать афинянам, почему они так пренебрегают им, тогда как он благосклонен к афинянам, часто прежде им помогал и впредь также будет полезен. И действительно, афиняне, поверив истинности слов Фидиппида, когда настали для них вновь лучшие времена, воздвигли святилище Пана у подошвы акрополя и с тех пор ежегодно умилоствляют его жертвами и устраивают бег с факелами.

106. Итак, посланный стратегами из Афин, этот Фидиппид (по дороге, как он говорил, ему явился Пан) на второй день прибыл в Спарту. Там он предстал перед властями и сказал вот что: «Лакедемоняне! Афиняне просят вас помочь им и не допустить порабощения варварами древнейшего города в Элладе. Ведь Эретрия уже несет ярмо рабства, и Эллада стала беднее одним знаменитым городом». Так Фидиппид исполнил данное ему поручение; лакедемоняне же решили помочь афинянам. Тотчас же они, однако, не могли этого сделать, не желая нарушить закон. Это ведь был как раз девятый день первой половины месяца, а в девятый день, говорили они, нельзя выступать в поход, если луна будет неполной.

107. Так вот, лакедемоняне ждали полнолуния, а Гиппий, сын Писистрата, тем временем вел варваров к Марафону. В минувшую ночь Гиппий видел такой сон. Ему приснилось, будто он спал со своей собственной матерью. Сон этот он истолковал так, что он вернется в Афины, отвоюет себе власть и затем окончит свои дни в старости на родной земле. Так он объяснил свое видение. Тогда Гиппий велел переправить пленников из Эретрии, которых он вез с собою, на остров стирейцев под названием Эгилия; кораблям же приказал бросить якорь у Марафона, а после высадки расположил войско в боевом порядке. Между тем на Гиппия напали чихание и приступ кашля сильнее обычного. А так как у него, как у человека уже старого, большая часть зубов шаталась, то один зуб от

сильного кашля даже выпал. Зуб упал на песок, и Гиппию стоило больших усилий его искать, но зуб не находился. Тогда Гиппий со вздохом сказал своим спутникам: «Нет! Это не наша земля, и мы ее не покорим, ту часть ее, принадлежавшую мне по праву, взял теперь мой зуб».

108. Гиппий полагал, что сон его таким образом исполнился. К афинянам же у священной рощи Геракла подошли на помощь со всем своим ополчением платейцы. Платейцы отдались под защиту афинян, и из-за них афиняне уже испытали много бедствий. А искали защиты платейцы у афинян вот как. Сначала они, теснимые фиванцами, обратились за помощью к Клеомену, сыну Анаксандрида, который находился поблизости с лакедемонянами. Однако лакедемоняне отказались, ответив так: «Мы живем слишком далеко, и вам наша помощь бесполезна. Ведь вас успеют десять раз продать в рабство, пока весть об этом дойдет до нас. Мы советуем вам стать под защиту афинян. Они — ваши соседи и могут вас защитить». Этот совет лакедемоняне дали не столько из расположения к платейцам, сколько желая вовлечь афинян в тягостные распри с беотийцами. Платейцы же послушались их. И вот, когда афиняне приносили жертвы 12 богам, платейцы сели на алтаре как умоляющие и отдали свой город под покровительство афинян. Узнав об этом, фиванцы пошли войной на платейцев; афиняне же выступили на помощь платейцам. Обе стороны уже были готовы к бою, однако коринфяне не допустили кровопролития: они находились как раз поблизости и с согласия обеих сторон установили пограничную линию и уладили спор на таких условиях. Фиванцы должны оставить в покое беотийские города, которые не желают примкнуть к Беотийскому союзу. После этого решения коринфяне удалились. Беотийцы же напали на афинян, когда те возвращались домой, но потерпели поражение. Тогда афиняне перешли границы, установленные коринфянами для платейцев, и объявили реку Асоп и Гисии границей Фиванской и Платейской областей. Таким образом, платейцы отдались под защиту афинян, а теперь прибыли на помощь к Марафону.

109. Между тем мнения афинских стратегов разделились: одни высказались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой. Когда мнения так разошлись и верх стало брать худшее предложение, Мильтиад обратился к одиннадцатому участнику голосования, избранному афинянами по жребию полемархом (афиняне ведь издревле давали полемарху равное право голоса со стратегами). Полемархом же был тогда Каллимах из Афин. К нему-то и пришел Мильтиад и сказал вот что: «В твоих руках, Каллимах, сделать афинян рабами или же, освободив их, воздвигнуть себе памятник навеки, какого не воздвигали себе даже Гармодий и Аристокитон. Ведь с тех пор как существуют Афины, никогда еще им не грозила столь страшная опасность, как теперь. Если афиняне покорятся мидянам и снова попадут под власть Гиппия, то участь их решена. Если же наш город одолеет персов, то станет самым могущественным из эллинских городов. Как это возможно и почему именно решение в твоей власти, я сейчас тебе объясню. Мы — десять стратегов — разошлись во мнениях: одни советуют дать битву, а другие — нет. Если мы теперь же не решимся на битву, то я опасуюсь, что нахлынет великий раздор и так потрясет души афинян, что они подчинятся мидянам. Если же мы сразимся с врагом, прежде чем у кого-либо [из афинян] возникнет гнусный замысел [изменить], то мы одолеем, так как ведь существует же божественная справедливость. Все это теперь в твоей власти и зависит от тебя. Присоединись к моему совету, и твой родной город будет свободен и станет самым могущественным городом в Элладе. А если ты станешь на сторону противников битвы, тогда, конечно, мы погибем».

110. Этими словами Мильтиад привлек Каллимаха на свою сторону. Когда полемарх присоединил свой голос в поддержку Мильтиада, то было окончательно решено дать бой врагу. Потом стратеги, голосовавшие за битву, когда пришел их черед быть главнокомандующими, уступили главное начальство Мильтиаду. А тот хотя и принял главное начальство, но все еще не начинал сражения, пока очередь командовать не дошла до него самого.

111. И вот, когда пришел по кругу черед командовать Мильтиаду, афиняне выстроились в боевом порядке для битвы вот как: начальником правого крыла был полемарх Каллимах (у афинян существовал тогда еще обычай полемарху быть во главе правого крыла). За правым крылом во главе с Каллимахом следовали [аттические] филы одна за другой, как они шли по счету. Последними выстроились на левом крыле платейцы. Со времени этой битвы у афинян вошло в обычай, чтобы в Панафинейский праздник, справляемый каждый пятый год, при жертвоприношении афинский глашатай произносил молитву о даровании благ платейцам и афинянам. В то время когда афиняне строились в боевой порядок, на Марафонском поле случилось вот что: боевая линия эллинов оказалась равной персидской, но при этом центр ее составлял только немного рядов в глубину; здесь боевая линия была слабее всего, зато на обоих крыльях воины стояли более плотно.

112. Окончив боевое построение, после того как выпали счастливые предзнаменования, афиняне быстрым шагом по данному сигналу устремились на варваров. Расстояние же между обоими противниками было не меньше 8 стадий. При виде подходящих быстрым шагом врагов персы приготовились отразить атаку. Поведение афинян персам казалось безумным и даже роковым, так как врагов было немного и притом они устремлялись на персов бегом без прикрытия конницы и лучников. Так думали варвары. Афиняне бросились на врагов сомкнутыми рядами врукопашную и бились мужественно. Ведь они первыми из всех эллинов, насколько мне известно, напали на врагов бегом и не уstraшились вида мидийского одеяния и воинов, одетых по-мидийски. До сих пор даже ведь одно имя мидян приводило в страх эллинов.

113. Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки, одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с врагами, прорвавшими центр. И здесь также победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Здесь они старались напасть на корабли и поджечь их.

115. Семь кораблей захватили таким образом афиняне. На остальных же варвары снова вышли в море. Затем, захватив с собой оставленных на острове пленников в Эретрии, персы стали огибать Суний, стремясь прибыть к Афинам раньше афинского войска. Афиняне подозревали, что персы задумали этот [маневр] по коварному наущению Алкмеонидов: говорили, что Алкмеониды, условившись с персами, когда те уже были на кораблях, дали им сигнал щитом.

116. Пока персы огибали Суний, афиняне со всех ног спешили на защиту родного города и успели прибыть туда раньше варваров. И как они прибыли от святилища Геракла в Марафоне, так теперь остановились и разбили стан у другого Гераклова святилища, что в Киносарге. Варварский же флот появился и стал против Фалера (тогда это была гавань афинян); затем, простояв на якоре в открытом море выше Фалера, варвары отплыли назад в Азию.

117. В этой битве при Марафоне пало около 6400 варваров, афиняне же потеряли 192 человека. Таковы были потери обеих сторон. Случилось в этой битве также удивительное происшествие. Один афинянин, по имени Эпизел, сын Куфагора, доблестно сражавшийся в битве, лишился зрения, не будучи поражен ни мечом, ни стрелой. С этого времени он ослеп и остался слепым на всю остальную жизнь. Как я слышал, он сам рассказывал об этом приблизительно вот что: предстал ему тяжело вооруженный воин огромного роста, борода которого закрывала весь щит. Призрак этот прошел, однако, мимо него, но поразил стоявшего с ним рядом воина. Так, говорили мне, рассказывал Эпизел.

120. После полнолуния прибыло в Афины 2000 лакедемонян. Они двигались так быстро, стараясь прийти вовремя, что были уже на третий день по выступлении из Спарты на Аттической земле. Несмотря на то что спартанцы опоздали к сражению, они все же хо-

тели посмотреть на павших мидян. Они прибыли в Марафон, осмотрели поле битвы и затем, воздав хвалу афинянам за победу, возвратились домой.

Пер. Г.А. Стратановского

3. Поход Ксеркса.

Геродот. История. Книга VII

1. Когда весть о Марафонской битве пришла к царю Дарию, сыну Гистаспа, то царь еще сильнее распалился гневом на афинян, хотя и раньше питал против них страшную злобу за нападение на Сарды. Он повелел ускорить приготовления к походу на Элладу. Тотчас же царь стал рассылать гонцов по городам с приказанием снаряжать войско. На этот раз каждый город должен был выставить еще больше войска, военных кораблей, коней, продовольствия и грузовых судов, чем раньше. После того как вышло это повеление, вся Азия пришла на три года в движение, причем собирали и снаряжали всех самых доблестных мужей в поход на Элладу. Между тем на четвертый год подняли восстание против персов покоренные Камбисом египтяне. Тогда Дарий стал еще более усиленно готовиться в поход против тех и других.

2. Во время этих сборов Дария в поход на Египет и Афины среди его сыновей началась великая распря из-за царского сана, так как, по персидскому обычаю, перед походом Дарий должен был назначить другого царя. У Дария еще до вступления на престол было трое сыновей от первой супруги, дочери Гобрия, а после воцарения — еще четверо от Атоссы, дочери Кира. Из прежних сыновей старшим был Артобазан, а из родившихся после — Ксеркс. Как сыновья разных матерей, те и другие притязали на власть. Так, Артобазан [утверждал], что он — старший в роде и что у всех народов власть, по обычаю, принадлежит старшему. Ксеркс же основывал свои притязания на том, что он — сын Атоссы, дочери Кира, а Кир — освободитель персов.

3. Дарий еще не успел разрешить этот спор, когда в Сусы как раз прибыл Демарат, сын Аристона. Лишенный царской власти в Спарте, он добровольно удалился в изгнание из Лакедемона. Этот-то человек, услышав о ссоре сыновей Дария, пришел, как гласит молва, к Ксерксу с советом: [в споре в Артобазаном], кроме приведенных доводов, Ксеркс должен опираться на то, что родился после воцарения Дария, когда тот был уже владыкой персов. Артобазан же — когда Дарий еще не был царем. Поэтому нелепо и несправедливо, чтобы кто-либо другой, кроме Ксеркса, обладал царским саном. В Спарте, по крайней мере, говорил Демарат, также в обычае, если при сыновьях, родившихся до воцарения отца, у царя по вступлении на престол рождается еще сын, то этот позже рожденный становится наследником престола. Ксеркс принял совет Демарата, и Дарий, признав совет правильным, отдал престол Ксерксу. Я думаю, впрочем, что Ксеркс, пожалуй, воцарился бы и без этого совета, потому что Атосса была всемогуща.

4. Итак, поставив царем Ксеркса, Дарий стал собираться в поход. Но вот случилось так, что спустя год после восстания в Египте Дарий во время сборов к походу скончался (он всего царствовал 36 лет) и ему так и не удалось покарать восставших египтян и афинян.

5. Так-то вот после кончины Дария наследником стал его сын Ксеркс. Однако Ксеркс вначале вовсе не желал идти в поход на Элладу; он снаряжал только войско против Египта. Был при дворе Ксеркса человек, весьма уважаемый среди персов, — Мардоний, сын Гобрия (он приходился двоюродным братом Ксерксу и был сыном сестры Дария). Этот-то Мардоний обратился к царю с таким предложением: «Владыка! Несправедливо оставлять афинян без наказания за много зол, которые они причинили персам. Ныне же ты можешь выполнить свой замысел. Подавив мятеж высокомерного Египта, иди в поход на Афины. Тогда ты стяжаешь себе добрую славу среди людей, и в будущем любой враг остережется нападать на твою землю». Эти слова Мардония взывали к отмщению. Потом он добавил к этому еще вот что: «Европа, — сказал он, — страна замечательно красивая,

изобилует всякого рода плодовыми деревьями, и исключительно плодородная, и из смертных один только царь достоин обладать ею».

7. [Уступив таким доводам], Ксеркс решил идти в поход на Элладу и на второй год после кончины Дария выступил сначала против египетских мятежников. Восстание было подавлено, и на весь Египет наложено еще более тяжкое, чем при Дарии, ярмо рабства. Правителем Египта Ксеркс поставил своего брата Ахемена, сына Дария. Впоследствии Ахемена, когда он правил Египтом, убил Инар, сын Псамметиха, ливиец.

20. После покорения Египта полных четыре года потребовалось Ксерксу на снаряжение и набор войска. На исходе же пятого года царь выступил в поход с огромными полчищами. Это было, безусловно, самое большое войско из известных нам. С этим войском не могло сравниться ни войско Дария [в походе] на скифов, ни скифское войско, когда скифы, преследуя по пятам киммерийцев, вторглись в Мидийскую землю и, покорив почти всю Переднюю Азию, там поселились (из-за чего впоследствии Дарий и выступил в поход отомстить скифам). Точно так же, по сказанию, [было гораздо меньше] и войско Атридов в походе на Илион, и мисийцев, и тевкров (они еще до Троянской войны переправились в Европу по Боспору, покорили всех фракийцев, дошли до Ионийского моря и на юге — до реки Пенея).

21. Эти и другие походы нельзя сравнить с одним этим походом. Действительно, какой только народ не привел Ксеркс из Азии в Элладу? Разве не оказалось питьевой воды слишком мало для Ксерксова войска всюду, кроме больших рек? Ведь одни народы должны были снаряжать корабли, другим было приказано выставить пеших воинов, третьим — конницу, четвертым, кроме войска, — грузовые суда для перевозки лошадей, пятые должны были доставлять длинные суда для мостов и, наконец, шестые — продовольствие и грузовые суда.

22. Так как в первый раз флот персов понес тяжелые потери, огибая Афон, то уже заранее почти три года подряд велись работы с целью прорыть Афонский перешеек. В Элеунте, что на Херсонесе, стояли на якоре триеры. Отправляясь оттуда, все разноплеменные войска под ударами бичей должны были прокапывать [перешеек], причем одни воины приходили на смену другим. Персы заставляли копать также и жителей Афона. Персы Бубар, сын Мегабаза, и Артахей, сын Артея, руководили работами.

23. Копали варвары канал таким вот образом: разделив отдельные участки между разными народностями, они протянули затем прямую линию по каналу. Когда прокопанный ров стал глубоким, то одни рабочие, стоявшие ниже, продолжали копать, другие же передавали выкапываемую землю стоявшим выше на ступенях; последние принимали и передавали далее следующим, пока земля не попадала к стоящим наверху. Эти же выносили и выбрасывали землю.

24. Если мое предположение правильно, то Ксеркс велел копать канал просто из пустого тщеславия. Он желал показать свое могущество и воздвигнуть себе памятник. Хотя корабли легко можно было протащить волоком через перешеек, царь все же повелел построить канал такой ширины, что по нему одновременно могли плыть две триеры на веслах. Тем же самым людям, работавшим на канале, было приказано построить мост на реке Стримоне.

26. Пока эти люди выполняли урочную работу, все сухопутное войско во главе с Ксерксом собралось и двинулось на Сарды из Криталлов в Каппадокии. Ведь Криталлы были назначены местом сбора всего войска, которое под предводительством Ксеркса должно было идти по суше. Какой сатрап привел тогда наилучше снаряженное войско и получил за это назначенные царем дары — этого я сказать не могу. Я даже не знаю, была ли у них вообще речь о таком соревновании. Когда персы направились через реку Галис, то вступили во Фригию и затем прибыли в Келены.

30. Так сказал царь и сдержал свое слово. Затем он пошел с войском дальше. Пройдя фригийский город Анаву и озеро, из которого добывают соль, Ксеркс прибыл в Колоссы, большой город Фригии. В этом городе река Лик низвергается в расселину и исчезает под землей. Затем приблизительно через 5 стадий эта река снова выходит на поверхность и впадает в Меандр. Выступив из Колоссов, войско двинулось к границам Фригии и Лидии и прибыло в город Кидрары, где находится врытый в землю столп, воздвигнутый Крезом, с надписью, обозначающей эти границы.

31. Из Фригии Ксеркс вступил в Лидию, где дорога разделяется. Направо ведет путь в Карию, а направо — в Сарды.

32. По вступлении же в Сарды Ксеркс, прежде всего, отправил послов в Элладу потребовать земли и воды с приказанием позаботиться о дружественном приеме царя. Он отправил послов требовать земли во все другие города, кроме Афин и Лакедемона. Вновь же отправил он послов с требованием земли и воды вот по какой причине: он твердо надеялся, что те города, которые раньше отказались подчиниться Дарию, теперь из страха согласятся. И вот, желая точно убедиться в этом, Ксеркс и отправил послов.

33. Затем Ксеркс начал готовиться к походу на Абидос. Между тем мост через Геллеспонт из Азии в Европу, соединявший оба материка, был построен [финикиянами и египтянами]. На Херсонесе (что на Геллеспонте) между городами Сестом и Мадитом находится скалистый выступ против Абидоса. Это то самое место, где незадолго до этого афиняне под начальством стратега Ксантиппа, сына Арифрона, захватили перса Артаикта, сатрапа Сеста, и живым распяли на кресте, того самого перса, который велел согнать женщин в святилище Протесилая в Элеунте и там поступил с ними нечестиво.

34. Итак, к этому скалистому выступу из Абидоса людьми, которым это было поручено, были построены два моста. Когда же, наконец, пролив был соединен мостом, то разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку.

35. Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал также палачей заклеить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке». Так велел Ксеркс наказывать это море, а надзирателям за сооружением моста через Геллеспонт — отрубить головы.

36. И палачи, на которых была возложена эта неприятная обязанность, исполнили царское повеление. Мосты же вновь соорудили другие зодчие.

41. На этой колеснице Ксеркс выступил из Сард. Впрочем, царь переходил как ему заблагорассудится с колесницы в крытую дорожную повозку. Позади царя следовала 1000 копьеносцев, самые доблестные и знатные персы, по обычаю держа копье кверху. Затем шла другая 1000 отборных персидских всадников, а после всадников 10 000 пеших воинов, отобранных из остального войска персов. Из них у 1000 человек на нижнем конце копий были золотые гранатовые яблоки. Эти воины окружали остальных кольцом. У 9000 воинов, шедших в середине, были серебряные гранатовые яблоки [на нижних концах копий]. Были также золотые гранатовые яблоки и у копьеносцев с копьями, обращенными вниз к земле. Ближайшая свита Ксеркса имела золотые яблоки [вместо гранатов]. За этими 10 000⁴⁵ следовало 10 000 персидской конницы. За конницей образовывался опять промежуток в 2 стадии и, наконец, шли все остальные нестройные полчища.

55. После этого войско приступило к переправе. Пешее войско и вся конница шли по одному мосту в сторону Понта, а по другому — в сторону Эгейского моря переправлялись вьючные животные и обоз. Во главе выступало 10 000 персидских воинов; все они были увенчаны венками. За ними вперемежку следовали разноплеменные полчища. Шли они весь этот первый день. А на следующий сначала переправлялись всадники и копье-

носцы с копьями, обращенными вниз. Эти воины были также увенчаны венками. За ними двигались священные кони и священная колесница, затем — сам Ксеркс с копыеносцами и 1000 всадников и, наконец, остальное войско. Одновременно и корабли поплыли к другому берегу. Впрочем, я слышал также, что Ксеркс переправился самым последним.

56. Переправившись в Европу, Ксеркс стал наблюдать переправу своего войска, [двигавшегося] по мосту под ударами бичей. Продолжался переход царского войска семь дней и семь ночей без отдыха. При этом, как передают, когда Ксеркс уже находился на другой стороне Геллеспонта, какой-то геллеспонтиец сказал ему: «Зевс! Почему ты в облике перса, приняв имя Ксеркса, желаешь опустошить Элладу и ведешь с собой полчища всего мира? Ведь это ты мог бы совершить и без них!».

58. Корабли отплыли за пределы Геллеспонта и шли вдоль побережья в направлении, противоположном войску, именно они плыли на запад, держа курс на Сарпедонский мыс, где им было приказано ожидать сухопутное войско. Войско же направлялось на восток через Херсонес. Оставив на правой стороне могильный памятник Геллы, дочери Афаманта, а налево — город Кардию, войско прошло посередине города под названием Агора. Затем оно обогнуло залив по имени Мелас и реку Мелас. Воды в реке было недостаточно для войска, и река иссякла. Перейдя эту реку, от которой и название залива, войско повернуло на запад. Затем мимо эолийского города Эноса и Стенторийского озера оно прибыло в Дориск.

60. Сколь велика была численность полчищ каждого народа, я точно сказать не могу, потому что об этом никто не сообщает. Общее же количество сухопутного войска составляло 1 700 000 человек.

82. Итак, военачальниками были эти названные мною люди. Во главе же их и всего сухопутного войска стояли Мардоний, сын Гобрия; Тритантехм, сын Артабана, который подал совет против похода на Элладу; Смердомен, сын Отана (оба они — сыновья братьев Дария, двоюродные братья Ксеркса); Масист, сын Дария и Атоссы; Гергис, сын Ариаза, и Мегабиз, сын Зопира.

83. Это были начальники всего сухопутного войска, кроме 10 000 персов. Во главе этого отряда 10 000 отборных персидских воинов стоял Гидарн, сын Гидарна. Этот отряд персов называли «бессмертными», и вот почему. Если кого-нибудь постигала смерть или недуг и он выбывал из этого числа, то [на его место] выбирали другого и [потому в отряде] всегда бывало ровно 10 000 воинов — не больше и не меньше. Из всех народностей лучше всего держали боевой порядок персы, и они были самыми доблестными. Снаряжение их было такое, как я уже сказал, а кроме того, они блистали множеством роскошных золотых украшений. Их сопровождали повозки с наложницами и множеством прислуги в богатых одеждах. Продовольствие для них везли (отдельно от прочих воинов) на верблюдах и вьючных животных.

87. Только одни эти народности служили в коннице. Численность же конницы составляла 80 000 всадников, не считая верблюдов и колесниц. Всадники [других народностей] были построены эскадронами, арабские же [всадники] стояли последними. Ведь кони не могли выносить верблюдов, и, чтобы кони не пугались, их поставили позади.

89. Число триер [во флоте Ксеркса] было 1207. Выставили же эти [корабли] следующие народности: финикияне вместе с сирийцами, что в Палестине, — 300 триер. Вооружены они были так: на головах воинов были шлемы почти такие же, как у эллинов. Затем они носили льняные панцири, щиты без [металлических] ободьев и дротики. Эти финикияне, по их же словам, в древности обитали на Красном море, а впоследствии переселились оттуда и ныне живут на сирийском побережье. Эта часть Сирии и вся область вплоть до Египта называется Палестиной. Египтяне же выставили 200 кораблей. Они носили плетеные шлемы, выпуклые щиты с широкими [металлическими] ободьями, морские [абордажные] копья и большие секиры. У большинства были панцири и длинные ножи. Так они были вооружены.

101. Проплыв между кораблями, Ксеркс сошел с корабля на берег и затем велел послать за Демаратом, сыном Аристонa (он участвовал в походе на Элладу). Призвав Демарата, царь сказал ему так: «Демарат! Мне угодно теперь задать тебе вопрос. Ты эллин и, как я узнал от тебя и от прочих эллинов, с которыми мне пришлось говорить, не из самого ничтожного и слабого города. Скажи же мне теперь: дерзнут ли эллины поднять на меня руку? Ведь, мне думается, даже если бы собрались все эллины и другие народы запада, то и тогда не могли бы выдержать моего нападения, так как они не действуют заодно. Но все же мне желательно узнать твое мнение. Что ты скажешь о них?». Так спрашивал царь, а Демарат отвечал: «Царь! Говорить ли мне правду или тебе в угоду?». Ксеркс приказал ему говорить правду, прибавив, что, как и раньше, не оставит его своими милостями.

102. Услышав ответ царя, Демарат сказал так: «Царь! Так как ты велишь мне непременно говорить правду так, чтобы потом за это меня нельзя было уличить во лжи, то скажу тебе. Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании. Я воздаю, конечно, хвалу всем эллинам, живущим в дорийских областях. Однако то, что я хочу теперь тебе поведать, относится не ко всем им, но только к лакедемонянам. Прежде всего они никогда не примут твоих условий, которые несут Элладе рабство. Затем они будут сражаться с тобой, даже если все прочие эллины перейдут на твою сторону. Что же до их численности, то не спрашивай, сколько у них боеспособных воинов. Ведь если их выйдет в поход только тысяча или около того, то все равно они будут сражаться!».

103. Выслушав такую речь, Ксеркс заметил со смехом: «Демарат! Какие слова слетели с твоих уст! Тысяча воинов будет биться со столь великим войском! Ведь ты говорил, что сам был царем этого народа, так сможешь ли сейчас один устоять против десяти? Если весь ваш народ действительно таков, как ты его описываешь, то тебе-то, их царю, следовало бы, по вашим законам, выйти против двойного числа врагов. Ведь если каждый спартанец стоит десяти моих воинов, то можно ожидать, что ты равноценен по крайней мере двадцати моим воинам. И тогда я поверю, что ты говоришь правду. Если же они силой и статностью такие же люди, как и ты и другие эллины, с которыми мне довелось общаться, то вы только похваляетесь. Смотри, как бы такие речи не оказались пустым хвастовством. Рассуди же по всему вероятно и разумно. Возможно ли, чтобы 1000, 10 000 или даже 50 000 воинов, к тому же одинаково свободных и без единого начальника, могли устоять против столь великого войска? Ведь если у них 5000 воинов, то у нас на каждого спартанца придется свыше 1000. Конечно, будь они под начальством одного человека (по нашему персидскому обычаю), то из страха перед ним они могли бы выказать сверхчеловеческую храбрость и под ударами бичей напали бы даже на численно превосходящего врага. Напротив, представленные самим себе, они, конечно, не в состоянии совершить ничего подобного. А мне думается, что эллины, даже численно равные, с трудом устоят против одних персов. Только у нас, однако, действительно есть то, о чем ты говоришь; правда, встречается это довольно редко: среди моих копьеносцев есть такие, что могут легко справиться сразу с тремя эллинами. Ты ничего этого не знаешь и поэтому болтаешь много вздора!».

104. На это Демарат ответил так: «Царь! Я уже заранее знал, что мои правдивые слова придется тебе не по душе. Но так как ты велел мне быть совершенно искренним, то я и говорил тебе так о спартанцах. Тебе самому, впрочем, прекрасно известно, как я именно теперь люблю спартанцев, которые отняли у меня царские почести и наследственные права, сделав лишенным родины изгнанником. Родитель же твой принял меня и дал средства для жизни и кров. Ведь не дело разумному человеку отвергать столь великие благодеяния, но, напротив, следует высоко ценить и проявлять благодарность. Я не стану утверждать, что могу сражаться ни с десятью, ни с двумя противниками, а добровольно я не вступил бы даже в единоборство. В случае же необходимости или если бы меня ожидала великая награда за победу, я с превеликим удовольствием сразился бы с одним из тех

воинов, которые, по твоим словам, могут сражаться сразу с тремя эллинами. Так дело обстоит и с лакедемонянами: в единоборстве они сражаются столь же храбро, как и другие народы, а все вместе в бою они доблестней всех на свете. Правда, они свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка — это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть. Если эти мои слова кажутся тебе пустой болтовней, то впредь об остальном я ничего тебе не скажу. Впрочем, да будет все, царь, по твоей воле!».

121. Все же эллинским городам под давлением необходимости приходилось выполнять царское повеление. Ксеркс же отдал приказ военачальникам флота отплыть из Аканфа и ожидать его в Ферме. А Ферма лежит именно в Фермейском заливе (от нее и залив этот получил свое название). Ведь, как царь узнал, через Ферму проходил самый короткий путь для войска. От Дориска до Аканфа войско двигалось в таком порядке: все сухопутное войско Ксеркс разделил на три части. Одной части он приказал идти вместе с флотом вдоль побережья. Во главе этого отряда стояли Мардоний и Масист. Вторая часть войска под предводительством Тритантехма и Гергиса шла дорогой, ведущей в глубь страны. Третья же часть, с которой следовал сам Ксеркс, под начальством Смердомена и Мегабиза двигалась посередине между двумя первыми.

122. Итак, флот был отослан Ксерксом и прошел Афонским каналом в залив, где лежат города Асса, Пилор, Синг и Сарта. Взяв из этих городов также [пополнение] для команды, корабли поплыли дальше в Фермейский залив. Затем, обогнув мыс Ампел у Тороны, флот миновал следующие эллинские города: Торону, Галепс, Сермилу, Мекиберну и Олинф. Из всех этих городов были взяты корабли и команды. Область эта называется Сифонией.

133. В Афины же и в Спарту Ксеркс не отправил глашатая с требованием земли [и воды], и вот по какой причине. Когда Дарий прежде отправил туда послов, требуя покорности, то афиняне сбросили их в пропасть, а спартанцы — в колодезь и велели им оттуда принести [царю] землю и воду. Поэтому-то Ксеркс теперь и не послал к ним глашатаев с требованием покорности. Какое несчастье постигло афинян за их поступок, я не могу сказать, кроме того, что их земля и сам город были разорены. Впрочем, мне думается, опустошение [Аттики] произошло не из-за этого.

134. Что до лакедемонян, то их поразил гнев Тальфибия, глашатая Агамемнона. Ведь в Спарте есть святилище героя Тальфибия, и существуют также его потомки, так называемые Тальфибиады, которым предоставлено преимущественное право выполнять должность глашатаев. После умерщвления глашатаев у спартанцев все [предзнаменования] при жертвоприношениях выпадали неблагоприятными. И это продолжалось долгое время. Лакедемоняне были глубоко встревожены, предаваясь печали из-за этого несчастья. Много раз они созывали народное собрание и через глашатаев объявляли: не желает ли кто-нибудь из лакедемонян пожертвовать жизнью за Спарту. Тогда выступили Сперхий, сын Анериста, и Булис, сын Николая, знатного рода и богатые спартанцы. Они добровольно вызвались понести наказание от Ксеркса за умерщвление в Спарте глашатаев Дария. Так спартанцы отослали этих людей в Мидийскую землю на смерть.

138. О походе царя говорили, будто он направлен только против Афин, на самом же деле персы шли против всей Эллады. Эллыны уже давно знали об этом по слухам, но не могли объединиться для совместных действий. Некоторые из них уже дали персидскому царю [в знак покорности] землю и воду и поэтому полагали, что варвары не причинят им вреда. Те же, которые этого не сделали, жили в великом страхе, так как во всей Элладе не доставало боевых кораблей, чтобы дать отпор врагу. Большинство эллинских городов вообще не желало воевать, но открыто сочувствовало персам.

139. Поэтому я вынужден откровенно высказать мое мнение, которое, конечно, большинству придется не по душе. Однако я не хочу скрывать то, что признаю истиной. Если бы афиняне в страхе перед грозной опасностью покинули свой город или, даже не

покидая его, сдались Ксерксу, то никто [из эллинов] не посмел бы оказать сопротивления персам на море. Далее, не найди Ксеркс противника на море, то на суше дела сложились бы вот как: если бы даже и много «хитонов стен» пелопоннесцам удалось воздвигнуть на Истме, то все же флот варваров стал бы захватывать город за городом и лакедемоняне, покинутые на произвол судьбы союзниками (правда, не по доброй воле, но в силу необходимости), остались бы одни. И вот покинутые всеми, лакедемоняне после героического сопротивления все-таки пали бы доблестной смертью. Следовательно, их ожидала бы такая участь или, быть может, видя переход всех прочих эллинов на сторону персов, им пришлось бы еще раньше сдаться на милость Ксеркса. Таким образом, и в том и в другом случае Эллада оказалась бы под игом персов. Действительно, мне совершенно непонятно, какую пользу могли принести стены на Истме, если царь [персов] господствовал на море. Потому-то не погрешешь против истины, назвав афинян спасителями Эллады. Ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам, поскольку те еще не перешли на сторону мидян, и с помощью богов обратили царя в бегство. Не могли утратить афинян даже грозные изречения дельфийского оракула и побудить их покинуть Элладу на произвол судьбы. Они спокойно стояли и мужественно ждали нападения врага на их землю.

143. Был тогда в Афинах один человек, лишь недавно выдвинувшийся на первое место среди наиболее влиятельных граждан. Его звали Фемистоклом, и был он сыном Неокла. Он считал, что толкователи оракулов не все изречение объясняли правильно, и говорил так: «Если бы упомянутый стих действительно относился к афинянам, то бог, как мне кажется, не выбрал бы столь миролюбивых выражений, но сказал бы: “несчастный Саламин” вместо “божественный Саламин”, если только жителям его суждено погибнуть в борьбе за остров. Напротив, если изречение понять правильно, то его следует относить к врагам, а не к афинянам». Поэтому Фемистокл советовал афинянам готовиться к морской битве, так как «деревянные стены» и есть корабли. Толкование Фемистокла понравилось афинянам гораздо больше, чем объяснение толкователей оракулов, которые были против приготовлений к битве на море и вообще советовали даже не поднимать руки на врага, но покинуть Аттику и поселиться где-нибудь в другой стране.

144. Еще раньше этого совета Фемистокла афиняне приняли другое его удачное предложение. В государственной казне афинян тогда было много денег, поступавших от доходов с Лаврийских рудников. Эти деньги полагалось разделить между гражданами, так что каждому приходилось по 10 драхм. Фемистокл убедил афинян отказаться от дележа и на эти деньги построить 200 боевых кораблей, именно для войны с Эгиной. Эта-то вспыхнувшая тогда война с Эгиной и спасла Элладу, заставив Афины превратиться в морскую державу. Хотя корабли эти не нашли применения против эгинцев (для чего были построены), но теперь онигодились Элладе. Итак, у афинян были уже эти, построенные раньше корабли, и теперь нужно было построить еще другие. И вот афиняне, обсудив ответ оракула, решили по совету бога встретить всей своей военной мощью на море нападение варваров на Элладу вместе с эллинскими городами, которые пожелали к ним присоединиться.

145. Теперь все эллины, избравшие «лучшую долю» в общеэллинском деле, собрались в одном месте. Там они держали совет и заключили союз под клятвой, прежде всего решив прекратить вражду и междоусобные войны. Между прочим, и другие города воевали тогда друг с другом, но самую ожесточенную войну вели афиняне с эгинцами. Затем эллины решили послать соглядатаев в Азию разузнать о военной силе персидского царя, который, по их сведениям, находился с войском в Сардах. В Аргос они отправили послов заключить союз против персидского царя. Также отрядили они двух послов в Сицилию к Гелону, сыну Диномена, и еще других — на Керкиру и на Крит с просьбой помочь Элладе. Они хотели сделать попытку объединить, если возможно, всех эллинов и побудить их действовать заодно пред лицом всеобщей опасности. Держава же Гелона, как считали то-

гда, была весьма могущественной и, пожалуй, даже самой могущественной среди эллинских городов.

172. Фессалийцы же первыми, и то лишь поневоле, перешли на сторону персов, как это они и дали понять, потому что им вовсе были не по душе происки Алевадов. Лишь только они узнали о намерении персидского царя переправиться в Европу, то отправили послов на Истм. На Истме же собрались посланцы Эллады, избранные от городов, верных эллинскому делу. По прибытии послы выступили на этом собрании и сказали так: «Эллины! Нужно удерживать олимпийский проход, чтобы спасти Фессалию и всю Элладу от [ужасов] войны. Мы готовы ныне вместе с вами защищать этот проход, но и вы также должны послать большое войско. Если вы этого не сделаете, то знайте: мы сдадимся персидскому царю. Поэтому вы не должны требовать, чтобы мы, стоящие на страже так далеко от остальной Эллады, одни погибли за вас. Не желая помочь нам, вы никак не сможете заставить нас присоединиться к вашему союзу. Ибо нет силы сильнее немощи. А нам придется тогда самим подумать о своем спасении». Так говорили фессалийцы.

173. А эллины в ответ на это решили послать морем войско в Фессалию для защиты прохода. Войско собралось и затем отплыло через [пролив] Еврипа. По прибытии в Алос войско высадилось на сушу и, оставив там корабли, направилось в Фессалию. Затем оно пришло в Темпейскую долину к проходу, идущему вдоль реки Пеней между горами Олимпом и Оссой из Нижней Македонии в Фессалию. Там собрались станом эллины в числе около 10 000 гоплитов; к ним присоединилась здесь и фессалийская конница. Во главе лакедемонян стоял Евенет, сын Карена, один из полемархов, однако не царского рода; военачальником же афинян был Фемистокл, сын Неокла. Впрочем, эллины оставались там всего несколько дней: прибывшие от Александра, сына Аминты, македонского царя, вестники советовали не оставаться в проходе, чтобы не дать себя раздавить наступающему врагу. При этом вестники указывали на огромную численность вражеского войска и кораблей. Эллины послушались этого совета, так как нашли его благоразумным и сам македонский царь казался дружественно расположенным к ним. По моему же мнению, побудительной причиной их поступка был страх: эллины узнали, что существует еще другой проход в Фессалию в Верхней Македонии, через страну перребов у города Гонна, через который действительно и прошло Ксерксово войско. Эллины же снова сели на корабли и отплыли назад к Истму.

174. Как раз во время этого похода в Фессалию [персидский] царь был уже в Абидосе, собираясь переправиться из Азии в Европу. А покинутые эллинами фессалийцы откровенно и без колебания перешли на сторону персов и оказали царю на войне весьма ценные услуги.

175. Когда эллины снова прибыли на Истм, то стали держать совет, где и как им вести войну после сообщения Александра. Верх одержало мнение, что следует занять Фермопильский проход. Этот проход был, конечно, уже прохода, ведущего в Фессалию, и ближе к их земле. О тропинке же, из-за которой погибли павшие в Фермопильском ущелье эллины, они тогда еще ничего не знали. Узнали же о ней только в Фермопилах от трахинцев. Этот-то проход эллины и решили занять, чтобы преградить путь персидскому царю в Элладу. Флот же должен был плыть к Артемисию в области Гистиеотиды. И то и другое место находится неподалеку друг от друга, так что из одного быстро можно узнать, что происходит в другом. Расположены же они вот так.

176. Во-первых, Артемисий. Здесь из широкого Фракийского моря образуется узкий пролив, отделяющий остров Скиаф от Магнесии на материке. А за Евбейским проливом идет Артемисий, т. е. побережье [Артемисия], где стоит святилище Артемиды. Во-вторых, проход в Элладу через местность Трахин, шириной в самом узком месте в полплефра. Однако наиболее узкое место находится не у города Трахина, а перед Фермопилами и за ними. Так, у селения Альпены за Фермопилами есть проезжая дорога только для одной повозки, и перед ними у реки Феникс близ города Анфелы можно опять ехать толь-

ко на одной повозке. На западе от Фермопил поднимается недоступная, обрывистая и высокая гора, простирающаяся до Эты. На востоке же проход подходит непосредственно к морю и болотам.

177. Эти-то оба места эллины и выбрали благодаря их удачному расположению. Обсудив все заранее и, кроме того, учтя, что варвары не смогут тут пустить в дело массу своей пехоты и конницу, эллины и решили в этом месте ожидать нападения врага. Когда затем стало известно, что персидский царь уже в Пиерии, эллины распустили собрание на Истме и выступили в поход: одни — сухим путем к Фермопилам, а другие — морем к Артемисию.

178. Итак, эллины двинулись поспешно на помощь, каждый в указанное место. Между тем дельфийцы, страшась за свою судьбу и участь всей Эллады, спросили бога. Бог ответил им: нужно молиться ветрам, так как [боги] ветров будут могучими союзниками Эллады. Дельфийцы же с верою приняли прорицание и прежде всего сообщили ответ оракула всем свободолюбивым эллинам, которые трепетали перед варваром. И дельфийцы, это прорицание «им возвестив, благодарность навеки стяжали». Затем они воздвигли ветрам алтарь в Фие, где лежит [священный участок] и святилище Фии, дочери Кефиса (от нее и пошло название этого места), и почтили их жертвоприношениями. И поныне еще в силу этого прорицания дельфийцы умилоствуют ветры жертвоприношениями.

179. Между тем флот Ксеркса вышел из города Фермы, и десять самых быстроходных кораблей поплыли вперед прямо к Скиафу. Здесь стояли три дозорных эллинских корабля: трезенский, эгинский и аттический. Завидев издали варварские корабли, эллины обратились в бегство.

184. До этого места и до Фермопил персидское войско и флот еще не понесли никаких потерь. Общая численность персидских боевых сил, по моим вычислениям, была тогда вот какая: на 1207 азиатских кораблях первоначально было воинов из разных народностей 241 000, считая по 200 человек на корабль. На этих кораблях, кроме воинов из местных жителей, было еще по 30 человек персов, мидян и саков, что составляет еще 36 210 человек. К этому и к тому первому числу я прибавляю еще команды 50-весельных кораблей, принимая в среднем по 80 человек на корабль. Следовательно, на этих 50-весельных кораблях (а их было, как я уже сказал раньше, 3000) должно было находиться 240 000 человек. Таким образом, численность команды всего азиатского флота составляла 517 610 человек. Пехота же персов насчитывала 1 700 000, а конница 80 000 человек. К этому следует добавить арабов на их верблюдах и ливийцев на боевых колесницах; в общем 20 000 человек. Если сосчитать вместе общее количество воинов на кораблях и в сухопутном войске, то в итоге получим 2 317 610 человек. Здесь перечислены боевые силы персов, приведенные из самой Азии, не считая следовавшего за ними обоза, грузовых судов с продовольствием и их команд.

185. К этому общему числу следует прибавить еще численность войска, которое царь привел с собой. О его численности я могу судить, конечно, лишь приблизительно. Так, эллины из Фракии и с островов у фракийского побережья выставили 120 кораблей. Это значит, что на этих кораблях было 24 000 воинов. Что до сухопутного войска, то его выставили фракийцы, пеоны, зорды, боттиеи, народности на Халкидике, бриги, пиерийцы, македоняне, перребы, эниены, долопы, магнеты, ахейцы и все жители фракийского побережья. Численность отрядов всех этих народностей, по моему мнению, составляла 300 000 человек. Итак, если прибавить эти мириады к мириадам, [приведенным] из Азии, то получим боеспособную военную силу в 2 641 610 человек.

186. Столь велика была боевая мощь Ксеркса! Обоз же, следовавший за войском, команды легких судов с продовольствием и прочих вспомогательных кораблей были, мне думается, не менее многочисленны, но даже еще многочисленнее самих боевых сил. Однако я принимаю численность обоза равной численности боевой силы и вовсе не больше и не меньше. Если это так, то численность обоза составляет столько же мириад, как и бое-

вой силы. Таким образом, Ксеркс, сын Дария, привел к Сепиаде и Фермопилам 5 283 220 человек. Такова была общая численность полчищ Ксеркса.

189. Существует сказание о том, что афиняне призвали себе на помощь Борея по велению божества. Именно, они получили другое изречение оракула: призвать на помощь своего зятя. По эллинскому преданию, супругой Борея была аттическая женщина Орифия. В силу этого родства через брак афиняне (так гласит молва) считали Борея своим зятем. Когда [афиняне] стояли на якоре у Халкиды на Евбее и заметили, что поднимается буря (или уже ранее этого), то стали приносить жертвы и призывать Борея и Орифию помочь им и сокрушить варварские корабли, как прежде у Афона. Впрочем, из-за этого ли действительно Борей обрушился на варварские корабли, стоявшие на якоре, — этого я не могу сказать. Во всяком случае, по словам афинян, Борей уже и раньше помогал им и на этот раз также вызвал бурю. [После войны], возвратившись домой, афиняне воздвигли Борею храм на реке Иллисе.

190. Во время этой бури погибло по самому скромному счету не менее 400 кораблей, несчетное число людей и огромные богатства. Одному магнату Аминоклу, сыну Кретины, владельцу земельного участка у мыса Сепиады, это кораблекрушение принесло большую выгоду. Он подобрал множество золотых и серебряных кубков, впоследствии выброшенных на берег; нашел также денежные ящики [с корабельной казной] персов и, кроме того, присвоил себе еще множество других ценных вещей. Благодаря этому Аминокл сделался великим богачом, хотя это богатство не принесло ему счастья. Ведь его тревожило некое тяжкое горе, как убийцу собственного сына.

201. Итак, царь Ксеркс разбил свой стан у Трахина в Малийской земле, эллины же — в проходе. Место это большинство эллинов зовет Фермопилами, а местные жители и соседи называют его Пилами. Так, оба войска стояли друг против друга в этих местах. В руках Ксеркса была вся область к северу вплоть до Трахина, а эллины занимали местности к югу от прохода со стороны эллинского материка.

202. Эллинские же силы, ожидавшие в этой местности персидского царя, состояли из 300 спартанских гоплитов, 1000 тегейцев и мантинейцев (по 500 тех и других); далее, 120 человек из Орхомена в Аркадии и 1000 — из остальной Аркадии. Столько было аркадцев. Затем из Коринфа 400, из Флиунта 200 и 80 — из Микен. Эти люди прибыли из Пелопоннеса. Из Беотии было 700 феспийцев и 400 фиванцев.

203. Кроме того, эллины вызвали на помощь опунтских локров со всем их ополчением и 1000 фокийцев.

204. У каждого города были свои особые военачальники. Но среди них особенно достоин восхищения главный начальник всего войска лакедемонянин Леонид, сын Анаксандрида, потомок Леонта, Еврикратида, Анаксандра, Еврикрата, Полидора, Алкамена, Телекла, Архелая, Гегесилая, Дорисса, Леобота, Эхестрата, Эгия, Еврисфена, Аристодема, Аристомаха, Клеодея, Гилла и Геракла. Леонид же получил спартанский престол неожиданно.

205. Этот Леонид пришел в Фермопилы, отобрав себе, по обычаю, отряд в 300 человек и притом таких, у кого уже были дети. По пути туда он присоединил к своему отряду также и перечисленных мною выше фиванцев под начальством Леонтиада, сына Евримаха. Леонид так поспешно присоединил к себе только одних фиванцев из всех эллинов именно потому, что над ними тяготело тяжкое подозрение в сочувствии мидянам. Итак, царь призвал их на войну, желая удостовериться, пошлют ли они войско на помощь или же открыто откажутся от союза с эллинами. Фиванцы все же послали ему людей, хотя и думали об измене.

206. Отряд же этот во главе с Леонидом спартанцы выслали вперед для того, чтобы остальные союзники видели это и также выступили в поход и не перешли на сторону мидян, заметив, что сами спартанцы медлят. Дело было в канун праздника Карнеи. По окончании празднества спартанцы собирались, оставив в Спарте только стражу, быстро выступить на помощь со всем своим войском. Так же думали поступить и прочие союзни-

ки, так как с этими событиями как раз совпадали и Олимпийские игры. И действительно, никто не предполагал, что борьба за Фермопилы так быстро окончится, и поэтому послали туда передовой отряд. Так решили поступить союзники.

207. Между тем, лишь только персидский царь подошел к проходу, на эллинов напал страх и они стали держать совет об отступлении. Все пелопоннесские города предложили возвратиться в Пелопоннес и охранять Истм. Фокийцы и локры пришли в негодование от такого предложения, и потому Леонид принял решение оставаться там и послать вестников в города с просьбой о помощи, так как у них слишком мало войска, чтобы отразить нападение мидийских полчищ.

208. Во время этого совещания Ксеркс послал всадника-лазутчика выведать численность и намерение врагов. Ведь еще в Фессалии царь получил сведения, что в Фермопилах собрался маленький отряд под начальством лакедемонян и Леонида из рода Гераклидов. Когда этот всадник подъехал к стану, он не мог, правда, разглядеть весь стан (ведь тех, кто находился за восстановленной стеной, нельзя было видеть). Лазутчик заметил лишь воинов, стоявших на страже перед стеной. А в это время стражу перед стеной как раз несли лакедемоняне. И он увидел, как одни из них занимались телесными упражнениями, а другие расчесывали волосы. Он смотрел на это с удивлением и старался заметить число врагов. Когда же он все точно узнал, то спокойно уехал назад, так как на него не обратили никакого внимания. По возвращении всадник передал Ксерксу все, что видел.

209. Услышав рассказ лазутчика, Ксеркс не мог понять, что спартанцы таким образом действительно готовятся, как подобает мужчинам, к борьбе не на жизнь, а на смерть. Поведение спартанцев казалось царю смешным, и он велел послать за Демаратом, сыном Аристона, который находился в стане персов. Когда Демарат явился, Ксеркс стал подробно расспрашивать его, желая понять действия лакедемонян. Демарат же отвечал: «Ведь я уже раньше, царь, когда ты еще собирался в поход на Элладу, рассказывал тебе об этих людях. Но ты поднял меня на смех, когда я тебя предупреждал, каков, по-моему, будет исход этого предприятия. Ведь для меня, царь, говорить правду наперекор тебе — самая трудная задача. Но все же выслушай меня теперь. Эти люди пришли сюда сражаться с нами за этот проход, и они готовятся к битве. Таков у них обычай: всякий раз, как они идут на смертный бой, они украшают себе головы. Знай же, царь, если ты одолеешь этих людей и тех, кто остался в Спарте, то уже ни один народ на свете не дерзнет поднять на тебя руку. Ныне ты идешь войной на самый прославленный царский род и на самых доблестных мужей в Элладе». Ксеркс же слушал эти слова с большим недоверием и спросил затем: «Как же они при такой малочисленности будут сражаться с моими полчищами?». Демарат отвечал: «Царь! Поступи со мной, как с лжецом, если не выйдет так, как я тебе говорю!».

210. Эти слова Демарата, однако, не убедили Ксеркса. Четыре дня царь велел выждать, все еще надеясь, что спартанцы обратятся в бегство. Наконец на пятый день, так как эллины все еще не думали двигаться с места, но, как он думал, продолжали стоять из наглого безрассудства, царь в ярости послал против них мидян и киссиев с приказанием взять их живыми и привести пред его очи. Мидяне стремительно бросились на эллинов; [при каждом натиске] много мидян падало, на место павших становились другие, но не отступали, несмотря на тяжелый урон. Тогда, можно сказать, всем стало ясно, и в особенности самому царю, что людей у персов много, а мужей [среди них] мало. Схватка же эта длилась целый день.

211. Получив суровый отпор, мидяне вынуждены были отступить. На смену им прибыли персы во главе с Гидарном (царь называл их «бессмертными»). Они думали легко покончить с врагами. Но когда дело дошло до рукопашной, то персы не добились большего успеха, чем мидяне, но дело шло одинаково плохо: персам приходилось сражаться в теснине с более короткими копьями, чем у эллинов. При этом персам не помогало их численный перевес. Лакедемоняне же доблестно бились с врагом и показали свою опытность в военном деле перед неумелым врагом, между прочим, вот в чем. Всякий раз,

когда они время от времени делали поворот, то все разом для вида обращались в бегство. При виде этого варвары с боевым кличем и шумом начинали их теснить. Спартанцы же, наступаемые врагом, поворачивались лицом к противнику и поражали несметное число персов. При этом, впрочем, погибало и немного спартанцев. Так как персы никак не могли овладеть проходом, хотя и пытались штурмовать отдельными отрядами и всей массой, то им также пришлось отступить.

212. Во время этих схваток царь, как рассказывают, наблюдал за ходом сражения и в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона. Так они бились в тот день, но и следующий день не принес варварам удачи. Варвары нападали в расчете на то, что при малочисленности врагов они все будут изранены и не смогут уже сопротивляться. Эллины же стояли в боевом строю по племенам и родам оружия, и все сражались, сменяя друг друга, кроме фокийцев. Фокийцы же были отосланы на гору охранять горную тропу. А персы, увидев, что дело идет не лучше вчерашнего, вновь отступили.

213. Между тем царь не знал, что делать дальше. Тогда явился к нему некий Эпиальт, сын Евридема, малиец. Надеясь на великую царскую награду, он указал персам тропу, ведущую через гору в Фермопилы, и тем погубил бывших там эллинов. Впоследствии предатель из страха перед лакедемонянами бежал в Фессалию, и пилаторы (собравшиеся в Пилее амфикионы) объявили за голову беглеца денежную награду. Через некоторое время Эпиальт возвратился на родину в Антикиру и был там убит Афинадом из Трахина. Афинад же этот умертвил Эпиальта по другой причине (о чем я расскажу позднее), но все же получил награду от лакедемонян. Так впоследствии погиб Эпиальт.

214. Есть, однако, и другое распространенное предание, будто с таким же предложением к царю обратились Онет из Кариста, сын Фанагора, и Коридалл из Антикиры и провели персов через гору. Впрочем, я вовсе этому не верю. Прежде всего это предание следует отвергнуть потому, что пилаторы эллинов объявили денежную награду не за голову Онета и Коридалла, а за Эпиальта из Трахина (а они-то уже должны были прекрасно знать истину). Затем мы знаем, что Эпиальт бежал именно по этой причине. Онет же мог знать эту тропу, даже и не будучи малийцем, если ему подолгу приходилось жить в этой стране. Но Эпиальт действительно был проводником персов по этой тропе вокруг горы, и поэтому я и считаю его виновником.

215. Ксеркс же принял предложение Эпиальта и тотчас, чрезвычайно обрадовавшись, послал Гидарна с его отрядом. Персы вышли из стана около того времени, когда зажигают светильники. Тропу же эту некогда отыскивали местные малийцы и указали путь по ней фессалийцам против фокийцев (фокийцы же, оградив стеной проход, считали себя в безопасности от нападения). Впрочем, уже с тех пор, как тропа была открыта, малийцы ею совершенно не пользовались.

216. Тропа эта идет так: начинается она от реки Асопа, текущей по горному ущелью (гора там носит одинаковое с тропой название — Анопя). Проходит же эта Анопя вдоль горного хребта и оканчивается у города Альпена (первого города локров со стороны Малиды), у так называемой скалы Мелампиг и у «Обителей Керкопов», в самом узком месте прохода.

217. По этой-то тропе после переправы через Асоп персы шли целую ночь. Справа возвышались Этейские горы, а слева — Трахинские. И вот уже засияла утренняя заря, когда они достигли вершины горы. В этом месте горы (как я уже раньше сказал) стояла на страже 1000 фокийских гоплитов для защиты своей земли и охраны тропы. Проход внизу сторожили вышперечисленные отряды. Охранять же тропу, ведущую через гору, добровольно предложили Леониду фокийцы.

218. А фокийцы заметили, что персы уже стоят на вершине, вот каким образом. Поднимались ведь персы на гору незаметно, так как она вся густо поросла дубовым лесом. Стояла полная тишина, и, когда внезапно раздался сильный треск (от листвы, естественно шуршавшей под ногами воинов), фокийцы вскочили и бросились к оружию. В этот-то момент и показались варвары. С изумлением увидели варвары перед собою людей, надевав-

ших на себя доспехи. Ибо они, не ожидая встретить никакого сопротивления, наткнулись на отряд воинов. Тогда Гидарн, опасаясь, что это — не фокийцы, а лакедемоняне, спросил Эпиальта, откуда эти воины. Получив точные сведения, он построил воинов в боевой порядок. А фокийцы под градом стрел тотчас же бежали на вершину горы и, думая, что персы нападают именно на них, уже приготовились к смерти. Так думали фокийцы, а персы во главе с Эпиальтом и Гидарном даже не обратили на них внимания, но поспешно начали спуск.

220. Рассказывают также, будто сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели. Ему же самому и его спартамцам не подобает, считал он, покидать место, на защиту которого их как раз и послали. И к этому мнению я решительно склоняюсь. И даже более того, я именно утверждаю, что Леонид заметил, как недовольны союзники и сколь неохотно подвергаются опасности вместе с ним, и поэтому велел им уходить. А сам он считал постыдным отступить. Если, думал Леонид, он там останется, то его ожидает бессмертная слава и счастье Спарты не будет омрачено.

223. Между тем Ксеркс совершил жертвенное возлияние восходящему солнцу. Затем, выждав некоторое время, выступил около того часа, когда рынок наполняется народом. Такой совет дал царю Эпиальт. Ибо спуск с горы скорее и расстояние гораздо короче, чем дорога в обход или подъем. Наконец, полчища Ксеркса стали подходить. Эллины же во главе с Леонидом, идя на смертный бой, продвигались теперь гораздо дальше в то место, где проход расширяется. Ибо в прошлые дни часть спартамцев защищала стену, между тем как другие бились с врагом в самой теснине, куда они всегда отступали. Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами в руках и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На погибающих никто не обращал внимания. Эллины знали ведь о грозившей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой.

224. Большинство спартамцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартамцев. Имена их, так как они заслуживают хвалы, я узнал. Узнал я также и имена всех трехсот спартамцев. Много пало там и знатных персов; в их числе двое сыновей Дария — Аброком и Гиперанф, рожденных ему дочерью Артана Фратагуной. Артан же был братом царя Дария, сына Гистаспа, сына Арсама. Он дал Дарию в приданое за дочерью все свое имущество, так как у него она была единственной.

225. Итак, два брата Ксеркса пали в этой битве. За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартамцами, пока наконец отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали в бегство врага). Битва же продолжалась до тех пор, пока не подошли персы с Эпиальтом. Заметив приближение персов, эллины изменили способ борьбы. Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме — все вместе, кроме фиванцев. Холм этот находился у входа в проход (там, где ныне стоит каменный лев в честь Леонида). Здесь спартамцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон.

226. Из всех этих доблестных лакедемонян и феспийцев самым доблестным все же, говорят, был спартамец Диенек. По рассказам, еще до начала битвы с мидянами он услышал от одного человека из Трахина: если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца. Столь великое множество стрел было у персов! Диенек же,

говорят, вовсе не утрашился численности варваров и беззаботно ответил: «Наш приятель из Трахина принес прекрасную весть: если мидяне затемнят солнце, то можно будет сражаться в тени».

227. Такие и подобные достопамятные слова, по рассказам, говорил лакедемонянин Диенек. А после него самыми доблестными, говорят, были два брата — Алфей и Марон, сыновья Орсифанта. Среди феспийцев же особенно отличился один, по имени Дифирамб, сын Гарматида.

228. Погребены же они на том месте, где они пали. Им и павшим еще до того, как Леонид отпустил союзников, поставлен там камень с надписью, гласящей:

Против трехсот мириад здесь некогда
бились
Пелопоннесских мужей сорок лишь сотен всего.

Эта надпись начертана в честь всех павших воинов, а лакедемонянам особая:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Ла-
кедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

229. Рассказывают, что двое из трехсот [спартанцев] — Еврит и Аристодем — оба могли бы остаться в живых, если бы были единокорными, и возвратиться в Спарту (они были отпущены Леонидом из стана и лежали в Альпенах, страдая тяжелым глазным недугом). Или же, не желая вернуться на родину, они могли бы по крайней мере умереть вместе с остальными. Хотя им открывались обе эти возможности, но они не достигли взаимного согласия, разойдясь во мнениях. Еврит, узнав о том, что персы обошли гору, потребовал свои доспехи. Затем, облачившись в доспехи, он приказал илоту вести его к бойцам. Илот провел Еврита в Фермопилы, но потом бежал, а Еврит попал в самую гущу схватки и погиб. Аристодем же не имел мужества [умереть] и остался жив. Если бы вернулся только один Аристодем больным в Спарту или оба они вместе, то, думается, спартанцы не стали бы гневаться на него. Теперь же, когда один из них пал, а другой (выставив ту же причину в свое оправдание) не захотел умереть, спартанцы неизбежно должны были сильно озлобиться на него.

233. Между тем фиванцам во главе с Леонтиадом пришлось в силу необходимости некоторое время сражаться заодно с эллинами против царского войска. Увидев, что персы берут верх и теснят отряд Леонида к холму, фиванцы отделились от лакедемонян и, простирая руки, пошли навстречу врагу. Фиванцы заявляли — и это была суцная правда, — что они всецело на стороне персов и с самого начала дали царю землю и воду, а в Фермопилы они пришли только по принуждению и невиновны в уроне, нанесенном царю. Такими уверениями фиванцы спасли свою жизнь, и [истинность] их слов засвидетельствовали фессалийцы. Правда, им посчастливилось не во всем: когда фиванцы подошли, варвары схватили некоторых из них и умертвили. Большинство же их, и прежде всего начальника Леонтиада, по приказанию Ксеркса заклемили царским клеймом (сына Леонтиада Евримаха впоследствии умертвили платейцы, когда он во главе 400 фиванцев захватил их город).

Геродот. История. Книга VIII

1. Эллинские морские силы состояли вот из каких кораблей. Афиняне выставили 127 кораблей. Воинами и матросами на этих кораблях вместе с афинянами служили опытные, правда, в мореплавании, но доблестные и отважные платейцы. Коринфяне доставили 40 кораблей, а мегарцы 20. Халкидяне снарядили экипаж для 20 кораблей, предо-

ставленных афинянами. Эгина выставила 18 кораблей, Сикион 12, лакедемоняне 10, Эпидавр 8, эретрийцы 7, Трезен 5, стирейцы 2, кеосцы 2 боевых корабля и 2 пентеконтеры и, наконец, опунтские локры прислали на помощь 7 пентеконтер.

2. Итак, эти корабли стояли у Артемисия. Сколько кораблей выставил каждый город, я уже сказал. Общее же число кораблей, собранных у Артемисия (кроме пентеконтер), было 271. Главным начальником флота спартанцы выставили Еврибиада, сына Евриклида. Союзники отказались подчиниться афинянину и объявили, что если начальник лаконского отряда не будет главнокомандующим, то они не примут участия в походе.

4. Итак, эллинские корабли прибыли тогда к Артемисию. Между тем, увидев огромный флот противника на якоре у Афет и [заметив], что всюду полно вражеских кораблей (ведь против ожидания силы варваров оказались гораздо более значительными), эллины устремились и решили снова бежать во внутренние воды Эллады. Узнав об этом, еврейцы просили Еврибиада подождать, по крайней мере, хоть немного, пока они тайно не отправят детей и челядь в безопасное место. Еврибиад, однако, отклонил их просьбу, и тогда еврейцы обратились к афинскому военачальнику Фемистоклу. Им удалось за 30 талантов подкупить Фемистокла, и тот склонил эллинов остаться и дать морскую битву перед Евбеей.

6. Так-то эллины остались у Евбеи и дали там морскую битву. Произошла же она вот как. Когда варвары сразу же после полудня прибыли к Афетам и сами увидели маленький флот эллинов на якоре у Артемисия, о чем они и раньше имели сведения, то загорелись желанием напасть на эллинские корабли и захватить их. Плыть, однако, прямо на эллинов варвары считали неразумным, потому что эллины при виде подходящих врагов обратятся в бегство и могут ускользнуть под покровом ночи. Персы, естественно, полагали, что эллины именно так и поступят, и желали лишь погубить всех врагов до единого.

7. Поэтому-то на погибель эллинам персы придумали вот что. Из всего флота они выделили 200 кораблей и отправили за остров Скиаф, чтобы враги не заметили кораблей, плывущих вокруг Евбеи мимо мыса Каферея и Гереста в Еврип. [Задачей этих кораблей было] захватить там эллинов и отрезать им путь к отступлению, в то время как главные силы должны были напасть на врага спереди. Приняв такое решение, персы направили [в обход] назначенные для окружения врага корабли. Главные же силы не имели в виду в этот день нападать на эллинов в ожидании условного знака о прибытии огибавших остров кораблей. Итак, персы послали эти корабли в плавание вокруг Евбеи и в это время стали производить смотр главных сил, стоявших у Афет.

10. Когда экипаж и военачальники на кораблях Ксеркса увидели плывущие на них малочисленные вражеские корабли, они также снялись с якорей и вышли в открытое море. Персы считали эллинов совершенно безумными и надеялись без труда захватить их корабли. И их надежды были вполне обоснованы. Ведь персы видели, сколь мало кораблей у эллинов и во сколько раз их собственный флот больше и лучше на плаву. С таким-то чувством превосходства [над противником] персы стали окружать эллинов. Некоторые ионяне, преданные эллинскому делу и лишь неохотно выступившие в поход с персами, с великой тревогой взирали теперь, как персидский флот окружает эллинов. Они думали, что никто из эллинов уже не вернется домой. Столь слабой им казалась эллинская мощь! Другие же, напротив, радовались судьбе эллинов и даже пустились в соревнование: кто первым захватит аттический корабль, получит за это царский подарок. Ведь во всем персидском флоте только и речи было, что об афинянах.

11. Между тем эллины по первому сигналу трубы повернули носы кораблей на врага, а кормами сдвинули их в середину друг против друга. По второму сигналу эллины начали атаку, хотя и были стеснены ограниченным пространством, так что могли плыть только прямо. При этом они захватили тридцать варварских кораблей и взяли в плен Филаона, сына Херсия, брата Горга, царя Саламина, человека влиятельного в персидском флоте. Первым из эллинов овладел вражеским кораблем афинянин Ликомед, сын Эсхрея.

Он получил награду за доблесть. Наступившая ночь разъединила противников, и битва осталась нерешенной. Эллины отплыли назад к Артемисию, а варвары — к Афетам. Вопреки их ожиданиям битва окончилась совершенно иначе. В этой морской битве только один эллин из царского войска — Антидор из Лемноса — перешел на сторону эллинов. За это афиняне подарили ему участок земли на Саламине.

12. С наступлением темноты (лето было в разгаре) разразился страшный ливень на всю ночь и с Пелиона гремели глухие раскаты грома. Мертвые же тела и обломки кораблей [течением] принесло к Афетам и прибило к носам персидских кораблей, и они запутались в лопастях корабельных весел. Люди на кораблях в Афетах, слышавшие шум, пришли в смятение, думая, что при всех несчастьях им теперь уже не миновать гибели. Ведь едва они успели прийти в себя после крушения и бури у Пелиона, как сразу началась ожесточенная битва, а после нее — страшный ливень: бурные потоки воды стремглав обрушились [с вершины Пелиона] в море и загремели глухие раскаты грома. Такую ужасную ночь пришлось пережить персам!

15. Военачальники варваров между тем сильно досадовали на то, что такой ничтожный отряд кораблей нанес им столь сильный урон. Они страшились также гнева Ксеркса и поэтому на третий день не стали больше ждать нападения эллинов. Набравшись храбрости, персы около полудня вышли в море. Случайно эти морские битвы произошли в те же самые дни, что и битва на суше при Фермопилах, причем задачей эллинского флота была только защита Еврипа, так же как отряд Леонида должен был прикрывать [Фермопильский] проход. Итак, эллины стремились не допустить варваров в Элладу, а варвары — уничтожить эллинское войско и овладеть проходом.

16. Когда корабли Ксеркса стали подходить в боевом порядке, эллины спокойно стояли перед Артемисием. Затем варвары построили свои корабли дугой (в виде полумесяца), чтобы окружить врага. Тогда эллины снова вышли навстречу варварам, и битва началась. Силы противников в этой битве были равны, потому что флот Ксеркса из-за большого числа кораблей и их величины сам себе причинял урон: корабли нарушали боевой порядок и сталкивались друг с другом. Но все же варвары держались стойко и не отступали: ведь для них было страшным позором бежать от немногочисленных вражеских кораблей. Много кораблей и людей погибло у эллинов, но еще гораздо больше варвары потеряли людей и кораблей. Так они сражались и затем разошлись, и каждый флот вернулся назад на свою стоянку.

27. Между тем тотчас же после Фермопильского поражения фессалийцы отправили глашатая к фокийцам (фокийцев они ненавидели с давних пор, а после последней войны — особенно). Фессалийцы еще за несколько лет до этого похода персидского царя [на Элладу] со всем своим ополчением и союзниками вторглись в Фокиду, но потерпели тяжелое поражение с жестоким уроном. Они заперли фокийцев на Парнасе вместе с прорицателем Теллием из Элиды. Этот-то Теллий придумал там вот какую военную хитрость. Он велел обмазать мелом 600 самых отважных фокийских [воинов] (и их самих, и доспехи) и послал их ночью против фессалийцев, приказав убивать всякого не побеленного. При виде их фессалийская стража сначала в страхе обратилась в бегство, думая, что это какие-то призраки, а затем — и само войско. Фокийцы перебили 4000 человек и овладели щитами фессалийцев (половину этих щитов они посвятили в Абы, а другую — в Дельфы). Десятую часть захваченной в этой битве добычи составляли огромные статуи, стоящие около треножника перед храмом в Дельфах. Подобные же статуи фокийцы посвятили в Абы.

31. Получив такой ответ, фессалийцы озлобились на фокийцев и указали персидскому царю путь в Фокиду. Из Трахинии персы сначала вторглись в Дориду. Между Малидой и Фокидой тянется узкая полоса Дорийской земли, стадий около 30 в ширину, которая в древности называлась Дриопидой. Эта Дорийская земля была родиной пелопон-

несских дорийцев. При вторжении варвары не разорили ее, так как жители держали сторону персов, да и фессалийцы были против опустошения.

32. Когда персы затем из Дориды проникли в Фокиду, то не могли захватить самих фокийцев, так как часть их бежала на высоты Парнаса. Вершина Парнаса под названием Тифора возвышается совершенно одиноко у города Неона и представляет удобное пристанище для большого отряда войска. Туда-то фокийцы и бежали со всем своим добром. Большая же часть населения спаслась бегством к озольским локрам в город Амфиссу, который лежит по ту сторону Крисейской равнины. Варвары же разорили всю Фокиду (фессалийцы вели их войско): все, что им ни попадалось, уничтожали в огне пожарищ, предавая пламени города и святилища.

33. Действительно, на своем пути вдоль реки Кефиса варвары все превращали в пустыню и уничтожили огнем следующие города: Дримос, Харадру, Эрохос, Тефроний, Амфикею, Неон, Педиеи, Тритеи, Элатею, Гиамполис, Парапотамии и Абы, где был богатый храм Аполлона со множеством сокровищ и посвященных приношений. Было там и прорицалище, которое существует еще и поныне. И это святилище варвары разграбили и предали огню. Некоторое число фокийцев варварам все же удалось, преследуя в горах, захватить в плен. Несколько женщин также погибло от насилий множества воинов.

34. Миновав Парапотамии, варвары прибыли в Панопей. Здесь войско разделилось на две части. Большая и сильнейшая часть во главе с Ксерксом, двигаясь на Афины, проникла в Беотию, сперва в Орхоменскую область. Вся Беотия была на стороне персов, и македонские отряды, которые послал Александр и разместил по отдельным городам, взяли на себя охрану беотийских городов. Они хотели этим показать Ксерксу, что беотийцы на стороне персов.

35. Итак, эта часть варварского войска направилась в Беотию. Другая же часть с опытными проводниками двинулась к дельфийскому святилищу, оставив Парнас на правой стороне. Это войско также опустошало все фокийские селения на своем пути. Так были преданы огню города панопеев, давлиев и эолидов. Войско же это следовало этим путем отдельно от прочих сил, чтобы разграбить дельфийское святилище и передать его сокровища царю Ксерксу. Ведь, как мне передавали, Ксерксу все знаменитые сокровища дельфийского святилища были известны лучше оставленных им в своем доме: [у персов] только и было толков, что о сокровищах в Дельфах, в особенности же о посвященных дарах Креза, сына Алиатта.

36. Дельфийцы же, узнав о намерении Ксеркса, пришли в ужас. В великом страхе они спросили оракул: закопать ли им в землю храмовые сокровища или вывезти в другую страну. Бог же запретил им трогать сокровища и сказал, что сам сумеет защитить свое достояние. Получив такой ответ оракула, дельфийцы стали заботиться о собственном спасении. Жен и детей они отослали на другую сторону в Ахею, сами большей частью укрылись на вершинах Парнаса, а свое имущество снесли в Корикийскую пещеру. Некоторые же бежали в Амфиссу, что в земле локров. Короче говоря, все дельфийцы покинули свой город, осталось лишь 60 человек и прорицатель.

37. Варвары между тем были уже близко и издали могли видеть святилище. Тогда прорицатель по имени Акерат заметил, что священное оружие, которого никто не должен был касаться, вынесено из мегарона и лежит на земле. Прорицатель пошел сообщить об этом чуде людям, оставшимся в Дельфах. А когда персы поспешно достигли храма Афины Пронеи, случилось еще более великое чудо, чем это. Конечно, весьма удивительно, что боевое оружие появилось само собой и лежало перед храмом. Однако то, что последовало за этим, было самым удивительным знамением из всех. Ибо в то самое мгновение, когда варвары появились у святилища Афины Пронеи, с неба пали перуны, а с Парнаса со страшным грохотом низверглись две оторвавшиеся вершины и поразили множество персов. Из храма же Афины Пронеи раздавались голоса и боевой клич.

38. Все эти чудесные знамения повергли варваров в ужас. Дельфийцы же, лишь только заметили бегство врагов, спустились с гор и многих перебили. Оставшиеся в жи-

вых персы бежали прямым путем вплоть до Беотии. По возвращении к своим, как я узнал, эти варвары рассказывали еще и о других явленных им знамениях: два воина выше человеческого роста преследовали их и убивали.

39. Это были, по словам дельфийцев, два местных героя — Филак и Автоной, храмы которых находятся поблизости от святилища Аполлона: Филака — на самой улице выше святилища Пронеи, Автоной же — недалеко от Кастальского источника у подножия крутого утеса Гиампии. А низвергнувшиеся с Парнаса обломки скал уцелели еще и до нашего времени и поныне лежат в священной роще Афины Пронеи, куда они стремительно обрушились, прорвав ряды варваров. Так-то произошло отступление отряда персов от дельфийского святилища.

40. Между тем эллинский флот по просьбе афинян направился из Артемисия к берегам Саламина. Остановиться же у Саламина афиняне просили потому, что хотели вывезти жен и детей из Аттики в безопасное место. А затем им нужно было держать совет о том, как дальше вести войну. Ведь при сложившихся обстоятельствах обманутые в своих расчетах афиняне должны были принять новые решения. Так, они рассчитывали найти в Беотии все пелопоннесское ополчение в ожидании варваров, но не нашли ничего подобного. Напротив, афиняне узнали, что пелопоннесцы укрепляют Истм, и так как для них важнее всего спасти Пелопоннес, то только один Пелопоннес они и хотят защищать. Все же прочие земли Эллады они оставляют на произвол судьбы. При этом известии афиняне попросили сделать остановку у Саламина.

41. Так вот, остальные [эллинские] корабли бросили якорь у Саламина, афиняне же высадились на берег. Тотчас же по прибытии афиняне объявили через глашатая, чтобы каждый спасал своих детей и челядь кто где может. Тогда большинство отправило своих жен и детей в Трезен, другие — на Эгину, а иные — на Саламин. Афиняне спешили тайно укрыть родных в безопасное место, чтобы исполнить повеление оракула, а особенно вот по какой причине. По рассказам афинян, в святилище на акрополе живет большая змея — страж акрополя, которой (сообщают они далее) приносят, как [человеческому] существу, ежемесячную жертву. Эта жертва состоит из медовой лепешки. Эту-то медовую лепешку змея прежде всегда поедала, а теперь оставила нетронутой. После того как жрица объявила об этом, афиняне гораздо скорее и охотнее покинули родной край, так как думали, что и богиня покинула свой акрополь. После того же, как женщины и дети со всем имуществом были отправлены в безопасное место, афиняне присоединились к флоту.

43. Сражались же вот какие корабли. Из Пелопоннеса лакедемоняне выставили 16 кораблей. Коринфяне же — такое же число кораблей, как и при Артемисии. Сикионцы доставили 15 кораблей, эпидаврийцы 10, трезенцы 5, гермионяне 3. Все эти города, кроме Гермियोны, принадлежат к дорийскому и македонскому племени, и [жители их] переселились в Пелопоннес из Эриней и из Пинды и, наконец, из Дриопиды. Гермियोны же — дриопы, изгнанные Гераклом и малийцами из так называемой ныне Дорийской земли.

44. Это были пелопоннесские города. Из городов же на материке только одни афиняне выставили почти столько же кораблей, как все остальные вместе, именно 180. Ведь при Саламине платейцы не сражались на афинских кораблях вот почему. Когда эллины возвратились от Артемисия и прибыли в Халкиду, платейцы высадились на противоположный берег Беотии, чтобы перевезти свои семьи и челядь в безопасное место. И вот платейцы, спасая своих близких, не могли своевременно прибыть [на помощь]. Что до афинян, то они в то время, когда пеласги владели так называемой ныне Элладой, были пеласгами и назывались кранаями. А при царе Кекропе их называли кекропидами. Когда же затем царем стал Эреxfей, они получили имя афинян и, наконец, по имени их предводителя Иона, сына Ксуфа, — ионян.

48. В то время как остальные города выступили в поход с триерами, мелосцы же, сифнийцы и серифии снарядили 50-весельные корабли. Мелосцы (по происхождению из Лакедемона) доставили два корабля. Сифнии же и серифяне (они ионяне из Афин) — по одному. Общее же число кораблей, кроме 50-весельных, составляло 378.

49. Собрав свои корабли у Саламина, военачальники всех упомянутых городов стали держать совет. Еврибиад предложил каждому желающему высказать свое мнение: в каком месте из тех, что еще были под властью эллинов, удобнее всего дать морскую битву. Ведь Аттика была уже оставлена на произвол судьбы, и теперь дело шло только об остальной Элладе. Большинство выступавших единодушно высказалось за то, чтобы отплыть к Истму и дать там морскую битву в защиту Пелопоннеса. В пользу этого мнения они приводили вот какой довод: если они, оставшись у Саламина, проигрывают битву, то будут заперты на острове без всякой надежды на спасение; с Истма же они могут спастись, [возвратившись] в свои города.

50. В то время как пелопоннесские военачальники высказывали такие соображения, прибыл какой-то афинянин с известием, что персидский царь находится уже в Аттике и опустошает всю землю огнем и мечом. Ксеркс с войском прошел Беотию, предав огню город Феспии (феспийцы покинули свой город и бежали в Пелопоннес). Так же поступил он и с Платеями, а затем проник в Аттику и разоряет там все. Феспии и Платеи царь предал огню, узнав от фиванцев, что эти города не на стороне персов.

51. После переправы через Геллеспонт, где варвары начали поход и оставались один месяц, считая время переправы в Европу, в течение следующих трех месяцев персы достигли Аттики. Архонтом тогда у афинян был Каллиад. Персы заняли пустой город, и только в святилище [Афины Паллады] они нашли небольшое число афинян — хранителей храмовой утвари и бедняков. Эти люди заперли ворота акрополя и завалили их бревнами, чтобы преградить вход в храм. Они не переехали на Саламин отчасти по бедности и к тому же, как им казалось, только они разгадали смысл изречения Пифии о том, что деревянная стена неодолима: акрополь, думали они, будет им убежищем, которое подразумевал оракул, а не корабли.

52. Персы же заняли холм против акрополя, который афиняне называют ареопагом, и затем стали осаждать акрополь вот как: они зажгли обмотанные паклей стрелы и стали метать их в засеку. Осажденные афиняне все-таки продолжали защищаться, хотя дошли уже до крайности, так как засека уже их не защищала. Тем не менее, они не согласились на предложенные Писистратидами условия сдачи, но придумывали разные новые средства защиты. Так, они скатывали огромные камни на варваров, напиравших на ворота, и Ксеркс долгое время был в затруднении, как ему взять акрополь.

53. Наконец варвары нашли выход из затруднительного положения. Согласно изречению оракула, ведь вся материковая Аттика должна была перейти под власть персов. С передней [северной] стороны акрополя, противоположной воротам и дороге, ведущей наверх, несколько персов поднялось на скалу. В этом месте не было никакой стражи, так как считалось, что здесь-то уже никто не сможет взобраться наверх. Это было подле святилища Аглавры, дочери Кекропа, где скалы действительно очень крутые. Когда афиняне увидели врагов наверху, на акрополе, то одни из них ринулись вниз со стены и погибли, другие же нашли убежище внутри святилища. Персы же, поднявшись наверх, прежде всего, направились к воротам святилища и открыли их; затем они умертвили защитников, моливших о спасении. Когда со всеми защитниками акрополя было покончено, персы разграбили святилище и предали огню весь акрополь.

54. Захватив полностью Афины [и акрополь], Ксеркс отправил конного гонца в Сузы к Артабану с сообщением о достигнутом успехе. На второй день после отправления гонца царь собрал афинских изгнанников, следовавших за ним в походе, и повелел подняться на акрополь и принести жертву по своему обряду. Потому ли он приказал это, что видел какое-либо сновидение, или же раскаявался в том, что велел предать огню святилище. Афинские же изгнанники исполнили царское повеление.

55. Почему я об этом упомянул, я сейчас расскажу. Есть на акрополе святилище Эрехфея, как говорят, рожденного Землей, и в нем маслина и источник соленой воды. У афинян существует сказание, что Посейдон и Афина, поспорив из-за этой страны, перенесли туда маслину и источник как [видимые] знаки своего владычества над страной. Эту-

то маслину варвары как раз и предали огню вместе со святилищем. На следующий день после пожара афинские [изгнанники] по приказанию царя пришли в святилище и увидели, что от пня пошел отросток почти в локоть длиной. Об этом они сообщили царю.

56. Между тем весть об участии афинского акрополя привела эллинов у Саламина в столь великое смятение, что некоторые военачальники даже не стали дожидаться, пока будет решено, [где дать морскую битву]. Они бросились к своим кораблям и подняли паруса, чтобы тотчас же отплыть. Оставшиеся военачальники решили дать морское сражение перед Истмом. С наступлением ночи собрание разошлось, и военачальники взошли на борт своих кораблей.

57. Когда Фемистокл пришел на свой корабль, афинянин Мнесифил спросил его, какое решение принято [на совете]. Узнав о решении отвести корабли к Истму и сражаться перед Пелопоннесом, Мнесифил сказал: «Если флот покинет Саламин, то тебе больше не придется сражаться за родину. Ведь каждый вернется в свой город, и тогда ни Еврибиад и никто на свете не сможет уже помешать флоту рассеяться. Эллада погибнет от собственной глупости. Поэтому если есть какая-нибудь возможность [спасения], то иди и попытайся отменить решение или, по крайней мере, убедить Еврибиада остаться здесь».

58. Этот совет пришелся Фемистоклу весьма по душе. Ничего не ответив, он направился к кораблю Еврибиада. Придя к Еврибиаду, Фемистокл сказал, что желает обсудить с ним одно общее дело. Еврибиад пригласил его на свой корабль, предложив сказать, что ему нужно. Тогда Фемистокл сел рядом со спартанцем и повторил все слова Мнесифила (но как свое собственное мнение) и, кроме того, прибавил еще много других доводов, пока, наконец, не убедил его просьбами сойти с корабля и созвать совет военачальников.

59. Когда военачальники собрались (еще до того как Еврибиад объяснил причину созыва совещания), Фемистокл произнес длинную речь, так как дело для них было слишком важным. Коринфский военачальник Адимант, сын Окита, однако, прервал его словами: «Фемистокл! На состязаниях бьют палками тех, кто выбегает раньше поданного знака». В свое оправдание Фемистокл ответил: «А тот, кто остается позади, не получает в награду венка!».

70. Был отдан приказ к отплытию, персидские корабли взяли курс на Саламин и там спокойно выстроились в боевом порядке. Однако днем они не могли уже вступить в бой: надвигалась ночь. Поэтому персы стали готовиться к бою на следующий день. Эллинов же охватил страх и тревога. Особенно тревожились пелопоннесцы: они должны были сидеть здесь, на Саламине, и сражаться за землю афинян. Ведь, проиграв битву, они будут отрезаны и осажены на острове, а родина останется беззащитной.

74. Воины на Истме трудились между тем с таким рвением, как будто спасение Эллады зависело только от них. Ведь одержать победу на море они вовсе не надеялись. Пелопоннесцами же у Саламина, несмотря на известие об этих работах, овладел страх. Они опасались не так за самих себя, как за Пелопоннес. Сначала люди тайно переговаривались друг с другом, дивясь безрассудству Еврибиада. Наконец недовольство прорвалось открыто. Созвали сходку и опять много толковали о том же: одни говорили, что нужно плыть к Пелопоннесу и там дать решительный бой за него, а не сражаться здесь за землю, уже захваченную врагом. Напротив, афиняне, эгинцы и мегарцы советовали остаться у Саламина и дать отпор врагу.

75. Когда Фемистокл увидел, что мнение пелопоннесцев стало одерживать верх, он незаметно покинул собрание. Выйдя из совета, он отправил на лодке одного человека с поручением в мидийский стан. Звали этого человека Сикинн, и был он слугой и учителем детей Фемистокла. Его-то Фемистокл после войны сделал феспийским гражданином (когда феспийцы принимали новых граждан) и богачом. Прибыв на лодке к военачальникам варваров, Сикинн сказал вот что: «Послал меня военачальник афинян тайно от прочих эллинов (он на стороне царя и желает победы скорее вам, чем эллинам) сказать вам, что эллины объята страхом и думают бежать. Ныне у вас прекрасная возможность совершить

величайший подвиг, если вы не допустите их бегства. Ведь у эллинов нет единства, и они не окажут сопротивления: вы увидите, как ваши друзья и враги [в их стане] станут сражаться друг с другом». После этого Сикинн тотчас же возвратился назад.

76. Варвары поверили этому сообщению. Прежде всего, они высадили на островок Пситталию, что лежит между Саламином и материком, большой персидский отряд. Потом, с наступлением полночи, корабли западного крыла отплыли к Саламину, чтобы окружить эллинов. Корабли же, стоявшие у Кеоса и Киносуры, также вышли в море, так что весь пролив до Мунихия был занят вражескими кораблями. Варвары плыли туда для того, чтобы не дать эллинам бежать, отрезать их на Саламине и отомстить за битву при Артемисии. А на острове под названием Пситталиа высадился персидский отряд, чтобы спасти или уничтожить занесенных туда волнами людей и обломки кораблей (ведь остров лежал на пути предстоящего сражения). Приготовления эти персы производили в полной тишине, чтобы враги ничего не заметили. Так персы готовились к бою, проведя целую ночь без сна.

78. Между тем военачальники [эллинов] под Саламином продолжали жаркий спор, не зная еще, что варварские корабли уже окружили их. Они думали, что враги стоят еще на прежнем месте, где они видели их днем.

79. Во время этого спора с Эгины прибыл Аристид, сын Лисимаха, афинянин, которого народ изгнал остракизмом. Этого Аристида я считаю, судя по тому, что узнал о его характере, самым благородным и справедливым человеком в Афинах. Он предстал перед советом и велел вызвать Фемистокла (Фемистокл вовсе не был его другом, а, напротив, злейшим врагом). Теперь перед лицом страшной опасности Аристид предал забвению прошлое и вызвал Фемистокла для переговоров. Он узнал, что пелопоннесцы хотят отплыть к Истму. Когда Фемистокл вышел к нему, Аристид сказал: «Мы должны всегда, и особенно в настоящее время, состязаться, кто из нас сделает больше добра родине. Я хочу только сказать тебе, что пелопоннесцы могут теперь рассуждать сколько угодно об отплытии отсюда, это совершенно бесполезно. Я видел собственными глазами и утверждаю, что коринфяне и сам Еврибиад не смогут теперь отплыть отсюда, даже если бы и захотели: ведь мы окружены врагами. Выйди и сообщи об этом».

80. Фемистокл же ответил ему так: «Твой совет превосходен, и ты принес добрую весть. Ведь ты подтвердил мне как очевидец, что все произошло, как я желал. Знай же, что мидяне поступили так по моему внушению. Ведь эллины не желали добровольно сражаться, поэтому я должен был заставить их сделать это против воли. Но так как ты пришел с доброй вестью, то сам и передай ее. Ведь, если я сам скажу им об этом, они сочтут мои слова пустой болтовней и не поверят, так как, по их мнению, варвары никогда не сделают этого. Поэтому выйди и сам сообщи им, как обстоит дело! Если они поверят твоему сообщению, то все хорошо. А если и не поверят, то нам это безразлично: бежать они, конечно, уже больше не смогут, так как ведь, по твоим словам, мы окружены со всех сторон».

81. После этого Аристид предстал перед советом и объявил, что прибыл с Эгины, лишь с трудом избежав преследования сторожевых кораблей варваров. Весь эллинский флот окружен кораблями Ксеркса, и он советует приготовиться, чтобы дать отпор врагу. Затем Аристид покинул собрание. А в совете опять начались споры потому, что большинство военачальников не верили сообщению Аристида.

82. В то время как они еще сомневались, прибыла теносская триера под начальством Пантия, сына Сосимена, который перешел на сторону эллинов. Этот-то корабль принес самые достоверные сведения. За это деяние [имя] теносцев вырезано на дельфийском треножнике в числе победителей персидского царя. Итак, вместе с этим кораблем, перешедшим к эллинам у Саламина, и с ранее присоединившимся у Артемисия лемносским эллинский флот насчитывал теперь 380 кораблей. Прежде ведь недоставало двух кораблей до этого числа.

86. Большинство вражеских кораблей у Саламина погибло: одни были уничтожены афинянами, а другие эгинцами. Эллины сражались с большим умением и в образцовом

порядке. Варвары же, напротив, действовали беспорядочно и необдуманно. Поэтому-то исход битвы, конечно, не мог быть иным. Между тем варвары на этот раз бились гораздо отважнее, чем при Евбее. Из страха перед Ксерксом каждый старался изо всех сил, думая, что царь смотрит именно на него.

95. Афинянин же Аристид, сын Лисимаха, о котором я недавно упоминал как о человеке благороднейшем, во время Саламинской битвы сделал вот что. С большим отрядом гоплитов (это были афиняне, стоявшие на побережье Саламина) он переправился на остров Пситталию и перебил всех персов, находившихся на этом острове.

97. Когда Ксеркс понял, что битва проиграна, то утрашился, как бы эллины (по совету ионян или по собственному почину) не отплыли к Геллеспонту, чтобы разрушить мосты. Тогда ему грозила опасность быть отрезанным в Европе и погибнуть. Поэтому царь решил отступить. Желая, однако, скрыть свое намерение от эллинов и от собственного войска, Ксеркс велел строить плотину [между берегом и Саламином]. Прежде всего, он приказал связать финикийские грузовые суда, которые должны были служить понтонным мостом и стеной, и затем стал готовиться к новой морской битве. Все, видевшие эти сборы, думали, конечно, что царь совершенно серьезно решил оставаться и готовится продолжать войну. Только Мардоний не дал себя обмануть этим, так как ему были прекрасно известны замыслы царя.

99. Первое известие о взятии Афин Ксерксом, доставленное в Сусы, так обрадовало оставшихся дома персов, что они осыпали миртовыми ветвями все улицы города, воскуряли фимиам, приносили жертвы и задавали пиры. А вторая весть [о поражении] настолько потрясла персов, что все они раздирали свои одежды и с криками и бесконечными воплями обвиняли Мардония. Так вели себя персы, сокрушаясь, впрочем, не столько о гибели флота, сколько тревожась за самого Ксеркса.

100. И эти огорчения и тревоги продолжали тяготить персов все время, пока сам Ксеркс по возвращении не успокоил их. Мардоний же видел, как глубоко Ксеркс опечален поражением, и подозревал, что царь замыслил отступление из Афин. Сообразив, что ему, который убедил царя идти в поход на Элладу, придется нести ответственность, Мардоний решил, что лучше еще раз попытаться счастья в битве, покорить Элладу или с честью пасть в борьбе за великое дело. Впрочем, он больше надеялся на покорение Эллады.

Итак, обдумав все это, Мардоний обратился к царю с такими словами: «Владыка! Не печалься и не принимай близко к сердцу эту беду! Ведь решительный бой предстоит нам не на море с кораблями, а на суше с пехотой и конницей. Никто из этих людей, считающих себя победителями, не осмелится сойти с кораблей и выступить против тебя, а также никто из живущих здесь на материке. И те, кто восстал против нас, понесли достойную кару. Если тебе угодно, мы тотчас же нападём на Пелопоннес. Желает ли ты подождать — это также зависит от тебя. Только не падай духом! Ведь эллинам нет никакого спасения: их постигнет кара за нынешние и прежние деяния, и они станут твоими рабами. Лучше всего тебе поступить так. А если ты решил сам уйти с войском, то на этот случай у меня есть другой совет. Не делай, царь, персов посмешищем для эллинов. Ведь персы еще вовсе не потерпели поражения, и ты не можешь сказать, что мы где-либо оказались трусами. А если финикийцы, египтяне, киприоты и киликийцы проявили трусость, то в этом поражении персы вовсе неповинны. А так как ты не можешь ни в чем упрекнуть персов, то послушайся меня. Если ты действительно не желаешь здесь оставаться, то возвращайся на родину с большей частью войска, а мне оставь 300 000 отборных воинов, чтобы я мог сделать Элладу твоей рабыней».

113. Ксеркс же подождал в Аттике еще несколько дней после морской битвы и затем выступил с войском прежним путем в Беотию. Мардоний решил сопровождать царя, и время года, кроме того, казалось не подходящим для военных действий. Он считал, что благоразумнее зимовать в Фессалии и потом весной напасть на Пелопоннес. По прибытии в Фессалию Мардоний отобрал прежде всего для себя персидских воинов, так называемых бессмертных (однако без их предводителя Гидарна, который не пожелал оставить царя).

Затем [он выбрал] из прочих персов латников и тысячу конников, далее — еще мидян, савков, бактрийцев и индийцев, пехотинцев и конников. [Воинов] этих народностей он взял целиком, из числа же прочих союзников он выбрал лишь немногих, статность которых ему нравилась, или же известных своей храбростью. Самой многочисленной народностью в его войске были персы, носившие ожерелья и запястья. Затем шли мидяне, уступавшие персам не численностью, а телесной силой. Таким образом, всех воинов вместе с конниками было у Мардония 300 000 человек.

115. А Ксеркс, оставив Мардония в Фессалии, поспешно двинулся к Геллеспонту и прибыл к месту переправы за 45 дней. Царь привел с собой, можно сказать, почти что жалкие остатки войска. Куда бы только и к какому народу персы ни приходили, всюду они добывали себе хлеб грабежом. Если же не находили хлеба, то поедали траву на земле, обдирали кору деревьев и обрывали в пищу древесную листву как садовых, так и дикорастущих деревьев, не оставляя ничего. К этому их побуждал голод. Кроме того, в пути войско поразили чума и кровавый понос, которые губили воинов. Больных приходилось оставлять, поручив питание и уход за ними городам, через которые царь проходил. Одних пришлось оставить в Фессалии, других в Сирисе, что в Пеонии, и в Македонии. Там Ксеркс оставил и священную колесницу Зевса, когда шел в поход на Элладу. При возвращении он не взял колесницу с собой, потому что пеоны отдали ее фракийцам. Когда Ксеркс потребовал возвращения колесницы, пеоны ответили, что фракийцы, живущие наверху у истоков Стримона, похитили пасущихся на лугу кобылиц [и колесницу].

123. После раздела добычи эллины отплыли на Истм, чтобы вручить там награду за доблесть тому эллину, который в эту войну совершил самый выдающийся подвиг. Прибыв на Истм, военачальники получили у алтаря Посейдона вотивные камешки, чтобы избрать того, кто получит первую и вторую награду. Тогда каждый из них положил камешки себе, считая себя самым доблестным. Вторую же награду большинство присудило Фемистоклу. Итак, каждый военачальник получил по одному голосу, Фемистокл же далеко превзошел всех по числу голосов, поданных за вторую награду.

124. Из зависти эллины не пожелали присудить [Фемистоклу первую награду] и, не приняв никакого решения, возвратились каждый к себе домой. Впрочем, слава Фемистокла как мужа, безусловно, умнейшего из эллинов, прогремела по всей Элладе. Но так как сражавшиеся вместе с ним при Саламине не признали Фемистокла победителем и не почтили его, то он вскоре после этого отправился в Лакедемон, чтобы получить там почести. Лакедемоняне приняли его достойно и с великими почестями. Правда, награду за доблесть (венки из оливковых ветвей) они дали Еврибиаду, а самому Фемистоклу — награду за мудрость и проницательность — также оливковый венок. Они подарили ему также колесницу, самую прекрасную в Спарте. Осыпав Фемистокла похвалами, они при отъезде дали ему свиту из 300 отборных спартанцев, называемых «всадниками», которые провожали гостя до тегейской границы. Фемистокл был, насколько мы знаем, единственным человеком, которому спартанцы дали такую свиту.

126. Артабаз же, сын Фарнака, влиятельный у персов и раньше человек (после Платейской битвы влияние его еще более возросло), провожал царя с 6000 (из войска, которое отобрал себе Мардоний) до пролива. Когда царь переправился в Азию, Артабаз возвратился назад. Прибыв в Паллену, он, так как Мардоний зимовал в Фессалии и Македонии и вовсе не побуждал его присоединиться к остальному войску, не желал упустить случая продать в рабство отпавших от царя потидейцев. Действительно, потидейцы, когда царь с войском прошел мимо них, а персидский флот бежал из Саламина, открыто отпали от варваров. Так же поступили и другие города Паллены.

127. Тогда Артабаз начал осаду Потидеи. Подозревая также, что и олинфяне восстали против царя, он осадил и олинфян. Олинфом же владели боттии, изгнанные с бережья Фермейского залива македонянами. Когда Артабаз завладел, наконец, городом, он велел вывести жителей к озеру и умертвить, а город передал под надзор торонейца Критобула и халкидийцев. Так Олинф попал в руки халкидийцев.

129. Артабаз уже три месяца осаждал город, когда на море наступил сильный и продолжительный отлив. Варвары увидели, что море превратилось [в этом месте] в болото и двинулись вдоль берега в Паллену. Они прошли уже $\frac{2}{5}$ расстояния по болоту (а осталось им пройти еще $\frac{3}{5}$ до Паллены), как внезапно начался столь сильный прилив на море, какого еще, по словам местных жителей, никогда не бывало, хотя высокая вода стоит нередко. Те из персов, кто не умел плавать, погибли, а умевших плавать перебили потидейцы, подплывая к ним на лодках. Причиной этого прилива, наводнения и беды, постигшей персов, потидейцы считают вот что: именно персы, которых постигла гибель в море, и осквернили святилище и статую Посейдона в предместье города. В этом, мне думается, они правы. Уцелевших воинов Артабаз отвел в Фессалию и Македонию. Вот что случилось с теми, кто сопровождал царя.

130. Уцелевшие корабли Ксеркса между тем после бегства из Саламина прибыли в Азию и переправили царя и войско из Херсонеса в Абидос. Затем флот остановился на зимовку в Киме. Когда же засияла весна, корабли тотчас поплыли на Самос, где часть кораблей уже провела зиму. Большинство воинов на кораблях состояло теперь из персов и мидян. Военачальники их были Мардонг, сын Багея, и Артаинт, сын Артахея. Вместе с ними начальником был также Ифамитра, племянник Артаинта, которого тот сам выбрал себе помощником. После тяжкого поражения варвары уже не осмеливались идти дальше на запад, к чему, впрочем, никто их и не принуждал. Они стояли у Самоса на страже на случай восстания в Ионии. Вместе с ионийскими кораблями флот варваров насчитывал 300 кораблей. Впрочем, они вовсе не ожидали, что эллины придут в Ионию, но, как они полагали, удовлетворятся защитой своей земли. Так варвары решили потому, что эллины не преследовали бегущих из Саламина кораблей, но сами были рады возвратиться домой. На море они в душе считали себя, правда, побежденными, но ожидали, что уж на суше Мардоний одержит решительную победу. Стоя у Самоса, персы держали совет, могут ли они нанести врагу вред, и вместе с тем с нетерпением ожидали, какой оборот примут дела у Мардония.

140. Прибыв в Афины посланцем Мардония, Александр сказал так: «Афиняне! Мардоний велел сказать вам: “Пришла ко мне весть от царя, гласящая: я дарую прощение афинянам за все причиненные мне обиды. Теперь, Мардоний, поступай так: отдай им не только их собственную землю, но пусть они, кроме того, возьмут еще сколько захотят земли и останутся свободными и независимыми. Все святилища их, которые я предал огню (если они захотят помириться со мной), восстанови. Этому царскому повелению я, Мардоний, должен повиноваться, если только вы не станете препятствовать. И я спрашиваю вас: почему вы с такой неистовой яростью начали войну с царем? Ведь вам никогда царя не одолеть и вы не будете в состоянии вечно ему противиться. Вам, конечно, известно, сколь велико войско Ксеркса и какие подвиги оно совершило. Вы слышали также, какая военная сила теперь у меня. Поэтому даже если бы вы меня и одолели (на что вы все, как люди разумные, не можете рассчитывать), то явится вместо моего войска другое, гораздо более многочисленное. К чему вам равняться с царем и терять свою землю, к чему постоянно подвергать опасности свое существование? Примиритесь с ним! Ведь теперь у вас есть прекрасная возможность примирения, так как царь желает мира. Заключите с ним союз без коварства и обмана и будьте свободны!”. Это передать вам, афиняне, поручил мне Мардоний. Что до меня, то я не буду говорить о моем к вам расположении, так как впервые вы об этом узнали не сегодня, но прошу вас — послушайте Мардония! Я представляю себе ясно, что вы не сможете вечно воевать с Ксерксом. Ведь если бы я видел, что вы в состоянии вести бесконечную войну, то, конечно, я никогда бы не явился к вам с таким предложением. Ведь мощь у царя превышает человеческую, и рука у него загребушая. Итак, если теперь вы не согласны на предложение, сулящее столь великую выгоду, то я страшусь за вас. Вы ближе всех ваших союзников живете к военной дороге и должны всегда одни расплачиваться за всех, так как ваша страна лежит в середине, как поле битвы между двумя противниками. Поэтому послушайте меня! Ведь вы должны высоко це-

нить, что великий царь только вас одних среди эллинов желает иметь друзьями, простив все причиненные вами обиды».

143. А афиняне сначала ответили Александру вот как: «Нам и самим, правда, известно, что боевая сила царя во много раз превосходит нашу. Поэтому нас вовсе не приходится упрекать в неведении. Тем не менее, стремясь к свободе, мы будем ее защищать, пока это в наших силах. Не пытайся примирить нас с царем, так как мы не поддадимся твоим убеждениям. А теперь сообщи Мардонию ответ афинян: пока солнце будет ходить своим прежним путем, никогда мы не примиримся с Ксерксом. Мы выступили против него, полагаясь на помощь богов и героев, святилища и кумиры которых царь преступно предал пламени. Ты же впредь никогда не приходи к афинянам с такими предложениями и не соблазняй нас к нечестивым поступкам под видом того, что радеешь о нашей пользе. Ты — наш гостеприимец и друг и потому нам не угодно, чтобы ты как-нибудь пострадал от нас, афинян».

144. Так афиняне отвечали Александру, а спартанским послам сказали вот что: «Опасения лакедемонян, как бы мы не примирились с персидским царем, совершенно естественны для людей [в их положении]. Нет на свете столько золота, нет земли, столь прекрасной и плодоносной, чтобы мы ради этих благ захотели перейти на сторону персов и предать Элладу в рабство. Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить, если бы мы даже пожелали этого. Во-первых, самое важное препятствие к примирению — это сожженные и разрушенные кумиры и святилища богов. За это нам нужно кровью отомстить, прежде чем примириться с человеком, содежавшим это. Затем — наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни. Предать все это — позор для афинян. Поэтому знайте, если до сих пор вы не узнали этого: пока жив еще хоть один афинянин, не будет у нас мира с Ксерксом! Что же до вашей заботы о нас, то мы ценим и память о нашем разорении, и ваше желание содержать наших родных. Вы в полной мере выказали свое благожелательное отношение к нам. А мы будем, конечно, терпеливо выдерживать наше тяжелое положение и постараемся не быть вам в тягость. Теперь же при таком нашем положении скорей посылайте на помощь войско. Скоро, как мы думаем, враг нападет на нашу землю, лишь только узнает, что мы отвергаем все его требования. Итак, до прихода персов в Аттику [вам] и нам нужно вовремя поспеть на помощь в Беотию». Выслушав ответ афинян, спартанские послы возвратились в Спарту.

Книга IX

1. А Мардоний после возвращения Александра с ответом афинян выступил из Фессалии и пошел на Афины. Жителей тех местностей, где проходило войско, он заставлял следовать за собою. Фессалийские властители¹ между тем вовсе не раскаивались в своих прежних поступках, но теперь даже гораздо более настойчиво побуждали царя [напасть на Элладу]. Так, Форак из Ларисы, сопровождавший Ксеркса во время бегства из Эллады, теперь открыто разрешил Мардонию проход через свою страну в Элладу.

2. Когда же персидское войско прибыло в Беотию, фиванцы стали уговаривать Мардония не идти дальше: они советовали разбить здесь стан, так как, по их словам, в Элладе нет более подходящего места для военных действий, чем Беотия. Дальше ему не следует двигаться, но на месте пытаться без боя покорить всю Элладу². Силой ведь одолеть эллинов было бы трудно целому свету, когда те единодушны, как это было до сих пор. «Если ты последуешь нашему совету, — говорили они, — то легко расстроишь все их враждебные замыслы. Пошли денежные подарки наиболее влиятельным людям в отдельных городах и этим ты внесешь раздор в Элладу. А затем с помощью твоих новых приверженцев без труда одолеешь врагов».

3. Так беотийцы советовали Мардонию, а тот не послушался их: он горел желанием вторично взять Афины, отчасти из безрассудного упрямства, а отчасти также потому, что решил сообщить царю весть о взятии Афин сигнальными огнями через острова³, пока тот

еще пребывал в Сардах. Однако, когда Мардоний вступил в Аттику, он не нашел там афинян. Большинство их, по слухам, вновь переправилось на кораблях на Саламин, и он взял пустой город. А [первое] взятие города царем произошло за 10 месяцев до вторжения Мардония.

8. Выслушав эту речь, эфоры отложили ответ на следующий день, а потом — снова на день. И так они поступали 10 дней, откладывая ответ со дня на день. А в это время пелопоннесцы с великим усердием возводили стену на Истме и закончили работы. И я по крайней мере не могу привести никакой иной причины, почему спартанцы, когда Александр был в Афинах, всеми силами старались не допустить примирения афинян с персами, а потом совершенно перестали заботиться об этом, кроме той, что теперь они успели укрепить Истм и считали, что афиняне им уже более не нужны. А когда Александр прибыл в Аттику, стена [на Истме] была еще не готова, но работы, впрочем, велись усердно, так как спартанцы были охвачены ужасом перед [нашествием] персов.

9. Наконец спартанцы дали ответ и выступили, и вот при каких обстоятельствах. Накануне дня последнего приема афинских послов некто Хилей из Тегеи (человек, наиболее уважаемый из чужеземцев в Лакедемонне) узнал от эфоров содержание речи афинян и сказал им вот что: «Дело обстоит вот как, эфоры: если афиняне — не наши друзья, а, наоборот, союзники персидского царя, то ворота в Пелопоннес, несмотря на мощную стену поперек Истма, врагам открыты. Поэтому послушайте меня и уступите, пока афиняне еще не приняли какого-нибудь губительного решения для Эллады».

10. Так Хилей советовал спартанцам. А те взвесили его слова и тотчас же, ничего не сообщив послам трех городов, еще ночью выслали отряд в 500 спартанцев (причем к каждому спартанскому гоплиту приставили по семи илотов). Предводительствовать этим войском в походе они приказали Павсанию, сыну Клеомброта. Высшее начальство по закону принадлежало, собственно, Плистарху, сыну Леонида. Но тот был еще ребенком, а Павсаний как его двоюродный брат являлся его опекуном (ведь Клеомброта, отца Павсания, сына Анаксандрида, уже не было в живых). После того как Клеомброт отвел домой войско, строившее стену на Истме, он вскоре скончался. Отвел же Клеомброт войско с Истма вот почему: во время гадания по жертвам о походе против персов солнце на небе померкло. Павсаний же взял себе в товарищи Еврианакта, сына Дориея, также происходившего из царского рода.

17. Когда Мардоний стоял в Беотии, все остальные эллинские племена — союзники персов в той области — прислали свои отряды [на помощь]. Они все уже раньше принимали участие во вторжении в Аттику, кроме одних фокийцев. И фокийцы также, конечно, держали сторону персов, правда, не по доброй воле, а по принуждению. Через несколько дней по прибытии персов в Фивы пришла и 1000 фокийских гоплитов во главе с Гармокидом, одним из самых уважаемых граждан Фокиды. Когда же фокийцы также явились в Фивы, Мардоний послал всадников с приказом фокийцам расположиться на равнине отдельно. Фокийцы повиновались, и вдруг перед ними появилась вся персидская конница. После этого среди эллинов в персидском стане прошел слух, что Мардоний хочет перебить [фокийцев]; и этот слух дошел до фокийцев. Тогда-то их военачальник Гармокид обратился к фокийцам с речью и, воодушевляя их, сказал вот что: «Как я полагаю, нас оклеветали фессалийцы. Пусть теперь каждый проявит свою доблесть! Лучше ведь пасть в борьбе, храбро защищая свою жизнь, чем сдаться врагам на милость и погибнуть позорной смертью. Дайте врагам почувствовать, что они варвары, коварно замыслившие гибель эллинам».

28. Затем прибывшие позже эллины и первоначальное войско стали выстраиваться в боевом порядке вот таким образом. На правом крыле стояло 10 000 лакедемонян, 5000 из них были спартиаты; прикрытием им служило 35 000 легковооруженных илотов, по 7 илотов около каждого спартанца. Рядом с собою спартанцы поставили тегейцев из-за почета и доблести, а их было 1500 гоплитов. За тегейцами следовали коринфяне — 5000 человек. А подле них коринфяне потребовали у Павсания место 300 потидейцам, явившимся

из Паллены. К ним примыкало 600 аркадцев из Орхомена, а к этим последним 300 сикионцев. Потом шло 800 эпидаврийцев. Рядом с ними была поставлена 1000 трезенцев, а подле трезенцев 200 лепреатов; рядом с ними — 400 микенцев и тиринфян, а к ним примыкала 1000 флиунтцев. Около этих последних стояло 300 гермионян. К гермионянам же примыкало 600 эретрийцев и стирейцев. За ними шло 400 халкидян, а за этими последними 500 ампракиотов. После них следовало 800 левкадцев и анакториев. К ним примыкало 200 палейцев из Кефаллени. А за ними было выстроено 500 эгинцев; около них же построилось 300 мегарцев. К этим последним примыкало 600 платейцев. В конце и в начале стояло 800 афинян, занимая левое крыло. Во главе их был Аристид, сын Лисимаха.

29. Все эти воины, кроме 7 илотов, приставленных к каждому спартанцу, были гоплитами. Общее количество воинов было 38 700 человек. Столько было всех собравшихся против варваров гоплитов. Число же легковооруженных было вот какое. В спартанском войске их было 35 000 человек (потому именно, что при каждом спартанце было по 7 легковооруженных илотов), и почти каждый из них был снаряжен для войны. Легковооруженные воины остальных лакедемонян и эллинов, считая приблизительно по одному на каждого воина, составляли 34 500 человек. Число же всех легковооруженных воинов было 69 500 человек.

30. Общее количество всех собравшихся в Платеи эллинских воинов вместе с гоплитами и легковооруженными боеспособными воинами было 108 200 человек. А вместе с явившимися потом упомянутыми феспийцами получилось полных 110 000 человек. В стане эллинов было уцелевших феспийцев 1800 человек. Однако у них не было тяжелого вооружения. Они были построены станом у реки Асопа.

31. Между тем варварское войско Мардония, кончив оплакивать Масистия и узнав, что эллины находятся в Платеях, также пришло к Асопу, который протекает в той местности. По прибытии туда Мардоний стал выстраивать войско против эллинов в следующем порядке. Против лакедемонян он выставил персов, и так как персы далеко превосходили лакедемонян численностью, то он построил больше рядов [в глубину и ширину], так что их боевая линия простиралась еще и до тегейцев. Расставил же он воинов вот как: он отобрал всех самых сильных людей и поставил их против лакедемонян, а более слабых — против тегейцев. А сделал он это по совету и указанию фиванцев. Рядом с персами Мардоний выстроил мидян, которые стояли против коринфян, потидейцев, орхоменцев и сикионцев. А подле мидян он поставил бактрийцев. Эти стояли против эпидаврийцев, трезенцев, лепреатов, тиринфян, микенцев и флиунтцев. За бактрийцами стояли индийцы против гермионян, эретрийцев, стирейцев и халкидян. Рядом с индийцами он построил саков. Они занимали место против ампракиотов, анакториев, левкадцев, палейцев и эгинцев. Рядом же с саками против афинян, платейцев и мегарцев он поставил беотийцев, локров, малийцев, фессалийцев и тысячу фокийцев (так как не все фокийцы держали сторону персов). Часть из них, оттесненная персами на Парнас, поддерживала эллинов и оттуда производила вылазки, нанося всяческий урон войску Мардония и его союзникам-эллинам. Так же македонян и фессалийские племена Мардоний поставил против афинян.

32. Число варварских воинов, как уже было сказано раньше, составило 300 000 человек. Количество же эллинских союзников Мардония никто не знает, так как подсчета не производилось. Но все же, как можно предполагать, их было около 50 000 человек. Это была пехота, выстроенная Мардонием. Конница же была выстроена отдельно.

39. Уже восемь дней стояли они друг против друга, когда фиванец дал этот совет Мардонию. А Мардоний понял выгоду совета и послал ночью конницу к проходам на Кифероне, ведущим к Платеям (беотийцы называют эти проходы «Тремя вершинами», а афиняне — «Дубовыми вершинами»). Посланный отряд всадников прибыл туда не напрасно: персам удалось захватить 500 повозок с продовольствием из Пелопоннеса для войска, как раз спускавшихся на равнину, вместе с людьми, которые сопровождали их. Овладев этой добычей, персы безжалостно перебили всех, не щадя ни животных, ни лю-

дей. Когда варвары вволю натешились резней, то, окружив уцелевших [людей и животных], погнались в стан Мардония.

40. После такого «деяния» прошло еще два дня, но ни одна из сторон не хотела начинать сражения: варвары доходили до Асопа, стараясь выманить эллинов, но ни те, ни другие не переходили реку. Только конница Мардония все время наседала, не давая покоя эллинам. Ведь фиванцы, всей душой преданные персам, хотели показать свое усердие в этой войне и все время до битвы вели персов за собой, указывая дорогу. А после начала сражения их место заняли персы и мидяне, которые всячески старались отличиться.

41. Итак, за эти десять дней ничего больше не случилось. На одиннадцатый же день, когда войска все еще стояли при Платеях друг против друга (эллины все время продолжали получать подкрепления, и Мардоний стал тяготиться бездействием), тогда-то Мардоний, сын Гобрива, и Артабаз, сын Фарнака (один из немногих персов, особенно уважаемых Ксерксом), стали держать совет. На совете они высказали вот какие мнения. Артабаз говорил, что необходимо как можно скорее выступить со всем войском и возвратиться в укрепленный город Фивы, где собрано много продовольствия и корма для выючных животных. А затем, по его словам, можно спокойно кончить войну вот каким способом. У персов ведь много золота в монете и нечekanного, а также серебра и [драгоценных] сосудов для питья. Все эти сокровища, ничего не жалея, нужно разослать эллинам, именно наиболее влиятельным людям в городах. Тогда эллины тотчас же предадут свою свободу, и персам вовсе не нужно будет вступать в опасную битву. Артабаз разделял мнение фиванцев, так как он, как и фиванцы, был лучше осведомлен о положении дел и оказался гораздо предусмотрительнее Мардония. Мардоний же держался более решительного и твердого взгляда, не желая идти ни на какие уступки: он считал, что персидское войско далеко превосходит эллинское и что поэтому следует как можно скорее вступить в бой, не допуская день ото дня дальнейшего усиления врага. На жертвы Гегесистрата, говорил он, не стоит обращать внимания и не добывать насильно благоприятных знамений, а, по персидскому обычаю, дать бой врагу.

46. Афинские же военачальники перешли на правое крыло и передали Павсанию слышанное ими от Александра. Известие это устрасило Павсания, и он ответил им вот что: «Если битва начнется на рассвете, то вам, афиняне, придется стать против персов, мы же займем место против беотийцев и других, стоящих против вас эллинов, и вот почему. Вы ведь знаете персов и их способ сражаться, так как вам пришлось уже биться с ними при Марафоне. Мы же совершенно не знаем этих людей: ведь никому из спартанцев не приходилось помериться силой с персами, тогда как беотийцев и фессалийцев мы хорошо знаем. Поэтому возьмите ваше оружие и переходите на это крыло, а мы пойдем на левое». На это афиняне ответили так: «Нам и самим уже пришло в голову, видя, что персы выстраиваются против вас, именно то, что вы теперь предлагаете нам. Мы опасались только, что наше предложение будет вам не по душе. А так как вы сами теперь добиваетесь этого, то мы охотно соглашаемся и готовы повиноваться».

47. Так это предложение приняли и те, и другие, и на заре они поменялись местами в строю. Однако беотийцы заметили перемещение и донесли Мардонию. Мардоний же, лишь только узнал об этом, сам тотчас же захотел переменить место и стал переводить персов против лакедемонян. Эту уловку увидел Павсаний и, поняв, что нельзя скрыть передвижения, снова перевел спартанцев на правое крыло. Тогда и Мардоний также возвратился на левое крыло.

52. После этого весь тот день эллинам пришлось выдерживать непрерывные атаки конницы. Когда же под конец дня нападения конницы прекратились и затем настала ночь и пришла пора отправления, тогда большая часть войска поднялась станом и выступила, однако не в назначенное место. Ибо едва эллины двинулись, как на радостях, что ускользнули от вражеской конницы, побежали к городу платейцев, пока не добрались до святилища Геры. Святилище же находится непосредственно перед городом платейцев, в 20 ста-

диях от источника Гаргафии. Прибыв туда, они остановились перед святилищем и стали разбивать стан.

53. Между тем Павсаний, видя, что воины покидают стан, приказал и лакедемонянам взять оружие и присоединиться к остальным, так как он считал, что войско идет в назначенное место. Прочие начальники спартанских отрядов с готовностью подчинились приказу Павсания, только Амомфарет, сын Полиада, начальник отряда питанетов, объявил, что не станет бежать по своей воле от чужеземцев и не опозорит Спарту. С изумлением смотрел Амомфарет на происходящее, так как не присутствовал ранее на совете. Павсаний же и Еврианакт были возмущены неподчинением Амомфарета, но еще досаднее был для них его отказ от того, что они не хотели покинуть на произвол судьбы отряд питанетов. Они опасались, что если по условию с остальными эллинами оставят Амомфарета на произвол судьбы, то он, покинутый, погибнет вместе со своим отрядом. Поэтому они велели лаконскому войску остановиться и пытались убедить его, что не следует так поступать.

54. Между тем, пока они уговаривали Амомфарета, который только один оставался на лакедемонском и тегейском крыле, афиняне действовали вот как. Они еще спокойно оставались на том месте, где стояли, зная характер лакедемонян, именно, что те думают одно, а говорят другое. Когда же войско двинулось, афиняне послали всадника посмотреть, готовятся ли спартанцы выступить или же вовсе не думают уходить, а также спросить Павсания, что им делать.

55. Когда глашатай прибыл к лакедемонянам, он увидел, что те все еще стоят на своем месте и их предводители в ссоре между собою. Ведь как раз во время прибытия глашатая Еврианакт и Павсаний пытались уговорить Амомфарета не подвергать опасности себя и своих людей, оставаясь на месте. Однако они никак не могли уговорить его, и дело у них дошло до ссоры. В пылу спора Амомфарет схватил камень обеими руками и бросил его к ногам Павсания. Этим камнем, заявил он, он подает голос за то, чтобы не бежать от чужеземцев (под «чужеземцами» он подразумевал варваров). Павсаний же назвал его «исступленным безумцем», потом, обратившись к афинскому глашатаю, ответил и на заданный тем вопрос: следует передать лишь то, что здесь происходит. Он просил также афинянина подойти ближе к ним и при отходе повторять маневры спартанцев.

56. Глашатай тогда возвратился к афинянам, а спартанцы продолжали спорить до зари. До этих пор Павсаний не двигался с места. Затем, полагая, что если остальные лакедемоняне уйдут, то и Амомфарет, наверное, не останется, как это и случилось в действительности, он дал сигнал к выступлению и двинулся со всем войском по холмам. Тегейцы также последовали за ним. Афиняне же, согласно приказу, пошли по другой дороге в противоположном направлении. В то время как лакедемоняне из страха перед неприятельской конницей двигались по холмам и склонам Киферона, афиняне свернули вниз на равнину.

57. Амомфарет же думал (по крайней мере вначале), что Павсаний никогда не осмелится оставить их на произвол судьбы, и поэтому упорно не двигался с места. Когда же Павсаний с войском ушел вперед, то Амомфарет решил, что тот действительно его покинул, и приказал своему отряду взять оружие и медленным шагом следовать за остальным войском. А Павсаний, отойдя почти на 100 стадий, стал поджидать отряд Амомфарета, остановившись в местности под названием Аргиопий около ручья Молоента, где стоит святилище элевсинской Деметры. Павсаний остановился там для того, чтобы вернуться и прийти на помощь Амомфарету с его отрядом, если тот не уйдет со своего места. Не успел отряд Амомфарета подойти к Павсанию, как вся конница варваров стремительно бросилась на спартанцев. Ведь персидские всадники выполняли свое обычное дело, и когда нашли место, где эллины стояли в прошлые дни, пустым, то поскакали дальше, пока, настигнув лакедемонян, не напали на них.

59. После этого Мардоний перешел Асоп и поспешно повел персов вслед за убегающими, как он думал, эллинами. Он устремился, однако, только на лакедемонян и тегейцев. Афиняне же, которые свернули в долину, он не мог заметить за холмами. Тогда

остальные начальники варварских отрядов, увидев, что персы двинулись преследовать эллинов, тотчас же дали сигнал к выступлению и со всех ног пустились преследовать врагов, однако нестройно и без всякого порядка. Так, персы с криком и шумом бросились на эллинов, чтобы захватить их врасплох.

60. Павсаний же, лишь только началась атака конницы, послал всадника к афинянам с приказанием передать вот что: «Афиняне! Теперь, когда нам предстоит решительная борьба за то, быть ли Элладе свободной или порабощенной, мы, лакедемоняне, и вы, афиняне, покинуты союзниками на произвол судьбы, которые бежали прошлой ночью. Итак, теперь ясно, что надо делать: защищаться и помогать друг другу как только можем. Если бы конница сначала напала на вас, то нам и тегейцам, которые одни вместе с нами остались верными Элладе, нужно было бы помочь вам. Но так как теперь вся вражеская конница обратилась против нас, то вы по справедливости должны оказать помощь сильнее всего теснимой врагом части войска. Если же сверх ожидания окажется, что сами вы не в состоянии помочь, то окажите нам услугу, послав стрелков из лука [против конницы]. Мы знаем, что за время этой войны вы превзошли всех других храбростью. Поэтому, как мы надеемся, вы и теперь исполните эту просьбу».

61. Услышав это, афиняне со всем войском выступили на помощь. Однако уже по дороге на них напали выстроенные против них эллины из стана царя. Афиняне не могли помочь спартамцам, так как им самим пришлось выдерживать натиск противника. Так-то лакедемоняне и тегейцы остались одни и приготовились к битве с Мардоном и его войском. Вместе с легковооруженными воинами лакедемоняне насчитывали 50 000 человек, а тегейцы 3000 (они вовсе не хотели отделяться от лакедемонян). Лакедемоняне стали тогда приносить жертвы, однако счастливые жертвы не выпадали, и за это время успело пасть много воинов и еще больше было ранено. Персы, сомкнув свои плетеные щиты, непрерывно осыпали эллинов градом стрел⁴¹. Спартамцы попали в тяжелое положение, а жертвы все выпадали неблагоприятные. Тогда Павсаний обратил взоры на святилище Геры у Платей и стал взывать к богине, умоляя ее не обмануть упований спартамцев.

62. В то время как он еще так молился богине, тегейцы первыми поднялись и двинулись на варваров. Сразу же после молитвы Павсания жертвы для лакедемонян выпали благоприятные. Тогда и лакедемоняне наконец также пошли на персов. Персы же перестали пускать стрелы и выступили навстречу. Сначала схватка завязалась около укрепления из плетеных щитов. Когда же укрепление пало, начался долгий и жаркий бой у самого святилища Деметры, пока дело не дошло до рукопашной. Ибо варвары хватались за длинные копья [гоплитов] и ломали их. Персы не уступали эллинам в отваге и телесной силе; у них не было только тяжелого вооружения и к тому же еще боевой опытности. Не могли они сравниться с противником также и боевым искусством. Персы устремлялись на спартамцев по одному или собирались кучей по 10 человек и больше и погибали⁴².

63. В том месте, где стоял сам Мардоний, который сражался на белом коне во главе отряда из 1000 самых храбрых воинов, персы сильнее всего теснили лакедемонян. Пока Мардоний оставался в живых, персы стойко держались и, храбро защищаясь, умертвили много спартамцев. Когда же Мардоний пал и был перебит [весь] отборный отряд его телохранителей, самых отважных воинов, тогда-то остальные персы повернули назад и бежали с поля битвы от лакедемонян. Потерпели же персы поражение главным образом потому, что у них не было тяжелого вооружения и они должны были сражаться легковооруженными против гоплитов.

66. Так кончилась эта битва. Артабаз же, сын Фарнака, с самого начала был недоволен тем, что царь хотел оставить Мардония [в Элладе], а теперь также настойчиво отговаривал вступать в сражение, но тщетно. Артабаз был не согласен с распоряжениями Мардония и поступил вот как. Когда началась битва, исход которой Артабаз ясно предвидел, он отвел все свое войско по заранее обдуманному плану (а у него была немалая сила — около 40 000 человек). Затем Артабаз приказал всем идти столь же быстро, как и он сам, куда он их поведет. Отдав такой приказ, он повел войско как бы в бой. Когда же по

дороге он узнал, что персы уже бегут, то перестал держать походный порядок и быстро помчался оттуда, но, впрочем, не к деревянному укреплению и не в город Фивы, а в Фокиду, чтобы как можно скорее добраться до Геллеспонта.

67. В то время как войско Артабаза бежало таким путем, остальные эллины в войске царя неохотно сражались [с эллинами]. Только беотийцы долго бились с афинянами. Ведь приверженцы персов среди фиванцев показали себя далеко не трусами, а, напротив, храбрыми воинами, так что от руки афинян пало 300 самых знатных и доблестных граждан. Когда же и беотийцы не могли больше сопротивляться, то бежали в Фивы, однако не туда, куда бежали персы и все остальные полчища их союзников (эти даже и не сражались ни с кем и вообще ничем не отличились).

68. Для меня очевидно, что вся мощь варваров держалась на персах, если уж до схватки с врагом все эти союзники бросились бежать при виде бегства персов. Таким образом, все варварское войско бежало, и только конница, главным образом беотийская, отважно билась с врагом, прикрывая отступление: не отрываясь от противника, она все время не допускала преследователей [подходить] к бегущим.

70. Персы же и остальные полчища бежали в деревянное укрепление и успели занять башни до прихода лакедемонян. Сверху они защищали укрепление как могли лучше. Когда подошли лакедемоняне, завязалась ожесточенная схватка за деревянное укрепление. Защитники стойко держались, пока не подошли афиняне, и даже получили значительный перевес над лакедемонянами, так как те не умели осаждать крепостей. Но после прихода афинян началась жестокая и продолжительная борьба за укрепление. В конце концов благодаря упорству и отваге афинянам все же удалось взойти на стену и сделать пролом. Первыми проникли в крепость тегейцы, и они-то и разграбили шатер Мардония. Там, между прочим, они захватили конские ясли целиком из меди замечательно [искусной работы]. Эти ясли Мардония тегейцы посвятили в храм Афины Алеи. Остальную же добычу они снесли в то же место, что и прочие эллины. Варвары же после падения стены уже не держали боевого порядка и никто из них «не вспомнил бурной силы»⁴⁶. Тысячи людей метались, загнанные страхом в узкое пространство, и эллины легко могли их перебить: так что из всего трехсоттысячного войска, не считая 40 000, с которыми бежал Артабаз, не осталось в живых даже и 3000 человек. Лакедемонян же из Спарты пало в этой битве всего 91 человек, тегейцев 16, а афинян 52.

82. Передают еще вот что: после бегства из Эллады Ксеркс оставил Мардонию свою домашнюю утварь. Когда же Павсаний увидел шатер Мардония с золотой и серебряной утварью и пестрыми коврами, он приказал хлебопекам и поварам приготовить такой же обед, как они обычно готовили Мардонию. Те принялись выполнять приказание. Зрелище пышно устланных мягкими коврами золотых и серебряных ложей, золотых и серебряных столов с роскошно приготовленным обедом и всего этого великолепия и роскоши яств привело Павсания в изумление. В шутку он приказал своим слугам приготовить так же и лаконский обед. Разница между обоими обедами оказалась большая, и Павсаний, засмеявшись, велел пригласить эллинских военачальников. Когда те собрались, Павсаний, указывая им на оба обеда, сказал: «Эллины! Я собрал вас, чтобы показать безрассудство этого предводителя мидян, который живет в такой роскоши и все-таки пришел к нам, чтобы отнять наши жалкие крохи». Это, как говорят, были слова Павсания эллинским военачальникам.

83. После этого платейцы находили еще много ящичков с золотом, серебром и другими драгоценностями. Впоследствии, когда платейцы собрали кости в одну кучу, на скелетах павших обнаружили вот что: нашли череп без единого шва, состоящий из одной кости; отыскивали также челюсть, именно верхнюю, со сросшимися зубами: все резцы и коренные зубы состояли сплошь из одной кости. Кроме того, были найдены кости человека ростом в 50 локтей.

90. В день поражения персов при Платеях произошла как раз и битва при Микале в Ионии. В то время как эллинский флот под начальством лакедемонянина Левтихида стоял

у Делоса, прибыли послы с Самоса: Лампон, сын Фрасикла, Афинагор, сын Архестратиды, и Гегесистрат, сын Аристагора, отправленные втайне от персов и тирана Феоместора, сына Андродаманта, которого персы поставили тираном Самоса. Когда послы явились к военачальникам, то взял слово Гегесистрат. Он выступил с длинной речью и на разные лады объяснял, что лишь только ионяне увидят эллинский флот, то сразу же поднимут восстание против персов. К тому же варварский флот вовсе не ожидает появления врага. Если же эллины не решатся [напасть на варваров], то второго такого удачного случая они уже не встретят. Заклиная эллинов общими богами, Гегесистрат побуждал их спасти ионян от рабства и помочь им защититься от варваров. Эллинам, по его словам, это легко сделать, так как корабли у варваров плохие и не под стать эллинским. Если же эллины опасаются хитрости или измены, то они готовы плыть заложниками вместе с ними на кораблях.

96. Так как знамения [при жертвоприношении] выпали счастливые, то эллины отплыли с Делоса на Самос. Когда они были уже близ Калам в Самосской области, то бросили там якорь у святилища Геры и стали готовиться к бою. А персы, узнав о приближении эллинов, также вышли в море, но поплыли с остальными кораблями к материку (финикийские же корабли они отослали домой). Они решили не вступать в бой с эллинами, полагая, что их силы не равны эллинским. Отплыли же варвары к материку под защиту части сухопутного войска в Микале (эта часть войска по приказанию Ксеркса была оставлена сзади главных сил и стояла там для защиты Ионии). Численность этого войска составляла 60 000 человек. Во главе его стоял Тигран, превосходивший всех персов красотой и статностью. Под защиту этого войска и решили стать начальники флота, а именно, вытащить на берег корабли и там построить укрепление для защиты кораблей и собственной безопасности.

97. С этой-то целью персы и вышли в море. Когда они, миновав святилище Владычиц, прибыли в область Гесона и Сколопонта, где стоит святилище Деметры Элевсинской (его воздвиг Филист, сын Пасикла, когда он вместе с Нелеем, сыном Кодра, основал Милет), то вытащили корабли на берег. Затем варвары построили там укрепление [в виде вала] из камней и бревен кругом кораблей, вырубив фруктовые деревья и окружив вал острым частоколом, и приготовились как к победе, так и к поражению, ибо благоразумно рассчитывали на то и на другое.

98. А эллины, получив известие об отплытии варваров к материку, раздраженные их бегством, были в нерешительности, что им предпринять: возвращаться ли назад или плыть к Геллеспонту. Наконец решили: не делать ни того, ни другого, а плыть к материку. Итак, они заготовили [абордажные] сходни и все, что нужно для морской битвы, и поплыли к Микале. Подойдя к стану персов, эллины не заметили [в море] ни одного вражеского корабля, но увидели на берегу корабли за укрепленным валом, а вдоль побережья — огромное войско, выстроенное в боевом порядке. Тогда Левтихид, который плыл на своем корабле ближе всего к берегу, велел сначала глашатаю обратиться к ионянам с такими словами: «Ионяне! Кто из вас слышит меня, заметьте мои слова (персы ведь не понимают ничего из того, что я вам предлагаю). Когда начнется битва, пусть каждый из вас помнит прежде всего о своей свободе, а потом слушает наш боевой клич: “Гера!”. А кто теперь меня не слышит, тому пусть передаст это слышавший меня». Этот призыв Левтихида был задуман с той же целью, как и обращение Фемистокла к ионянам при Артемисии: если варвары не услышат этих слов, тогда ионяне послушаются эллинов или же, если их передадут варварам, то те не будут доверять эллинам.

99. После этого призыва Левтихида эллины поступили вот как: причалив корабли, они высадились на берег и построились там в боевом порядке. Персы же, увидев, что эллины готовятся к битве и договорились с ионянами, сначала обезоружили самосцев, подозревая их в сочувствии эллинам (ведь когда на Самос прибыли на кораблях варваров афинские пленники, оставшиеся в Аттике и захваченные воинами Ксеркса, то самосцы выкупили их и отправили всех в Афины, снабдив на дорогу запасом продовольствия. Этот-то поступок самосцев, именно то, что они выкупили 500 человек врагов, и возбудил

больше всего подозрение персов). Затем персы поручили милетянам прикрывать проходы, ведущие к вершинам Микале, якобы потому, что милетяне лучше всего знают местность. На самом же деле — чтобы удалить их из стана. Так персы старались принимать такие меры предосторожности против тех ионян, которых считали способными поднять восстание. Сами же персы сомкнули свои плетеные щиты как прикрытие против врага.

102. Путь афинян и их соседей (до половины боевой линии) шел берегом и по ровной местности, а лакедемоняне и стоявшие за ними [в строю] воины должны были идти ущельем и горами. В то время как лакедемоняне еще обходили горы, афиняне и их соседи на правом крыле уже бились с врагом. Пока у персов стояло их прикрытие из плетеных щитов, они храбро защищались и не уступали неприятелям. Когда же афиняне и их соседи, придавая бодрости друг другу, стали нападать еще более яростно, чтобы самим решить дело, а не лакедемонянам, тогда сражение приняло уже другой оборот. Эллина прорвали плетеное прикрытие и всей массой стремительно бросились на персов, которые, правда, и теперь еще выдерживали натиск и довольно долго защищались, но под конец бежали в укрепление. Тогда афиняне, коринфяне, сикионцы и трезенцы (в таком порядке они стояли в строю), устремившись по пятам за врагом, ворвались в укрепление. А после взятия укрепления варвары уже больше не думали о сопротивлении и все, кроме персов, обратились в бегство. Персы же продолжали сопротивление маленькими отрядами против непрерывного натиска эллинов. Два персидских военачальника также обратились в бегство, а два погибли. Бежали Артаинт и Ифамитра, предводители флота, а Мардонт и Тигран, начальники сухопутного войска, пали в битве.

103. Персы еще сражались, когда наконец появились лакедемоняне и их спутники [на левом крыле] и довершили победу. В этой битве пало также много эллинов, в особенности сикионцев. Пал и их предводитель Перилай. Самосский же отряд в мидийском войске, обезоруженный персами, лишь только заметил, что победа склоняется на сторону эллинов, делал все возможное, чтобы помочь эллинам. Остальные ионяне также последовали примеру самосцев: они изменили персам и напали на варваров.

104. Милетянам же персы поручили охрану проходов, чтобы на случай поражения (что и случилось в действительности) они могли бы найти убежище на высотах Микале под прикрытием и предводительством милетян. Для этой-то охраны милетян и поставили на этот пост и отослали из стана, чтобы предотвратить восстание. Однако милетяне поступили как раз против приказаний: они повели отступающих персов другими дорогами (дороги эти приводили персов к врагам) и в конце концов стали открыто, как злейшие враги, умерщвлять персов.

Пер. Г.А. Стратановского

Фукидид. История. Книга I.

18. Через несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян с афинянами при Марафоне. А на десятый год после нее Варвар снова пошел великим походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне, как самые могущественные, стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара немного спустя все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к лакедемонянам. Действительно, оба эти города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой — на море. Этот военный союз, правда, сохранялся недолго. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать друг с другом, и всякий раз, когда где-нибудь возникала вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к Лакедемону. Поэтому со времен мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали

друг с другом или с союзниками (если те отпадали от них), и совершенствовались в военное дело, и приобретали все больше опыта, изоощряясь в опасностях.

Пер. Г.А. Стратановского

Плутарх. Фемистокл.

3. Тем не менее общественная деятельность, по-видимому, рано и бурно привлекла к себе Фемистокла; сильно им овладела жажда славы, из-за которой он с самого начала, желая играть первую роль, смело вступал во враждебные отношения с сильными людьми, занимавшими в государстве первые места, особенно же с Аристидом, сыном Лисимаха, который всегда шел по противоположному с ним пути. Но все-таки вражда с ним, как думают, началась по совершенно ничтожному поводу: они оба полюбили красавца Стесилая, уроженца острова Кеоса, как об этом рассказывает философ Аристон. С тех пор они постоянно враждовали и на поприще общественной деятельности.

Все считали поражение варваров при Марафоне концом войны, а Фемистокл видел в нем начало более тяжелой борьбы, к которой он и сам готовился для спасения всей Эллады, и сограждан своих приучал, задолго предвидя будущее.

4. Так как у афинян был обычай делить между собою доходы от серебряных копеек на Лаврии, Фемистокл прежде всего решился выступить один в народном собрании с предложением прекратить такой дележ, а на эти деньги построить триеры для войны с Эгиной. Эта война в Элладе была тогда в полном разгаре: Эгина благодаря своему сильному флоту властвовала над морем. Тем легче было Фемистоклу уговорить сограждан, не страшась их ни Дарием, ни персами (они были далеко, и не было вполне твердого основания бояться их нашествия); но он как раз вовремя использовал соперничество и гнев граждан против Эгины для подготовки к войне с Персией: на эти деньги было построено сто триер, которые и сражались с Ксерксом. Затем понемногу он начал увлекать граждан к морю, указывая им, что на суше они не в состоянии померяться силами даже с соседями, а при помощи сильного флота могут не только отразить варваров, но и властвовать над Элладой. Так, по выражению Платона, он сделал их из стойких гоплитов матросами и моряками. Этим он дал повод к упреку, что дескать Фемистокл отнял у сограждан копье и щит и унижил афинский народ до гребной скамейки и весла. Эту меру он провел, по свидетельству Стесимброта, одержав победу над Мильтиадом, который был против этого. Повредил ли он этим строгости и чистоте государственного строя, или нет, — это скорее вопрос философский; но что спасение эллинов тогда зависело от моря, и что те триеры восстановили Афины, это, помимо других доказательств, засвидетельствовал и сам Ксеркс. Хотя сухопутные войска его оставались еще невредимы, он бежал после гибели флота, признав свое поражение, и оставил Мардония, как мне кажется, не столько для порабощения эллинов, сколько для того, чтобы помешать им преследовать его.

5. Говорят, Фемистокл был ревностным стяжателем, — по словам одних, вследствие своей щедрости, так как любил жертвоприношения и блеск при приемах иностранцев, а это требовало очень больших средств. Другие, напротив, обвиняют его в скряжничестве и мелочности, — будто бы он даже продавал присланные ему в подарок съестные припасы.

В честолюбии он всех превзошел. Еще в молодости, когда он был неизвестен, он упросил Эпикла из Гермиеона, кифариста, пользовавшегося большим уважением в Афинах, чтобы он занимался музыкой у него в доме: он желал из честолюбия, чтобы много людей искало доступа в его дом и ходило к нему.

Но народу Фемистокл нравился, как потому, что на память называл по имени каждого гражданина, так и потому, что оказывался беспристрастным судьей в делах частного характера. Так, когда он был стратегом, а Симонид Кеосский просил у него чего-то неза-

конного, он ответил ему, что, как он, Симонид, не был бы хорошим поэтом, если бы в своих стихах не соблюдал законов стихосложения, так и он, Фемистокл, не был бы хорошим правителем, если бы в угоду кому-нибудь поступал противозаконно. Когда его влияние возросло и он стал популярен, он наконец одержал верх в борьбе на государственном поприще и посредством остракизма заставил Аристида удалиться из Афин.

6. Когда, во время нашествия мидян на Элладу, афиняне совещались о выборе стратега, говорят, все добровольно отказались от этой должности из страха перед опасностью. Только Эпикид, сын Эвфемиды, главарь красноречивый, но в душе трусливый и на деньги падкий, желал получить эту должность, и можно было ожидать, что он при голосовании одержит верх. Тогда Фемистокл, опасаясь полной гибели государства, если верховное начальство достанется Эпикиду, купил деньгами у него отказ от его честолюбивых замыслов.

Хвалят также поступок Фемистокла с человеком, говорившим на двух языках, который был одним из посланцев персидского царя, требовавших земли и воды, и переводчиком. Согласно народному постановлению, Фемистокл велел схватить и казнить его за то, что он осмелился пользоваться эллинским языком для передачи приказаний варвара.

Но главная заслуга Фемистокла та, что он положил конец междоусобным войнам в Элладе и примирил отдельные государства между собою, убедив их отложить вражду ввиду войны с Персией; в этом деле, говорят, ему оказал очень большую помощь Хилей из Аркадии.

7. Вступив в должность стратега, Фемистокл тотчас же начал убеждать граждан сесть на триеры, оставить город и встретить варваров в море, как можно дальше от Эллады. Но ввиду сопротивления со стороны многих граждан он повел большое войско в Темпейскую долину вместе со спартамцами, чтобы защищать там Фессалию, которая тогда, как думали, еще не была на стороне персов. Но они возвратились откуда, не достигнув цели: Фессалия присоединилась к царю, и все области вплоть до Беотии были на стороне персов. Тогда афиняне стали с большим вниманием относиться к совету Фемистокла относительно моря и послали его с флотом к Артемисию для охраны пролива. Тут эллины предоставили главное командование Эврибиаду и спартамцам; но афиняне, у которых число кораблей было, пожалуй, больше, чем у всех остальных эллинов, вместе взятых, считали унижением для себя подчиняться другим. Фемистокл, понимая опасность этого, сам уступил командование Эврибиаду и успокоил афинян обещанием, что, если они покажут свою храбрость на войне, то он добьется того, чтобы эллины на будущее время добровольно подчинялись им. Поэтому Фемистокл считается главным виновником спасения Эллады; по общему признанию, именно благодаря ему афиняне прославились, — тем, что они храбростью превзошли неприятелей, благородством — союзников. Когда варварский флот подошел к Афедам, Эврибиад испугался множества кораблей, ставших против него, и, узнав, что еще другие двести плывут по ту сторону Скиафоса, оглябая его, хотел как можно скорее вернуться к внутренним областям Эллады, пристать к Пелопоннесу и привлечь к защите флота еще и сухопутное войско; он считал морскую мощь царя совершенно непреодолимой. Эвбейцы, боясь, чтобы эллины не бросили их на произвол судьбы, завели тайные переговоры с Фемистоклом и послали к нему Пелагонта с большой суммой денег. Фемистокл принял деньги и отдал их Эврибиаду, как рассказывает Геродот. Больше всех афинских граждан противодействовал ему Архитель, триерарх священного корабля; за неимением денег для уплаты матросам, он спешил отплыть на родину. Фемистокл еще более вооружил против него матросов, так что они сбежались и отняли у него ужин. Архитель от этого пал духом и был раздражен, Фемистокл послал ему в ящике хлеба и мяса на ужин, а вниз подложил талант серебра и велел ему теперь ужинать, а на другой день позаботиться о матросах: в противном случае он обвинит его перед гражданами в том, что он получил взятку от неприятелей. Так рассказывает Фаний Лесбосский.

9. Когда узнали от гонцов, принесших в Артемисий известие о событиях при Фермопилах, о том, что Леонид пал, а Ксеркс овладел сухопутными проходами, флот начал

отступать к внутренним областям Эллады, причем афинян за их храбрость поставили позади всех, и они гордились своими подвигами.

Плывя вдоль берегов, Фемистокл повсюду, где неприятель необходимо должен был приставать, спасаясь от бури, делал заметными буквами надписи на камнях, которые случайно находил или сам ставил около корабельных стоянок и источников. В этих надписях он обращался к ионянам с воззванием, если можно, перейти к афинянам, своим отцам, борющимся за их свободу; а если нельзя, то, по крайней мере, вредить варварскому войску во время битвы и приводить его в расстройство. Он надеялся этими надписями или склонить ионян к измене или смутить варваров, заставив их относиться с большей подозрительностью к ионянам.

Между тем, Ксеркс через Дориду вторгся в Фокиду и жег фокейские города. Эллинцы не пришли к ним на помощь, несмотря на просьбы афинян идти в Беотию навстречу врагу для защиты Аттики, подобно тому, как они сами пошли им на помощь по морю, к Артемисию. Никто не слушал их: все думали только о Пелопоннесе, хотели сосредоточить все силы за Истмом и строили стену поперек Истма от моря до моря. Афиняне негодовали на такое предательство и, оставшись в одиночестве, впали в отчаяние и печаль. Сражаться с таким бесчисленным войском они и не думали; при тогдашних обстоятельствах было необходимо одно — оставить город и крепко держаться кораблей; но народ об этом и слышать не хотел: говорили, что им не нужна победа и что для них спасение — не спасение, если придется бросить храмы богов и могилы отцов.

10. Фемистокл, не зная, как склонить на свою сторону народ человеческими рассуждениями, прибег к помощи божественных знамений и оракулов, — как будто в трагедии «подняв машину». Так, он истолковал как знамение случай с драконом, который в те дни, по-видимому, исчез из храма; находя нетронутой священную пищу, которую ему ежедневно приносили, жрецы рассказывали об этом народу. Фемистокл объяснял это в том смысле, что богиня оставила город и указывает им путь к морю.

В другой раз он воспользовался оракулом с демагогической целью: он сказал, что под «деревянной стеной» разумеется не что иное, как корабли; поэтому и Саламин бог называет божественным, а не ужасным или злополучным, поскольку он даст название великому, счастливому для эллинов событию. Когда его мнение было принято, он предложил принять постановление о том, чтобы город вверить покровительству Афины, «владычицы Афин», чтобы все способные носить оружие сели на триеры, чтобы детей, женщин и рабов каждый спасал, как может. Когда это постановление было принято и вступило в законную силу, огромное большинство афинян отправило детей и жен в Трезен; жители его принимали их с полным радушием: они постановили содержать их на общественный счет, давая каждому по два обола, а детям позволить брать везде плоды; кроме того, платить за них жалованье учителям. Вынести такое постановление предложил Никагор.

Так как у афинян в государственной казне не было денег, то, по свидетельству Аристотеля, Ареопаг выдал каждому гражданину, отправлявшемуся в поход, по восьми драхам; таким образом, Ареопагу принадлежит главная заслуга в том, что триеры были снабжены экипажем. Но Клидем и это приписывает хитрости Фемистокла. Именно, когда афиняне спускались в Пирей, рассказывает он, голова Горгоны со статуи богини пропала; осматривая все под предлогом поисков, Фемистокл находил огромное количество денег, спрятанных в поклаже. Эти деньги были обращены в общее пользование, и садившиеся на корабли получили все нужное для пути в изобилии.

Когда весь город уезжал на кораблях, это зрелище внушало одним жалость, другим удивление по поводу такого мужества: семьи свои афиняне провожали в другое место, а сами, не уступая воплям, слезам и объятиям родителей, переправлялись на остров. Однако многие жители, которых по причине старости оставляли в городе, возбуждали глубокое сострадание. Какое-то трогательное впечатление производили сжившиеся с человеком домашние животные, которые с жалобным воем бегали около своих кормильцев, садившихся на корабли. Между прочим, собака Ксанфиппа, отца Перикла, как рассказывают, не

перенеся разлуки с ним, прыгнула в море и, плывя подле его триеры, вышла на берег Саламина и тотчас от изнеможения умерла. Там, где показывают и доныне памятник, называемый «Киноссема», говорят, и находится ее могила.

11. Велики эти дела Фемистокла; так же велико и следующее его дело. Он заметил, что граждане жалеют об Аристиде и боятся, как бы он в раздражении не пристал к царю и не погубил Элладу (он был изгнан посредством остракизма еще до войны, побежденный в борьбе с Фемистоклом); поэтому он предложил сделать постановление, позволявшее всем изгнанникам, за исключением изгнанных за убийство, вернуться на родину и вместе со всеми гражданами делом и словом способствовать благу Эллады.

Из уважения к Спарте главным начальником флота был Эврибиад, человек слабый и боявшийся опасности. Он хотел сняться с якоря и плыть к Истму, где было собрано и сухопутное войско пелопоннесцев. Фемистокл стал возражать ему; при этом и была произнесена, говорят, знаменитая фраза. Эврибиад сказал ему: «Фемистокл, на состязаниях бьют того, кто бежит раньше времени». — «Да, — отвечал Фемистокл, — однако и того, кто остается позади, не награждают венком». Эврибиад поднял палку, чтоб его ударить, а Фемистокл сказал: «Бей, но выслушай». Эврибиад удивился его кротости и велел ему говорить. Фемистокл стал повторять свое прежнее предложение; но тут кто-то сказал, что человеку, не имеющему своего города, не следует уговаривать тех, у кого он есть, оставить и бросить отечество на произвол судьбы. Тогда Фемистокл обратился к нему и сказал: «Негодяй! Да, мы оставили дома и стены, не желая быть рабами из-за бездушных вещей, а город у нас есть, больше всех городов в Элладе, — двести триер, которые теперь стоят здесь, чтобы помогать вам, если вы хотели искать спасения; а если вы уйдете вторично и измените нам, то сейчас же кое-кто из эллинов узнает, что афиняне приобрели и свободный город и землю не хуже той, какую потеряли». После этих слов Фемистокла Эврибиадом овладело раздумье и страх, как бы афиняне не ушли, бросив их. Эретрийский военачальник попробовал было возразить Фемистоклу, но Фемистокл ему сказал: «И вы тоже рассуждаете о войне, когда у вас, как у каракатицы, есть меч, а сердца нет?»

12. В то время, как Фемистокл говорил об этом, стоя на палубе, на верху корабля увидели, по рассказам некоторых, как справа пролетела сова и села на мачту. Это и было главной причиной, почему согласились с мнением Фемистокла и стали готовиться к морскому сражению. Но когда неприятельский флот подошел к Аттике у Фалерской пристани и загородил окрестные берега, когда сам царь, сошедший к морю с сухопутным войском, показался во всем своем могуществе, когда собрались в одно место все его силы, из головы эллинов вылетели речи Фемистокла, и пелопоннесцы стали опять обращать взоры к Истму и были недовольны, когда кто-либо предлагал что-нибудь другое. Поэтому было решено на следующую ночь отступить, и рулевым уже отдавали приказ быть готовыми к отплытию. Тогда Фемистокл, недовольный тем, что эллины упустят случай воспользоваться выгодами, которые дает им местоположение и узость пролива, и разойдутся по городам, стал обдумывать план действий и придумал с участием Сикинна известную хитрость.

Сикинн был родом перс, пленный, но преданный Фемистоклу; он был дядькою его детей. Его-то и послал Фемистокл тайно к Ксерксу с таким сообщением: «Афинский военачальник Фемистокл переходит на сторону царя, первый извещает его о том, что эллины хотят бежать, и советует ему не дать им убежать, а напасть на них, пока они находятся в тревоге по случаю отсутствия сухопутного войска, и уничтожить их морские силы».

Ксеркс принял это сообщение с радостью, думая, что оно сделано из расположения к нему, и тотчас же стал отдавать приказы начальникам кораблей, чтобы они, не торопясь, сажали людей на суда, а с двумястами кораблей чтобы сейчас же вышли в море и окружили со всех сторон весь пролив, а между островами устроили бы заграждение, чтобы никто из неприятелей не мог уйти.

В то время, как приказание приводили в исполнение, Аристид, сын Лисимаха, первый заметивший это, пришел к палатке Фемистокла (хотя не был его другом и, как сказано, из-за него был подвергнут остракизму); когда Фемистокл вышел к нему, он сообщил ему об окружении. Фемистокл, зная его всегдашнее благородство и радуясь этому его приходу, рассказал ему о деле с Сикинном и просил его, так как он пользуется большим доверием, помочь ему удержать эллинов и приложить со своей стороны все усилия к тому, чтобы они дали сражение в проливе. Аристид одобрил план Фемистокла, ходил к другим стратегам и триерархам и побуждал их к сражению. Они все-таки еще не верили его сообщению, как вдруг пришла теносская триера, бежавшая к ним от неприятелей, начальником которой был Панетий, и принесла известие об окружении. Вследствие этого, наряду с необходимостью, еще и злоба заставила эллинов решиться на сражение.

13. На рассвете Ксеркс сел на возвышенном месте, обозревая флот и его построение, по словам Фанодема, над храмом Геракла, там, где остров отделяется узким проливом от Аттики, а по словам Акестодора, — на границе с Мегаридой, над так называемыми «Рогами». Он велел поставить себе золотой трон; около него было много писцов, обязанность которых была записывать, что происходило во время сражения.

Когда Фемистокл совершал жертвоприношение у триеры главного начальника, к нему привели трех пленников, очень красивых собою, роскошно одетых и украшенных золотом. Как говорили, это были дети царской сестры Сандаки и Артаикта. Когда их увидел прорицатель Эвфрантид, жертвы вспыхнули большим, ярким пламенем и в то же время справа кто-то чихнул, что также было добрым предзнаменованием. Тогда Эвфрантид подал руку Фемистоклу и велел ему обречь на жертву юношей и, помолившись, всех их заклать Дионису Оместу: в таком случае будет эллинам спасение и победа. Фемистокл пришел в ужас от этого страшного, чудовищного пророчества. Но, как обыкновенно бывает при большой опасности, в трудных обстоятельствах, толпа ожидает спасения больше от чего-то противоречащего рассудку, чем от согласного с ним: все в один голос стали зывать к богу и, подведя пленников к алтарю, заставили, как приказал прорицатель, совершить жертвоприношение. Так рассказывает философ, хорошо знакомый и с историей, — Фаний Лесбосский.

14. Аттических кораблей было сто восемьдесят; на каждом из них было по восемнадцати человек, сражавшихся с палубы; из них четверо были стрелки, а остальные — гоплиты. Как видно, Фемистокл столь же хорошо заметил и выбрал время, как и место; он только тогда поставил свои триеры носом против варварских; когда настал час, в который всегда ветер с открытого моря крепнет и гонит волну через пролив. Эллинским кораблям волна не вредила, потому что они были плоски и низки; но варварские корабли, с приподнятою кормой и высокою палубой и поэтому тяжелые, удар волны при ихпадении сбивал с курса и подставлял боковой стороной эллинам, которые нападали на них ожесточенно. Их внимание было обращено на Фемистокла, который, думали они, лучше всех видит, что полезно, потому что против него находился главный начальник Ксерксова флота, Ариамен, на большом корабле и оттуда, как со стены, бросал стрелы и копья. Это был человек хороший и из братьев царя самый храбрый и справедливый. Так вот Амений из Декелей и Сокл из Педиэи, плывшие вместе, когда их корабль и корабль Ариамена, налетевши носами один на другой и столкнувшись, сцепились таранами, и Ариамен хотел вскочить на их триеру, стали против него и ударами копья столкнули в море; тело его, плававшее среди корабельных обломков, узнала Артемисия и велела отнести к Ксерксу.

16. После морской битвы Ксеркс все еще не мог примириться с мыслью о неудаче и попытался по насыпям перевести сухопутное войско на Саламин, чтобы напасть на эллинов, и для этого сделал заграждение в проливе. Фемистокл, желая испытать Аристида, для вида предложил плыть на судах в Геллеспонт и разрушить мост — для того, прибавил он, «чтобы нам захватить Азию в Европе». Аристид не одобрил этого и сказал: «Теперь мы воевали с варваром, преданными неге; а если мы запрем его в Элладе и человека, имею-

щего под своей властью такие силы, страхом доведем до последней крайности, то уж он не будет больше сидеть под золотым балдахином и спокойно смотреть на сражение, а пойдет на все, сам, пред лицом опасности, станет участвовать во всех действиях, исправит упущения и примет лучшие меры для спасения всего в целом. Поэтому, Фемистокл, — прибавил он, — не следует нам разрушать существующий мост, а если можно, построить еще второй и поскорее выбросить этого молодца из Европы». «В таком случае, — отвечал Фемистокл, — если мы находим это полезным, теперь как раз время нам всем подумать и употребить все средства, чтобы он как можно скорее ушел из Европы». По принятии такого решения, Фемистокл отыскал среди пленных одного царского евнуха по имени Арнак и послал его к царю с приказанием передать тому, что эллины, выиграв сражение на море, решили плыть в Геллеспонт и разрушить построенный на нем мост, а Фемистокл, заботясь о царе, советует ему поспешить к своим рубежам и переправиться, пока он сам будет устраивать союзникам разные проволочки и замедлять их погоню. Услыхав это, варвар, страшно перепуганный, стал поспешно отступать. Как благоразумны были Фемистокл и Аристид, показала битва с Мардоном: хотя эллины сражались при Платеях лишь с ничтожной частью Ксерксова войска, они рисковали потерять все.

Пер. С.И. Соболевского

Плутарх. Аристид

2. Аристид был приверженцем Клисфена, учредившего после изгнания тираннов демократический образ правления, но среди государственных деятелей он более всего восхищался лакедемонянином Ликургом и стремился ему подражать; поэтому, склоняясь на сторону аристократии, он во всем встречал сопротивление заступника народа Фемистокла, сына Неокла. Есть сведения, что еще детьми, воспитываясь вместе, они никогда не соглашались друг с другом — ни в серьезных занятиях, ни в забавах, ни на деле, ни на словах, и в этом соперничестве сразу же обнаружился характер обоих: проворство, пылкость и изворотливость Фемистокла, легко и быстро принимавшего любое решение, постоянство и основательность Аристида, всей душою устремленного к справедливости и даже в шутках не допускавшего обмана, пустой болтовни или надувательства. Аристон Кеосский сообщает, что причиной этой вражды, позже дошедшей до такого лютого ожесточения, была любовная страсть: оба горячо любили юношу Стесилая, родом также с Кеоса, намного превосходившего всех своих сверстников прелестью лица и тела, и, когда красота его отцвела, не оставили своего соперничества, но, словно то было для них предварительным упражнением, устремились на государственное поприще, пылая взаимной враждой. Фемистокл, вступив в дружеское сообщество, приобрел таких могущественных защитников, что в ответ на чье-то замечание: «Ты мог бы стать прекрасным правителем Афин, если бы ко всем относился одинаково и беспристрастно», — сказал: «Я никогда не сяду на такой престол, который не предоставит моим друзьям больших прав и возможностей, нежели посторонним людям». Аристид же прокладывал свой путь в полном одиночестве, потому что, во-первых, не хотел угождая друзьям, чинить несправедливость остальным, равно как и обижать друзей отказом выполнить их желание, а во-вторых, видел, как часто могущество, приобретенное благодаря поддержке друзей, толкает человека на несправедливые поступки, и потому остерегался такого могущества, считая, что добрый гражданин может быть счастлив лишь тогда, когда всякое действие его и всякое слово будут честны и справедливы.

3. Тем не менее, поскольку Фемистокл, смело пуская в ход всевозможные средства, старался воспрепятствовать любому его предложению, Аристид, в свою очередь, был вынужден противодействовать начинаниям Фемистокла, отчасти для того, чтобы защитить себя, отчасти же — чтобы уменьшить влияние противника, все возраставшее благодаря расположению толпы: пусть лучше народ, думал он, оставит без внимания некоторые из

полезных для государства советов, лишь бы Фемистокл не сделался всемогущим, одерживая победу за победой. В конце концов, взявши как-то раз верх над Фемистоклом, когда тот действовал разумно и целесообразно, Аристид не сдержался и, уходя из Собрания, сказал, что афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят их обоих — и Фемистокла, и его самого — в пропасть. В другой раз, внесен на рассмотрение народа какой-то законопроект, когда его мнение, невзирая на многочисленные и горячие возражения, все же возобладало и председатель уже готов был перейти к голосованию, Аристид убедился, что противники правы, и снял свое предложение. Нередко он обращался к Собранию через подставных лиц, чтобы Фемистокл из чувства соперничества не помешал полезному начинанию. Его твердость кажется особенно удивительной по сравнению с непостоянством других государственных деятелей: он был безразличен к почестям, в несчастьях сохранял присутствие духа, спокойствие и невозмутимость и полагал, что нужно предоставить себя в распоряжение отечества, не думая не только о вознаграждении, но и о славе и занимаясь делами государства бескорыстно.

4. Не только благоволение и приязнь неутомимо обуздывал он, отстаивая справедливость, но и гнев, и ненависть. Рассказывают, что однажды он привлек к суду своего врага, и после обвинительной речи Аристида судьи отказались слушать ответчика, потребовав немедленного вынесения приговора; тогда Аристид вскочил и вместе с обвиняемым стал просить, чтобы того не лишали законного права высказаться в свою защиту. В другой раз, когда он был судьей в тяжбе двух частных лиц и один из них сказал, что другой причинил много неприятностей Аристиду, тот заметил: «Вот что, любезный, ты лучше говори о том, обижал ли он тебя: ведь я занимаюсь твоим делом, а не своим». Когда ему был поручен надзор за общественными доходами, он уличил в огромных хищениях не только лиц, занимавших государственные должности одновременно с ним, но и тех, кто занимал их прежде, в особенности Фемистокла.

В отместку последний, собрав многих недовольных Аристидом, обвинил его, когда тот представил свой отчет, в краже и, как сообщает Идоменей, выиграл дело. Но первые и лучшие из афинян возмутились, и Аристид был освобожден от наказания и даже вновь назначен на прежнюю должность. На этот раз, делая вид, будто раскаивается в прежнем своем поведении, он выказал куда большую снисходительность и пришелся по душе расхитителям казны, которых он теперь не изобличал и не допекал расследованиями, так что они, набив кошельки общественными деньгами, рассыпались в похвалах Аристиду, с немалым рвением убеждая народ переизбрать его еще раз. Перед самым началом голосования Аристид обратился к афинянам с таким упреком: «Когда я управлял вами добросовестно и честно, меня опозорили, а теперь, когда я позволил ворам поживиться немалой толикой общественного добра, меня считают отличным гражданином. Но сам я больше стыжусь нынешней чести, чем тогдашнего осуждения, а об вас сожалею: вы охотнее одобряете того, кто угождает негодяям, нежели охраняющего государственную казну». Этими словами он и хищения разоблачил, и заткнул рот новоявленным громогласным почитателям, стяжав истинное и справедливое одобрение всех порядочных людей.

7. Прозвище Справедливого, вначале доставлявшее Аристиду любовь афинян, позже обратилось в источник ненависти к нему, главным образом потому, что Фемистокл распространял слухи, будто Аристид, разбирая и решая все дела сам, упразднил суды и незаметно для сограждан сделался единовластным правителем — вот только что стражей не обзавелся. Да и народ, чванясь своей победой и считая себя достойным величайших почестей, с неудовольствием взирал на каждого, кого возвышала над толпою слава или громкое имя. И вот, сойдясь со всех концов страны в город, афиняне подвергли Аристида остракизму, скрывши ненависть к славе под именем страха перед тираннией.

8. Спустя три года, когда Ксеркс через Фессалию и Беотию вел свое войско на Атику, закон об изгнании был отменен, и изгнанники получили право вернуться. При этом более всего опасались, как бы Аристид, сам перейдя к врагам, не совратил своим приме-

ром многих сограждан и не переманил их на сторону персов, но неверно судили о нем афиняне: еще до упомянутого выше постановления он неустанно призывал греков защищать свободу, а после него и словом и делом всячески поддерживал Фемистокла, избранного стратегом с неограниченными полномочиями, ради общего блага прославляя до небес злейшего своего врага. Когда Эврибиад со своими приверженцами решил оставить Саламин, а персидские триеры ночью вышли в море и, наглухо заперев пролив, овладели островами, причем никто из греков об этом не знал, Аристид, не думая об опасности, прорвался сквозь строй вражеских судов, пришел среди ночи к палатке Фемистокла и, вызвав его, сказал так: «Если в нас есть хоть капля здравого смысла, Фемистокл, мы оставим пустые, недостойные мужей раздоры и вступим в благотворное и прекрасное соперничество, направленное к спасению Греции, ты — повелевая и командуя войсками, я — повинуюсь и служа тебе советом; ведь мне известно, что в нынешних обстоятельствах только ты нашел единственно правильное решение и требовал как можно скорее дать морское сражение в этом узком проходе. И можно подумать, будто сами враги решили тебе помочь, поскольку союзники с тобою не соглашаются: все море кругом, и даже позади нас, усеяно вражескими судами, так что волей-неволей нам придется показать себя доблестными бойцами — путь к отступлению отрезан». На это Фемистокл сказал: «Мне бы, разумеется, не хотелось, Аристид, остаться позади тебя в таком деле; ты положил прекрасное начало — я принимаю вызов и постараюсь превзойти тебя, когда начнется битва». Вслед за тем он открыл Аристиду, какая ловушка приготовлена им для персов, и просил убедить Эврибиада (тот больше доверял Аристиду, чем Фемистоклу), что иного выхода, кроме морского сражения, у них не остается. И когда на совете стратегов коринфянин Клеокрит сказал Фемистоклу, что вот мол и Аристид не разделяет его мнения — ведь он молчит, Аристид возразил: «Нет, я не стал бы молчать, если бы Фемистокл не был прав во всем без изъятия. Не по благосклонности к нему я воздержался от речей, но потому, что одобряю его мнение».

9. Вот какие споры шли между греческими начальниками. Тем временем Аристид, видя, что Пситталия (это небольшой остров, лежащий в проливе как раз против Саламина) полна вражескими воинами, отобрал среди своих сограждан самых храбрых и воинственных, посадил их в лодки, подошел к Пситталии и, вступив с варварами в бой, перебил всех, кроме знатных персов, которые были захвачены живыми. Среди них оказались три сына Сандаки, сестры царя, и Аристид немедленно отослал их к Фемистоклу; говорят, что по слову оракула, изреченному прорицателем Эвфрантидом, их принесли в жертву Дионису Кровожадному. Аристид оцепил островок кольцом тяжеловооруженных пехотинцев, и каждый, кого выносило на берег, попадал в их руки, так что из своих ни один не погиб, а из врагов ни один не ускользнул. Дело в том, что, по-видимому, самые ожесточенные схватки происходили как раз вокруг этого острова, здесь чаще всего сталкивались корабли, и поэтому трофей был воздвигнут на Пситталии.

После битвы Фемистокл, желая испытать Аристида, сказал, что совершен славный подвиг, но впереди — другой, еще более славный: нужно захватить Азию в Европе, а для этого — плыть как можно скорее к Геллеспонту и разрушить мост. Аристид даже вскрикнул от неожиданности и стал убеждать Фемистокла отказаться от этой мысли и подумать о том, как бы поскорее изгнать персов из Греции, не закрывая им пути к бегству, ибо в противном случае царь, располагая такой огромной силой, вынужден будет защищаться и мстить; тогда Фемистокл тайно отправил к Ксерксу пленного евнуха Арнака, приказав ему донести своему господину, что греки уже готовы были плыть к мосту, но он, Фемистокл, отговорил их, заботясь о спасении царя.

10. Когда Мардоний во второй раз вторгся в Аттику, афиняне опять перебрались на Саламин. Аристид, посланный в Спарту, упрекал лакедемонян в том, что своей медлительностью и равнодушием они снова отдали Афины во власть персов, и требовал, чтобы они оказали помощь областям Греции, еще не занятым врагами. У спартанцев справлялись гиакинфии, и эфоры, выслушав Аристида, днем продолжали веселиться, сохраняя беззаботный вид, а ночью выбрали пять тысяч спартиатов, каждый из которых взял с

бою семерых илотов, и тайком от афинских послов отправили их в поход. Когда Аристид снова явился к ним с упреками, они, смеясь, ответили, что он, верно, бредит со сна — ведь войско, выступившее против иноземцев («иноземцами» они называли персов), уже в Орестии; Аристид же на это сказал, что неудачное время нашли они для шуток, обманывая друзей вместо врагов. Таково сообщение Идоменея. Но в постановлении, которое было предложено Аристидом, послами названы Кимон, Ксанфипп и Миронид, а его собственное имя там не значится.

11. Избранный стратегом с неограниченными полномочиями на время предстоявших боевых действий, Аристид подошел к Платеям во главе восьми тысяч афинских гоплитов. Там к нему присоединился Павсаний со своими спартанцами — главнокомандующий всеми греческими силами, и туда же стекалось множество воинов из остальных греческих областей. Весь огромный лагерь варваров вытянулся, без конца и края, вдоль реки Асоп; пожитки воинов и самое ценное снаряжение защищала четырехугольная стена, каждая сторона которой была десяти стадий в длину. Элеец Тисамен предсказал Павсанию и всем грекам победу, если они будут обороняться и не нападут первыми. Аристид послал в Дельфы спросить оракула, и бог ответил, что афиняне одолеют врага, если будут молиться Зевсу, Гере Киферонской, Пану и сфрагидийским нимфам, принесут жертвы героям Андрократу, Левкону, Писандру, Дамократу, Гипсиону, Актеону и Полииду и примут бой на собственной земле — на равнине Деметры Элевсинской и Персефоны. Получив это предсказание, Аристид стал в тупик. Ведь герои, которым бог велел принести жертвы, были родоначальниками платейцев, и пещера сфрагидийских нимф находится на одной из вершин Киферона и обращена в ту сторону, где летом заходит солнце (рассказывают, что когда-то там было и прорицалище и что многие из местных жителей обладали даром пророчества и потому про них говорили, что они «одержимы нимфами»). Упоминание же о равнине Элевсинской Деметры и о том, что лишь битва на собственной земле дарует афинянам победу, вновь заставляли думать о переносе военных действий в Аттику. Как раз в это время командующему платейцев Аримнесту приснилось, будто Зевс Спаситель спрашивает его, какое решение приняли греки, а он отвечает: «Завтра поведем войско к Элевсину, владыка, и там сразимся с варварами, повинуюсь пифийскому оракулу». Тогда бог объявил, что они глубочайшим образом заблуждаются: то, о чем вещала Пифия, — здесь во владениях платейцев, пусть поищут — и найдут. Все это привиделось Аримнесту вполне отчетливо, и, пробудившись, он тут же послал за самыми многоопытными и старыми из сограждан и, беседуя с ними, выяснил, что близ Гисий у подножья Киферона есть очень древний храм, посвященный Деметре Элевсинской и Персефоне.

Вместе с Аристидом они сразу отправились к тому месту: оно оказалось словно нарочито предназначенным для боевых действий пешего строя против превосходящих сил конницы, так как отроги Киферона делали непреодолимым для всадников край равнины, примыкающий к храму. В роще неподалеку было святилище героя Андрократа, окруженное густо разросшимися, тенистыми деревьями. А чтобы всякое слово оракула исполнилось, укрепляя надежды на победу, платейцы, следуя предложению Аримнеста, постановили уничтожить границу между Аттикой и платейскими владениями и передать всю землю афинянам: тогда те смогут сражаться за Грецию в своих собственных пределах. Великодушные платейцев приобрело такую громкую славу, что даже много лет спустя Александр, который к тому времени успел уже покорить Азию, решив обнести Платеи стенами, объявил на Олимпийских играх через глашатая, что царь оказывает эту милость платейцам за их мужество и щедрость, обнаруженные в Персидской войне, когда они отдали грекам свою землю и проявили величайшую отвагу.

12. Тегейцы вступили с афинянами в спор из-за места в бою: они требовали, чтобы их поставили на левом крыле, как бывало во всех случаях, когда лакедемоняне занимали правое, и без конца восхваляли своих предков. Афиняне были возмущены, и тогда Аристид, выйдя вперед, сказал: «Отвечать тегейцам на их рассуждения о благородстве и храбрости сейчас не позволяет время, но вам, спартанцы, и всем прочим грекам мы хотим за-

метить, что место не отнимает доблести и не дарует ее. А потому какое бы место вы нам ни назначили, мы постараемся украсить и удержать его, не посрамив прежние наши победы. Мы пришли сюда не ссориться с союзниками, но сразиться с врагами, не прославлять отцов и дедов, но самих себя проявить неустранимыми защитниками Греции. Предстоящая битва покажет грекам истинную цену каждого города, полководца и отдельного воина». Выслушав эти слова, начальники и прочие участники совета согласились с афинянами и отдали другое крыло им.

13. Положение всей Греции было очень непрочным, но самым тяжким оно было для афинян; и вот в таких-то обстоятельствах люди из знатных домов, прежде очень богатые, а теперь обращенные войною в бедняков, видя, что вместе с деньгами их покинули слава и влияние, что почести и власть над согражданами перешли в другие руки, тайно собрались в каком-то доме в Платеях и сговорились свергнуть власть народа, а если им это не удастся — все пустить прахом и передать государство персам. Все это происходило в лагере, и очень многие были уже вовлечены в заговор, когда о нем узнал Аристид; опасаясь действовать круто в такое тревожное время, он решил не оставлять дела без внимания, но и не раскрывать его до конца: ведь неизвестно было, сколь значительным окажется число изблеченных, если вести расследование, сообразуясь лишь со справедливостью, а не с пользой. Итак, он приказал задержать всего восемь человек; из них двое, которые первыми были привлечены к суду да и виноваты были больше всех, ламптриец Эсхин и ахарнянин Агасий, бежали из лагеря, остальных же Аристид отпустил, желая приободрить тех, кто считал себя еще незаподозренным, и дать им возможность раскаяться. Он добавил, что битва будет для них великим судилищем, где они честной и усердной службой отечеству очистят себя от всех обвинений.

14. Вскоре после этого Мардоний попытался ударить на противника теми силами, в которых он, как ему казалось, обладал решительным перевесом: персидская конница пустилась на греков, которые засели у подножья Киферона в каменистом, надежно укрепленном природою месте, — все, кроме мегарян. Последние, числом три тысячи, разбили лагерь пониже, на равнине, и потому понесли тяжелый урон от обрушившейся на них и напавшей сразу со всех сторон конницы. Не в силах сами сдержать натиск такого множества варваров, они поспешно послали к Павсанию гонца с просьбой о подкреплении. Выслушав это да и собственными глазами видя, что туча копий и стрел закрыла лагерь мегарян, а воины уже отступили и сбились в кучу, Павсаний, который не мог с помощью тяжеловооруженных спартанских пехотинцев отбить атаку всадников, предложил находившимся подле него греческим стратегам и начальникам отрядов потягаться в мужестве и любви к славе, если кто-нибудь из них желает добровольно вступить в бой, чтобы помочь мегарянам. В то время как остальные колеблются, Аристид от имени афинян объявляет, что они берут это на себя, и посылает самого храброго из начальников, Олимпиодора, с тремястами отборных воинов, присоединив к ним лучников. Они быстро приготовились и бегом двинулись к лагерю мегарян; заметив их приближение, Масистий, начальник персидской конницы, отличавшийся поразительной силой, огромным ростом и красотой, повернул коня и понесся навстречу афинянам. Те стойко вынесли удар, и началась схватка такая ожесточенная, словно исход ее решал судьбу всей войны. Конь под Масистием, раненный стрелой, сбросил седока; упав, Масистий остался недвижим (тяжесть вооружения не давала ему подняться на ноги), но и афиняне никак не могли до него добраться, хотя и осыпали градом ударов: не только грудь и голову — даже руки и ноги Масистия прикрывали золотые, медные и железные латы. Наконец кто-то прикончил его, ударив древком копья туда, где в отверстие шлема был виден глаз; остальные персы, бросив труп, бежали. Размеры успеха греки оценили не по числу убитых врагов (их оказалось совсем немного), но по охватившей персов скорби: горюя о Масистии, они остриглись, обрезали гривы лошадям и мулам и огласили всю равнину своими стонами и плачем — ведь они потеряли первого после Мардония мужа, намного превосходившего прочих доблестью и силой.

15. После этого конного сражения и греки и персы долго воздерживались от боевых столкновений: прорицатели, рассмотрев внутренности жертвенных животных, предвещали и тем, и другим победу, если они будут защищаться, и поражение — если нападут первыми. Наконец Мардоний, видя что припасов у него остается лишь на несколько дней, а число греков все растет благодаря непрерывно прибывающим подкреплениям, потерял терпение и решил долее не медлить, но переправиться с рассветом через Асоп и неожиданно напасть на греков; свой приказ он вечером передал начальникам. Примерно в полночь какой-то всадник осторожно приблизился к греческому лагерю и, встретив часовых, велел послать за афинянином Аристидом. Тот откликнулся на зов и явился незамедлительно. «Я Александр, царь Македонский, — сказал всадник. — Питая расположение к вам, я приехал, невзирая на величайшую опасность, которая мне грозит, чтобы неожиданное нападение не привело вас в замешательство и не лишило мужества. Завтра Мардоний даст вам бой — не потому, что уверен в успехе, и не по дерзкой самонадеянности, но терпя нужду в продовольствии, хотя и прорицатели, ссылаясь на неблагоприятные жертвоприношения и вещания оракулов, отговаривают его, и войско погружено в уныние и страх. Но иного выхода нет: приходится либо дерзнуть и попытать удачи, либо оставаться на месте и терпеть жесточайшую нужду». Затем Александр попросил Аристида запомнить его слова, но никому их не пересказывать. Аристид ответил, что не годится скрывать это известие от Павсания — их главнокомандующего, но что никому больше он не скажет до битвы ни слова; зато если Греция победит, не останется ни единого человека, который бы не узнал о преданности и храбрости Александра. Тут царь македонян поехал назад. Аристид же пришел в палатку Павсания и рассказал ему об этом разговоре. Вместе они послали за остальными командующими и отдали распоряжение, чтобы войско соблюдало порядок и готовилось к битве.

16. Как сообщает Геродот, Павсаний предложил Аристиду поставить афинян на правом крыле, против персов: они-де уже знакомы с этим противником и потому будут сражаться лучше других, а воспоминание о прежней победе придаст им уверенности в себе; своих же людей Павсаний хотел переместить на левое крыло, где против них должны были оказаться греки, перешедшие на сторону персов. Но остальные стратеги афинян сочли предложение Павсания легкомысленным и даже наглым: ведь всех прочих он оставил на прежних местах и только их одних гоняет то туда, то сюда, отводя, словно илотам, самый опасный участок. Тогда Аристид объяснил им, что они опять кругом неправы, если, только недавно поспоривши с тегейцами из-за места на левом крыле, одержав над ними верх и кичась этим, теперь, когда спартанцы добровольно отдают им правое крыло и в какой-то мере уступают первенство, они и славе не радуются, и не видят преимущества в том, чтобы сражаться не с соплеменниками и родичами, а с варварами, исконными своими врагами. После этой речи афиняне с великой охотой обменялись местами со спартанцами. Тут пошли у них разговоры и взаимные увещания, каждый напоминал товарищу, что противник вооружен не лучше и духом не крепче, чем когда-то при Марафоне, что те же у него стрелы, та же узорчатая одежда и золото, прикрывающее изнеженные тела и робкие души. «А у нас прежнее оружие и прежняя сила в руках, и лишь отваги прибавилось благодаря победам; и боремся мы не просто за свою землю и город, как тогда, а за трофеи у Марафона и на Саламине, дабы все уверились, что они воздвигнуты не Мильтиадом и не Судьбою, но — афинянами». Итак, они поспешно обмениваются местами с лакедемонянами; фиванцы, узнав об этом от перебежчиков, докладывают Мардонию. То ли боясь афинян, то ли считая для себя честью сразиться со спартанцами, он немедленно перебрал персов на правое крыло, а грекам, которые были у него в войске, приказал встать против афинян. Как только это перестроение открылось, Павсаний снова перешел на правое крыло, тогда Мардоний занял левое, как было сначала, и опять очутился против лакедемонян, и в этих бесплодных занятиях прошел весь день. На совете греки решили разбить лагерь подальше, в изобилующем водою месте: все ближние источники были взбаламучены и изгажены огромною конницей варваров.

17. Когда наступила ночь, начальники повели своих людей туда, где предполагалось раскинуть новый лагерь; те отнюдь не были расположены дружно следовать за ними, но, едва покинув прежние укрепления, понеслись к Платеям и подняли там суматоху, рассыпавшись по городу и разбивая палатки, где попало. Одни лишь спартанцы, вопреки своему желанию, остались позади прочих, и вот как это получилось. Амомфарет, человек горячий и отчаянный, уже давно рвавшийся в бой и тяготившийся бесконечными отсрочками и промедлениями, назвал это перемещение позорным бегством и заявил, что не намерен отступить ни на шаг, но со своими соратниками здесь встретит Мардония. К нему подошел Павсаний и сказал, что выполняет постановление, за которое греки голосовали на совете, тогда Амомфарет поднял обеими руками громадный камень и, бросив его к ногам Павсания, воскликнул, что и он подает свой голос и выбирает битву, а до трусливых советов и мнений прочих ему дела нет. Павсаний, растерявшись и не зная, что ему предпринять, послал к афинянам, которые уже тронулись в путь, и просил их подождать и идти вместе со всеми, а сам повел остальное войско к Платеям, надеясь, что Амомфарет двинется следом.

Тем временем рассвело, и Мардоний, от которого не укрылось, что греки оставили свой лагерь, под оглушительный шум и крики двинул на лакедемонян сомкнутый строй персов, изготовившихся не к бою, а к погоне за беглецами. И в самом деле, события чуть было не приняли именно такой оборот. Видя, что враг наступает, Павсаний приказал прекратить движение и каждому занять свое место в боевом строю, но совсем упустил из виду, — то ли в гневе на Амомфарета, то ли приведенный в смятение проворством врагов, — подать грекам сигнал к началу сражения. Поэтому, хотя битва уже началась, они подошли на помощь не сразу и не все вместе, но порознь, небольшими отрядами. Павсаний совершил жертвоприношение и, так как предзнаменования были неблагоприятны, приказал спартанцам положить щиты к ногам, не трогаться с места и ждать его знака, не оказывая пока неприятелю ни малейшего сопротивления, а сам продолжал приносить жертвы. Между тем вражеские всадники рванулись вперед; стрелы их уже достигали цели, среди спартанцев были убитые и раненые. Стрела сразила и Калликрата, как рассказывают, самого красивого и самого высокого из греков, и, умирая, он промолвил; «Не смерть меня печалит (для того я и ушел из дома, чтобы отдать жизнь за Грецию), но горько умереть, ни разу не переведавшись с врагами». Тягостное то было зрелище, и поразительна выдержка воинов: никто не старался защититься от наступающего противника, но, получая рану за раной и падая в строй, они терпеливо ждали доброго знака от бога и своего полководца. Иные историки сообщают, что несколько лидийцев неожиданно напали на Павсания, приносящего жертвы и молившегося чуть в стороне от рядов, и принялись растаскивать и раскидывать священные предметы; Павсаний же и окружавшие его греки были безоружны и потому отбивались палками и бичами. И до сих пор в подражание событиям того дня в Спарте порют у алтаря юношей, а затем устраивают лидийскую процессию.

18. Итак, прорицатель закалывал одно жертвенное животное за другим, а Павсаний, мучась при виде того, что происходило, обратил залитое слезами лицо к святилищу Геры и, воздев руки, взмолился Киферонской Гере и прочим богам-хранителям платейской земли, чтобы греки, если уж не суждено им победить, хотя бы приняли смерть в бою и на деле доказали врагам, что те сражаются против доблестных мужей и опытных воинов. Так заклинал он богов, и в этот миг явились благие предзнаменования, и жрецы обещали победу. Был отдан приказ всем вступить в бой, и сразу же строй принял облик некоего зверя — могучего, разъяренного и ошетилившегося, а варвары уразумели, что неприятель будет сражаться до последней капли крови. Наглухо закрывшись обтянутыми кожей щитами, они продолжали обстреливать спартанцев из луков. А спартанцы, сомкнув ряды и строго соблюдая строй, ринулись вперед и, отталкивая в сторону щиты, стали разить персов копьями в лицо и в грудь и многих положили, хотя и те бились горячо — голыми руками поломали чуть ли не все вражеские копья, а когда греки обнажили мечи, принялись оже-

сточенно рубиться кинжалами и саблями, схватывались, вырывая щиты, врукопашную и так держались долго.

Афиняне до сих пор оставались на месте, поджидая спартанцев: теперь же, когда слуха их достигли громкие крики сражающихся, а от Павсания, как рассказывают, прибыл гонец и объяснил, что происходит, они быстро двинулись на подмогу. Идя по равнине в том направлении, откуда несся шум, они столкнулись с греками, державшими сторону персов. Заметив их, Аристид сначала вышел далеко вперед и, призывая в свидетели греческих богов, закричал соотечественникам, чтобы они не ввязывались в бой и не преграждали путь афинянам, спешащим на помощь тем, кто в первых рядах дерется за свободу Греции; однако, видя, что они не обращают никакого внимания на его слова и выстраиваются в боевой порядок, Аристид отказался от первоначального намерения поддержать спартанцев и напал на греков, которых было около пятидесяти тысяч. Но большая часть их дрогнула и стала отходить, едва они заметили, что и персы обратились в бегство; говорят, что дольше всех сопротивлялись фиванцы, у которых самые знатные и могущественные граждане были безгранично преданы персам и вели за собою толпу, без рассуждений повиновавшуюся немногим, власть имущим.

19. Так битва шла раздельно в двух местах, и первыми лакедемоняне погнали персов; спартанец по имени Аимнест убил Мардония, разбив ему камнем голову, как тому и было предречено оракулом Амфиарая. В его святилище Мардоний послал какого-то лидийца, а еще одного человека, родом из Карий, отправил к Трофонию. Со вторым прорицатель заговорил на карийском языке; лидийцу же, который лег спать в храме Амфиарая, привиделось, будто некий служитель бога, остановившись подле него, велит ему уйти, а когда он отказался повиноваться, бросил ему в голову громадный камень, и посланцу почудилось, что он убит. Вот что об этом рассказывают... Беглецов спартанцы заперли в стенах деревянного укрепления. Немного спустя афиняне рассеяли фиванцев, положив в бою триста самых главных и знатных среди них. В это время явился гонец с известием, что персы заперты и осаждены. Тогда афиняне предоставили грекам искать спасения в бегстве, а сами поспешили к стенам; придя на помощь лакедемонянам, которые вели осаду очень вяло и неумело, они взяли приступом вражеский лагерь и учинили там страшную резню. Говорят, что из трехсот тысяч живыми ушли только сорок тысяч человек во главе с Артабазом, а у сражавшихся за Грецию пало всего тысяча триста шестьдесят воинов. Из них афинян было пятьдесят два — все, как сообщает Клидем, из филы Эантиды, которая билась храбрее прочих. Вот почему эантидцы, повинувшись приказу дельфийского оракула, приносили в благодарность за победу жертвы сфрагидийским нимфам, покрывая расходы за счет казны. Спартанцы потеряли девяносто одного человека, тегейцы — шестнадцать. Удивительно поэтому, как мог Геродот утверждать, будто в битве участвовали только афиняне, спартанцы и тегейцы, из прочих же греков — никто. И число павших, и памятники свидетельствуют о том, что успех был достигнут совместными усилиями.

Сражение произошло в четвертый день месяца боэдромиона по афинскому календарю, или за четыре дня до конца месяца панема — по беотийскому. До сих пор в этот день в Платеях собираются представители греческих городов, и платейцы приносят жертвы Зевсу-Освободителю в благодарность за победу. Несовпадению дней не следует удивляться: ведь даже теперь, когда познания в астрономии стали основательнее, в разных местах по-разному исчисляют начало и конец месяца.

Пер. С.П. Маркиша

Аристотель. Афинская полития.

23. Вот какого положения достигло тогда государство, развиваясь постепенно вместе с ростом демократии. После же мидийских войн снова усилился совет Ареопага и стал управлять государством, взяв на себя руководство делами не в силу какого-нибудь постановления, но вследствие того, что ему были обязаны успехом морской битвы при Саламине. Стратеги совершенно растерялись, не зная, что делать, и объявили через глашатаев,

чтобы каждый спасался как может; между тем Ареопаг, достав денег, роздал по восьми драхам на человека и посадил всех на корабли. (2) По этой-то причине и стали тогда подчиняться его авторитету, и действительно, управление у афинян было прекрасное в эту пору. Им удалось в это время достигнуть успехов в военном деле, приобрести славу у греков и добиться гегемонии на море вопреки желанию лакедемонян.

(3) Простатами народа в эту пору были Аристид, сын Лисимаха, и Фемистокл, сын Неокла. Последний считался искусным в военных делах, первый — в гражданских; при этом Аристид, по общему мнению, отличался еще между своими современниками справедливостью. Поэтому и обращались к одному как к полководцу, к другому - как к советнику.

(4) Возведением стен они распорядились совместно, хотя и не ладили между собой; что же касается отпадения ионян от союза с лакедемонянами, то их побудил к этому Аристид, улучив момент, когда лаконцы навлекли на себя ненависть из-за Павсания. (5) Поэтому именно он установил для государств размер первоначальных взносов на третий год после морского сражения при Саламине, при архонте Тимосфене, и принес присягу ионянам в том, что у них должны быть общими враги и друзья, и в знак этого бросил в море куски металла.

24. Так как после этого государство стало уже чувствовать свою силу и были накоплены большие средства, Аристид советовал добиваться гегемонии, а гражданам переселиться из деревень и жить в городе. Пропитание, говорил он, будет у всех — у одних, если будут участвовать в походах, у других, если будут нести гарнизонную службу, у третьих, если будут исполнять общественные обязанности: тогда-то они и возьмут в свои руки гегемонию. (2) Афиняне послушались этого совета и, взяв в свои руки власть, стали слишком деспотично относиться к союзникам — ко всем, кроме хиосцев, лесбосцев и самосцев; а поименованные были у них в качестве стражей их державы, и им предоставляли политическую самостоятельность и власть над теми, кем они тогда управляли.

(3) Кроме того, и большинству народа афиняне обеспечили возможность легко зарабатывать пропитание тем способом, как предложил Аристид. Дело происходило так, что на деньги от взносов и пошлин содержалось более двадцати тысяч человек. Было шесть тысяч судей, тысяча шестьсот стрелков, кроме того, тысяча двести всадников, членов Совета пятьсот, пятьсот стражников на верфях, да кроме них на Акрополе пятьдесят, местных властей до семисот человек, зарубежных до семисот. Когда же впоследствии начали войну, помимо этих было еще две тысячи пятьсот гоплитов, двадцать сторожевых кораблей, еще корабли для перевозки гарнизонных солдат в числе двух тысяч, избранных по жребию бобами, затем пританей, сироты и сторожа при заключенных в тюрьмах. Всем этим лицам содержание давалось из казны.

25. Таким вот образом обеспечивалось содержание народу. В течение по крайней мере семнадцати лет после мидийских войн государство оставалось под главенством совета Ареопага, хотя и клонило понемногу к упадку. Когда же сила народа стала возрастать, простатом его сделался Эфиальт, сын Софони-да, пользовавшийся репутацией человека неподкупного и справедливого в государственных делах; он-то и стал нападать на этот совет. (2) Прежде всего он добился устранения многих из ареопагитов, привлекая их к ответственности за действия, совершенные при отпращивании обязанностей. Затем, при архонте Кононе, он отнял у этого совета все дополнительно приобретенные им права, в силу которых в его руках сосредоточивалась охрана государственного порядка, и передал их частью Совету пятисот, частью народу и судам.

(3) Он произвел это при содействии Фемистокла, который, хотя и принадлежал к числу ареопагитов, должен был судиться за сношения с мидянами. Фемистокл, желая добиться упразднения этого совета, стал говорить Эфиальту, будто совет собирается его арестовать, ареопагитам же, что укажет некоторых лиц, составляющих заговор для ниспровержения государственного строя. Он привел особо избранных для этого членов совета к месту, где жил Эфиальт, чтобы показать собирающихся заговорщиков, и стал оживленно разговари-

вать с пришедшими. (4) Как только Эфиальт увидел это, он испугался и в одном хитоне сел к алтарю. Все были в недоумении от случившегося, и, когда после этого собрался Совет пятисот, Эфиальт и Фемистокл выступили там с обвинением против ареопагитов, а потом таким же образом в Народном собрании, пока у ареопагитов не была отнята сила.

Пер. С.И. Радцига

4. Военные действия 478-449 гг. Первый Афинский морской союз. Каллиев мир.

Плутарх. Аристид.

23. Посланный на войну командующим вместе с Кимоном и видя, что Павсаний и остальные начальники спартанцев грубо и высокомерно обращаются с союзниками, сам он, напротив, повел себя с ними обходительно и человеколюбиво и Кимона убедил сохранять в походах приветливость и предупредительность; таким образом, он незаметно, не прибегая ни к оружию, ни к судам, ни к боевым коням, одной лишь благожелательностью и подлинно государственной мудростью лишил спартанцев главенства. Афиняне и так уже были любезны грекам благодаря справедливости Аристида и доброте Кимона, а своекорыстие и тяжелый нрав Павсания делали их еще милее для всех. С начальниками союзников Павсаний разговаривал всегда сурово и сердито, а простых воинов наказывал палками или заставлял стоять целый день с железным якорем на плечах. Никому не разрешалось раньше спартанцев набрать соломы на подстилку, принести сена коням или подойти к источнику и зачерпнуть воды — ослушников слуги гнали прочь плетьюми. Когда однажды Аристид с упреком заговорил об этом с Павсанием и хотел его усостыдить, тот, нахмурившись, сказал, что ему недосуг, и не пожелал слушать.

Вскоре греческие полководцы и начальники морских сил, в особенности хиосцы, самосцы и лесбосцы, стали приходить к Аристиду и уговаривать его принять главное командование и взять под свое покровительство союзников, которые уже давно мечтают избавиться от спартанцев и примкнуть к афинянам. Аристид ответил, что они его убедили, что просьба их вполне справедлива, но если они желают приобрести его доверие, нужно отважиться на такой поступок, который не дал бы толпе впоследствии передумать еще раз. И вот, сговорившись, самосец Улиад и хиосец Антагор неподалеку от Византии, когда триера Павсания, отделившись от других, ушла вперед, напали на нее с обоих бортов. Заметив их, Павсаний в ярости вскочил и стал грозить, что скоро покажет им, на кого они совершили нападение — не на корабль Павсания, нет! но на собственное отечество! А те велели ему убираться и благодарить судьбу, которая была на его стороне при Платеях, — только память об этой победе мешает грекам рассчитаться с ним по заслугам. Дело кончилось тем, что союзники отложились и перешли на сторону афинян. И тут Спарта на деле доказала свое замечательное здравомыслие. Когда лакедемоняне поняли, что слишком большая власть портит их военачальников, они добровольно отказались от главенства и перестали посылать на войну командующих, предпочтя господству над всей Грецией мудрую воздержность граждан и верность их отеческим обычаям.

24. Еще находясь под руководством спартанцев, греки делали определенные взносы на военные нужды, и теперь, желая, чтобы каждому городу была определена надлежащая подать, они попросили афинян отрядить к ним Аристида и поручили ему, познакомившись с их землями и доходами, в соответствии с их возможностями назначить, сколько кому платить. Получив такую громадную власть — ведь Греция в какой-то мере отдала в его распоряжение все свое имущество, — бедным ушел он из дома и еще беднее вернулся, составив податной список не только безукоризненно справедливо, но и ко всеобщему удовлетворению. Подобно древним, воспевавшим век Крона, прославляли союзники афинян подать, установленную Аристидом, называя ее «счастьем Греции», в особенности, когда она по прошествии недолгого времени удвоилась, а затем и утроилась. Общая сумма, назначенная Аристидом, была около четырехсот шестидесяти талантов. Перикл увеличил ее почти на треть: как сообщает Фукидид, в начале войны к афинянам поступало от союз-

ников шестьсот талантов. После смерти Перикла правители довели ее, повышая понемногу, до тысячи трехсот талантов — не столько потому, что превратности долгой войны требовали больших издержек, сколько потому, что народ был уже приучен к раздачам, к получению денег на зрелища, к сооружению статуй и храмов.

Говорят, что о громкой, достойной удивления славе, которую принесла Аристиду раскладка подати, Фемистокл с насмешкой сказал: «Такая слава подобает не мужу, а скорее мешку для хранения золота». Это был его ответ, хотя и очень неудачный, на откровенное замечание Аристида, который как-то раз, когда Фемистокл заявил, что величайшим достоинством полководца считает умение распознать и предугадать замыслы противника, заметил: «Да, Фемистокл, это необходимое качество, но все же прекрасно и по истине подобает полководцу иметь чистые руки».

25. Аристид привел греков к присяге на верность, сам от имени афинян принес такую же присягу и, произнеся слова заклания, бросил в море куски металла, но впоследствии, когда обстоятельства потребовали власти более твердой, он просил афинян поступать так, как они находят полезным, возложив всю ответственность за нарушение клятвы на него. Вообще, по мнению Феофраста, этот человек отличался величайшей справедливостью по отношению к своим домашним и к согражданам, но в делах государственных нередко сообразовывался лишь с выгодами отечества, будто оно постоянно требовало несправедливых действий. Говорят, что когда обсуждалось предложение самосцев перевезти казну, вопреки договору, с Делоса в Афины, Аристид сказал, что это несправедливо, но зато полезно. В конце концов его усилиями Афины приобрели власть над великим множеством людей, но сам он остался бедняком и славу о своей бедности всегда ставил ничуть не ниже, чем ту, что принесли ему воздвигнутые трофеи.

Это явствует вот из какого случая. Факелоносец Каллий, приходившийся Аристиду родственником, был привлечен врагами к суду, и обвинители требовали смертной казни. Достаточно сказав о преступлениях, которые вменялись ему в вину, они привели судьям один не относящийся к делу довод: «Вы знаете Аристида, сына Лисимаха, — сказали они, — которым восхищается вся Греция. Как, по-вашему, он живет, если — сами видите! — появляется на людях в таком рубище? Разве не похоже на то, что, коль скоро на улице он дрожит от холода, значит дома голодает и терпит нужду во всем необходимом? А Каллий, богатейший из афинян, равнодушно смотрит на то, как бедствует его двоюродный брат с женой и детьми, хотя много раз прибегал к услугам этого человека и часто обращал себе на пользу влияние, которым тот пользуется среди вас». Каллий, видя, что на судей это подействовало сильнее всего прочего и что они разгневаны, вызвал Аристида и попросил его засвидетельствовать перед судом, что не раз он, Каллий, давал ему щедрые вспомоществования и убеждал их принять, но тот отказывался, отвечая, что ему более пристало гордиться своей бедностью, чем Каллию — богатством: ведь богачей на свете много, и хороших и дурных, а человека, который бы с достоинством переносил бедность, встретить нелегко, ибо стыдятся бедности те, кто нуждается вопреки своей воле. И среди слышавших эти показания Аристида в пользу Каллия не осталось ни одного, который бы, уходя, не унес с собою желания быть лучше бедным, как Аристид, чем утопать в богатстве, как Каллий. Эту историю записал ученик Сократа Эсхин. Платон же из всех афинян, почитающихся великими и славными, одного лишь этого мужа объявляет достойным упоминания: Фемистокл, говорит он, Кимон и Перикл наполнили город портиками, деньгами и всевозможными пустяками, меж тем как Аристид, управляя государством, вел его к нравственному совершенству.

Велика была и кротость, проявленная им по отношению к Фемистоклу. Всю жизнь тот был его противником на государственном поприще, из-за него Аристид подвергся остракизму, но когда Фемистокл, в свою очередь, попал в беду и предстал перед судом, обвиненный в преступлении против государства, Аристид забыл старые обиды, и в то время как Алкмеон, Кимон и многие иные наперебой изобличали Фемистокла, один лишь

Аристид и не сделал и не сказал ничего ему во вред; он не радовался несчастьем врага, как прежде не завидовал его благоденствию.

Пер. С.П. Маркиша

Плутарх. Фемистокл.

19. Покончив с упомянутыми выше делами, Фемистокл тотчас принялся вновь отстраивать город и обносить его стенами. По словам Феопомпа, Фемистокл подкупил эфоров, чтобы они не противодействовали ему, а по сообщениям большинства историков, он их обманул. Он явился в Спарту под видом посла. Когда спартанцы жаловались, что афиняне строят стены вокруг города, и Полиарх, специально для этой цели присланный из Эгины, обвинял Фемистокла, он стал отрицать это и предложил послать в Афины людей для осмотра: такой проволочкой он выигрывал время для постройки стен и в то же время хотел, чтобы вместо него у афинян в руках были эти посланные. Так и случилось: спартанцы, узнав истину, не тронули его, а отпустили, затаив свое недовольство.

После этого Фемистокл стал устраивать Пирей, заметив удобное положение его пристаней. Он старался и весь город приспособить к морю; он держался политики, некоторым образом противоположной политике древних афинских царей. Последние, как говорят, старались отвлечь жителей от моря и приучить их к жизни земледельцев, а не мореплавателей. Поэтому они распустили басню³⁸, будто бы Афина, споря с Посейдоном из-за этой страны, показала судьям маслину и победила. Фемистокл не то чтобы «приклеил Пирей» к городу, как выражается комик Аристофан³⁹, а город привязал к Пирею и землю к морю. Этим он усилил демос против аристократии и придал ему смелости, так как сила перешла в руки гребцов, келевстов⁴⁰ и рулевых. По этой причине и трибуну на Пниксе⁴¹, устроенную так, что она была обращена к морю, тридцать тираннов впоследствии повернули лицом к земле: они думали, что господство на море рождает демократию, а олигархией меньше тяготеют земледельцы.

20. Фемистокл задумал еще более далеко идущий план, касавшийся могущества афинян на море. Когда эллинский флот после отступления Ксеркса вошел в Пагасскую гавань и зимовал там, Фемистокл в одной своей речи перед народным собранием сказал, что у него есть план, полезный и спасительный для афинян, но что нельзя говорить о нем при всех. Афиняне предложили ему сообщить этот план одному Аристиду и, если тот одобрит его, привести его в исполнение. Фемистокл сообщил Аристиду, что он задумал поджечь эллинский флот на его стоянке. Аристид заявил в народном собрании, что нет ничего полезнее, но в то же время бесчестнее того, что задумал Фемистокл. Тогда афиняне приказали Фемистоклу оставить это намерение.

В собрание амфикионов спартанцы внесли предложение о том, чтобы города, не участвовавшие в союзе против персов, были исключены из амфикионии. Фемистокл, опасаясь, что они, удалив из собрания фессалийцев и аргосцев, а также фиванцев, станут полными господами голосования и все будет делаться по их решению, высказался в пользу этих городов и склонил пиллагоров переменить мнение: он указал, что только тридцать один город принимал участие в войне, да и из них большая часть — города мелкие. Таким образом, произойдет возмутительный факт, что вся Эллада будет исключена из союза, и собрание очутится во власти двух или трех самых крупных городов. Главным образом этим Фемистокл навлек на себя вражду спартанцев; поэтому они и стали оказывать больший почет Кимону и выдвигать его как политического соперника Фемистокла.

21. Фемистокла не любили и союзники за то, что он ездил по островам и собирал с них деньги. Так, по словам Геродота, требуя денег от жителей Андроса, он получил от них в ответ следующие слова. Он говорил, что привез с собою двух богов, Убеждение и Принуждение; а те отвечали, что у них есть две великие богини, Бедность и Нужда, которые мешают им давать ему деньги. Тимокреонт, родосский лирический поэт, в одном стихотворении довольно злобно нападает на Фемистокла за то, что он другим за взятки выхло-

патывал возвращение из изгнания на родину, а его, связанного с ним узами гостеприимства и дружбы, из-за денег бросил на произвол судьбы.

Пер. С.И. Соболевского

Плутарх. Кимон.

5. Когда персы уже оставили Грецию, афиняне же не имели еще первенства на море, а подчинялись Павсанию и лакедемонянам, Кимон, отправленный на войну стратегом, прежде всего всегда заботился о том, чтобы граждане в походах соблюдали строжайший порядок и намного превосходили всех прочих смелостью. Далее, в то время как Павсаний вел изменнические переговоры с варварами и переписывался с царем, с союзниками же обращался сурово и надменно, держа себя крайне нагло, в опьянении властью и безумной гордостью, Кимон ласково принимал обиженных под свою защиту, кратко обходясь с ними; действуя не силою оружия, а словом и личным обаянием, он незаметно отнял у лакедемонян верховное владычество над Грецией. Естественно, что к Кимону с Аристидом примкнула большая часть союзников, не будучи в состоянии долее переносить тяжелый нрав и высокомерие Павсания. А те, склоняя их на свою сторону, в то же время посылали сказать эфорам, чтобы они отозвали Павсания, по вине которого подвергается бесчестию Спарта и сеется смута во всей Греции. Рассказывают, что Павсаний приказал доставить к нему некую девушку по имени Клеоника, родом из Византия, дочь знатных родителей, с намерением обесчестить ее, а родители, в страхе подчиняясь насилию, позволили увести ее. У входа в спальню она попросила стоявших у двери людей погасить свет, а сама, подходя в темноте к ложу, в то время как Павсаний уже спал, нечаянно наткнулась на светильник и опрокинула его. Встревоженный шумом и вообразив, что к нему приближается какой-нибудь злоумышленник, Павсаний схватил лежавший близ него кинжал и ударом его уложил девушку <...>.

6. Крайне возмущенные этим преступлением союзники во главе с Кимоном осадили Павсания. Павсаний бежал из Византия и, все еще тревожимый видением, укрылся, как рассказывают, в гераклейском прорицалище мертвых, где вызвал душу Клеоники и умолял ее смягчить свой гнев. Явившаяся к нему Клеоника сказала, что по прибытии в Спарту он скоро освободится от своих мук, намекая, по-видимому, на гибель, которая его ожидала. Об этом повествуют многие историки.

7. А Кимон, к которому уже присоединились союзники, отплыл, предводительствуя войском, во Фракию. До его сведения дошло, что несколько знатных персов, родственников царя, овладели Эионом, городом, расположенным на реке Стримон, и тревожат окрестное греческое население. Он начал с того, что разбил в сражении самих персов и запер их в городе, а затем, изгнав фракийцев, живших за Стримоном, откуда персам доставлялся хлеб, и приказав караулить всю их землю, поставил осажденных в столь безвыходное положение, что царский военачальник Бут, потеряв всякую надежду, поджег город и погиб в огне вместе с друзьями и имуществом. Так Кимон взял город, но никакой мало-мальски существенной пользы от того не получил: почти все сгорело вместе с варварами. Зато местность, отличавшуюся красотой и плодородием, он отдал под поселения афинянам. Народ разрешил ему поставить каменные гермы, на первой из которых написали:

Много пришлось претерпеть и тем, что с сынами мидийцев
Встретясь в Эионском краю, их у Стримона реки
Голодом жгучим терзали и в схватках Ареса кровавых
Первыми ввергли врагов в горе и злую нужду.

На второй надпись гласила:

Здесь в награду вождям афинский народ благодарный
В память великих заслуг им эту герму дарит.

Пусть же, взглянув на нее, стремится каждый потомок,
Общему благу служа, смело на битву идти.

На третьей написали:

Некогда царь Менесфей отсюда с Атридами вместе
К Трои священной полям мощное войско повел.
Был он, Гомер говорит, среди крепкобронных данайцев
Славен искусством своим воинов строить на бой.
Вот почему и теперь подобает афинянам зваться
Славными в ратных делах, доблесть являя свою.

8. Надписи эти, хоть имя Кимона в них ни разу не названо, казались, по содержанию своему, людям того времени верхом почета. Ибо ни Фемистокл, ни Мильтиад ничего подобного не удостоились. Мильтиад домогался было масличного венка, но декелиец Софан, встав со своего места в Народном собрании, произнес хотя и не слишком умные, но все же понравившиеся народу слова: "Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного". Но почему афиняне были в таком восхищении от подвига Кимона? Не потому ли, что при других военачальниках они сражались с врагами лишь затем, чтобы избавиться от беды, а под начальством Кимона были настолько сильны, что сами наносили вред неприятелям, вторгаясь с оружием в их владения, и приобрели новые земли, основав колонии и в самом Эионе и в Амфиполе?

Поселились они и на острове Скиросе, который был завоеван Кимоном вот при каких обстоятельствах. Остров населяли долопы. Земледельцы они были плохие, издавна занимались морским разбоем и перестали щадить даже тех чужеземцев, которые приезжали к ним по делам: несколько фессалийских купцов, приставших к Ктесию, были долопами ограблены и брошены в тюрьму. Убежав из тюрьмы, люди эти принесли жалобу на город в союз амфиктионов. Но так как граждане отказались принять возмещение убытков на общественный счет и требовали, чтобы их покрыли те, кто совершил грабеж и владеет награбленным, эти последние испугались и отправили к Кимону письмо, прося его прибыть с флотом и занять город, который они ему сдадут. Захватив таким путем остров, Кимон изгнал долопов и обезопасил Эгейское море. Прослышав, что древний Тесей, сын Эгея, бежавший из Афин на Скирос, был здесь изменнически убит боявшимся его царем Ликомедом, Кимон принялся усердно искать его могилу, тем более что афинянам было дано прорицание оракула, повелевавшее им перевезти в свой город останки Тесея и оказывать ему почести, какие подобают герою, но они не знали, где именно он покоится, а жители Скироса утверждали, что никакой могилы Тесея у них нет, и не позволяли ее искать. И все же место погребения с большим трудом, после усердных поисков, было найдено, и, приняв останки на свой корабль и великолепно его разукрасив, Кимон привез прах Тесея на родину по прошествии без малого четырехсот лет {15} после смерти героя. За это народ выказывал Кимону величайшее благоволение.

К его славе послужило также ставшее впоследствии знаменитым состязание между поэтами-трагиками. Софокл, тогда еще юноша, ставил свою первую пьесу, и архонт Апсефион, заметив несогласия и споры между зрителями, не стал бросать жребий для избрания судей, но, когда Кимон, войдя в театр со своими сотоварищами-стратегами, совершил установленные возлияния богу, остановил их и, приведя к присяге, заставил сесть и судить состязание - всех десятерых, так что каждый оказался представителем от одной из фил. Почет, каким пользовались эти судьи, возбудил, конечно, в исполнителях особенное рвение и соперничество. Победил Софокл, а Эсхил, опечаленный и удрученный, лишь короткое после этого время пробыл, как сообщают, в Афинах, а затем с досады уехал в Сицилию. Там он умер и похоронен близ Гелы.

9. Ион рассказывает, что, когда он еще в ранней юности прибыл с Хиоса в Афины, ему пришлось обедать у Лаомедонта в обществе Кимона. После возлияний Кимона попросили спеть, и тот спел очень хорошо, так что все его похвалили и нашли, что в обществе он приятнее Фемистокла: последний говорил, что петь и играть на кифаре он не умеет, но как сделать великим и богатым город - это он знает. Затем, как обыкновенно бывает за чашей вина, разговор перешел на подвиги Кимона, стали вспоминать о самых выдающихся из них, и он сам рассказал об одной из своих хитростей, по его мнению, самой удачной. Союзники, захватив в Сесте и Византии множество варваров, поручили Кимону произвести дележ добычи, и тот распорядился так, что по одну сторону поставили самих пленных, а по другую сложили украшения, которые они носили; союзники стали порочить такой дележ, называя его несправедливым, и тогда он предложил им взять любую из частей: какую бы они ни оставили, афиняне-де будут довольны. По совету самосца Герофита, считавшего, что лучше приобрести вещи персов, чем самих персов, союзники взяли себе наряды и украшения, оставив на долю афинян пленных. Все сочли тогда, что этим дележом Кимон просто выставил себя на посмеяние: союзники уносили золотые запястья, ожерелья, шейные цепочки, персидские кафтаны, пурпурную одежду, афинянам же пришлось взять себе нагие тела мало привычных к труду людей. Вскоре, однако, съехавшиеся из Фригии и Ликии друзья и родственники пленных стали выкупать их, платя за каждого большие деньги, так что у Кимона собрались средства, которых хватило на содержание флота в течение четырех месяцев, а кроме того, немало золота из выкупных сумм осталось и для казны.

11. С течением времени союзники, продолжая вносить деньги в союзную казну, стали, вопреки принятым обязательствам, воздерживаться от поставки кораблей и людей и отказывались от участия в походах. Теперь, после того как персы удалились и больше их не тревожили, они не видели никакой нужды в войне и желали жить мирно, занимаясь земледелием, а потому и кораблей не снаряжали, и людей не посылали; афинские же стратеги, все, кроме Кимона, принуждали их к этому, непокорных привлекали к суду, подвергали карам и в результате сделали афинское господство ненавистным и тягостным. Но Кимон, занимая должность стратега, шел по пути, совершенно противоположному: силой никого из греков ни к чему не принуждал, а от нежелающих отбывать военную службу принимал деньги или порожние суда, предоставляя тем, кого прельщала спокойная жизнь, проводить время за хозяйственными делами и, безрассудно изнеживаясь, превращаться из людей воинственных в мирных земледельцев и торговцев. Афинян же он по очереди сажал многочисленными отрядами на корабли, закалял в походах и в скором времени сделал их, благодаря денежным средствам, поступавшим от союзников на содержание войска, господами самих плательщиков. Ибо, находясь постоянно в плавании, не выпуская из рук оружия, афиняне, благодаря нежеланию союзников служить, получали в походах военное воспитание и подготовку, а союзники, приучившись бояться афинян и льстить им, незаметно превратились в данников и рабов.

12. Поистине, никто не смирил и не умерил гордыни великого царя так, как это сделал Кимон. Ибо он не оставил царя в покое и после того, как тот удалился из Греции, но преследовал его чуть ли не по пятам и, не давая варварам ни передохнуть, ни расположиться лагерем, одни из их областей опустошал и покорял, другие склонял к отпадению и привлекал на сторону греков, так что вся Азия - от Ионии до Памфилии - была совершенно очищена от персидских войск. Получив известие, что царские военачальники расположились с большим войском и флотом близ пределов Памфилии, и решив дать им урок, который показал бы им, что вся часть моря, лежащая по эту сторону Ласточкиных островов, для них закрыта наглухо, Кимон спешно двинулся из Книды и Триопия на двухстах превосходных триерах, построенных Фемистоклом, которые с самого начала отличались быстротой хода и подвижностью. Теперь Кимон ушил их и соединил палубы мостками, чтобы, приняв на борт значительное число гоплитов, они обладали большею силой в бою. Приплыв к Фаселиде, жители которой хоть и

были родом греки, но не приняли греческого флота и не пожелали отпасть от царя, Кимон опустошил их страну и приказал штурмовать город. Но плившие вместе с Кимоном хиосцы, которые с давних пор были в дружбе с фаселитами, стали упрашивать его смилостивиться и одновременно оповестили фаселитов о намерениях своего полководца, пуская через стены стрелы с привязанными к ним записками. В конце концов они примирили Кимона с фаселитами, причем последние обязались уплатить десять талантов, последовать за Кимоном и принять участие в походе против варваров.

Эфор утверждает, что царским флотом предводительствовал Тифравст, а пехотой - Ферендат; по свидетельству же Каллисфена, высшее начальствование над военными силами персов принадлежало Ариоманду, сыну Гобрива. Не желая вступать в битву с греками, Ариоманд, согласно Каллисфену, стал на якорь у реки Эвримедонта и поджидал там прибытия восьмидесяти финикийских кораблей, пливших к нему от острова Кипра. Решив покончить с врагом до их прибытия, Кимон вышел в море, готовый в случае, если бы неприятель не принял сражения, принудить его к этому силой. Персы же, чтобы уклониться от боя, сначала вошли в реку, но, как только афиняне двинулись за ними, выплыли им навстречу на шестистах судах, как пишет Фанодем, по Эфору же - на трехстах пятидесяти. Но ничего достойного таких огромных сил ими совершено не было, по крайней мере, на море: они тотчас повернули к берегу, передние спрыгнули на землю и бросились бежать к выстроившейся поблизости пехоте, а те, которые были настигнуты греками, погибли вместе с кораблями. Какое множество вооруженных судов было у варваров, видно из того, что, хотя многие из них, естественно, ускользнули, а многие были совершенно разбиты, афиняне все же захватили двести кораблей.

13. Пехота персов спустилась к морю. С ходу высадиться и бросить утомленных боем греков против свежих и во много раз превосходящих их численностью сил неприятеля казалось Кимону делом сложным. Но, видя, что люди бодры духом, преисполнены мужества и горят желанием схватиться с варварами, он все же высадил на берег своих гоплитов. Еще не остывшие после жаркой морской битвы, они с громкими криками беглым шагом устремились на врага. Персы выдержали удар и встретили их храбро. Началась жестокая битва; в ней пало немало славных, доблестных и пользовавшихся высочайшим уважением афинян. После продолжительного сражения обратив варваров в бегство, афиняне убивали бегущих, а затем стали брать их в плен, захватывая заодно и палатки, полные всякого добра.

Кимон же, одержав, подобно искусному борцу на играх, в один день две победы и затмив сухопутным боем славу Саламина, а морским - подвиг при Платеях, присоединил к ним третью. Получив известие, что те восемьдесят финикийских триер, которые не успели к сражению, пристали к Гидру, он поспешно вышел в море - в то время как финикийские начальники, не имея никаких достоверных сведений о главных силах, все еще не верили слухам и пребывали в нерешительности. Теперь их охватил ужас, и они потеряли все свои корабли, причем погибла и большая часть людей.

Этот подвиг настолько смирил гордость царя, что он согласился заключить тот знаменитый мирный договор, по которому персы обязались никогда не подходить к Греческому морю ближе, чем на расстояние дневного конского пробега, и не плавать на военных кораблях или судах с медными носами в водах между Темными скалами и Ласточкиными островами. Каллисфен., впрочем, говорит, что варвар такого договора не заключал, но на деле выполнял эти условия из страха, внушенного ему этим поражением, и так далеко отступил от пределов Греции, что Перикл с пятьюдесятью кораблями и Эфиальт всего лишь с тридцатью, даже миновав Ласточкины острова, не встретили за ними ни одного персидского военного судна. Однако ж в сборник постановлений Народного собрания, составленный Кратером, включена копия договора как существовавшего в действительности. Говорят даже, что по случаю этого события афиняне воздвигли алтарь Мира и оказывали особые почести Каллию, участвовавшему в посольстве к царю.

После распродажи военной добычи народ не только приобрел средства на покрытие текущих расходов, но и получил возможность, благодаря все тому же походу, пристроить к Акрополю южную стену. Сообщают еще, что Длинные стены, так называемые "Ноги", были закончены постройкой позднее, но что первый их фундамент был прочно заложен Кимоном; работы пришлось вести в местах топких и болотистых, но трясины были завалены огромным количеством щебня и тяжелыми камнями, и все необходимые средства добывались и выдавались также Кимоном. Он же первый отвел и благоустроил места, где можно было проводить время в утонченных и достойных свободных граждан занятиях и беседах: городскую площадь он обсадил платанами, Академию же, до того лишенную воды и запущенную, превратил в обильно орошаемую рощу с искусно проведенными дорожками для бега и тенистыми аллеями. Эти места составили украшение города и в скором времени чрезвычайно полюбились афинянам.

Пер. В.В. Петуховой

Фукидид. История. Книга I.

89. Афиняне же достигли подобного могущества вот каким образом. После ухода мидян из Европы, разбитых эллинами на море и на суше (бежавшие на кораблях в Микалу остатки их войска были уничтожены), Леотихид, царь лакедемонян (предводитель эллинов при Микале), возвратился со своими пелопоннесскими союзниками на родину. Афиняне же вместе с отпавшими от царя союзниками из Ионии и Геллеспонта остались для осады Сеста (где мидяне еще держались). Проведя там зиму, союзники после ухода варваров захватили город, а, затем все они отплыли из Геллеспонта на родину в свои города. Сразу же после отступления варваров из Аттики афинские власти велели перевезти в город женщин и детей с остатками домашнего имущества из тех мест, куда их отправили ради безопасности, и начали отстраивать город и восстанавливать стены. Ведь от окружающей стены сохранились лишь незначительные остатки; большая часть жилищ также лежала в развалинах (осталось лишь немного домов, которые были заняты знатными персами).

90. Прослышав об этом намерении афинян, лакедемоняне отправили послов в Афины, чтобы помешать возведению стен. Они и сами предпочли бы видеть Афины и другие города неукрепленными, и к тому же побуждали их союзники, которые опасались новоявленного морского могущества афинян и отваги, проявленной ими в мидийской войне. Поэтому-то лакедемоняне и требовали от афинян отказаться от укрепления их города и даже предложили помочь им разрушить существующие стены в других городах вне Пелопоннеса. Своих собственных замыслов и подозрений против афинян они, впрочем, не открывали, а ссылались на то, что если Варвар когда-нибудь вздумает вновь напасть на Элладу, то не найдет себе уже никакого опорного пункта (каким в теперешней войне для персов служили Фивы), а всем эллинам достаточным убежищем и опорным пунктом для их военных операций будет Пелопоннес. Афиняне же по совету Фемистокла дали ответ, что сами отправят к ним посольство по этому делу, и отпустили лакедемонских послов. Тогда Фемистокл предложил немедленно отправить его самого послом в Лакедемон, остальных же послов не отпускать вместе с ним, но задержать в Афинах до тех пор, пока воздвигаемая стена не достигнет высоты, достаточной для обороны. Весь город поголовно — мужчины, женщины и дети — должен был строить стены, не щадя при этом ни частных, ни общественных зданий, а просто снося их, если это могло ускорить работы. После этих распоряжений Фемистокл добавил, что о дальнейшем он позаботится сам в Лакедемонне, и уехал. Прибыв в Лакедемон, он не явился сразу же к властям, но под разными предлогами постоянно откладывал посещение. И всякий раз, когда власти спрашивали, почему он не обращается к ним, Фемистокл отвечал, что ожидает товарищей послов, которые случайно задержались и скоро придут.

91. Лакедемоняне, выслушивая Фемистокла, из дружелюбия верили ему. Но когда стали прибывать из Афин очевидцы со сведениями о том, что там идет строительство стен, которые достигли уже порядочной высоты, не могли и к этому отнестись с недоверием. Фемистокл, узнав об этом, просил не верить рассказам, а послать в Афины не-

сколько надежных людей разузнать об этом и доставить верные сведения. Лакедемоняне так и поступили. Фемистокл же, опасаясь, что, узнав правду, лакедемоняне не отпустят их всех на родину, тайно сообщил об этом посольству афинянам, советуя им, не предавая дело огласке, задержать послов и не отпускать до тех пор, пока афинские послы не вернутся из Лакедемона. Итак, по его совету афиняне задержали послов. Между тем и остальные послы — Аброних, сын Лисикла?, и Аристид, сын Лисимаха, — успели прибыть к нему в Лакедемон с известием, что возведены уже достаточно высокие стены. Тогда наконец Фемистокл откровенно заявил лакедемонянам, что стены уже готовы и Афины достаточно укреплены, чтобы защищать своих жителей. Если же лакедемоняне или союзники, добавил Фемистокл, когда-нибудь вновь отправят послов в Афины по какому-либо делу, то найдут там людей, которых не придется учить тому, что полезнее для них и что — для всей Эллады. Ведь ранее афиняне без чужой помощи на свой страх и риск решили, что разумнее будет покинуть свой город и сесть на корабли, и на общих совещаниях с лакедемонянами снова показали, что они не глупее других. Так и теперь афиняне решили, что для них самое лучшее укрепить свой город стеной, что, по их мнению, будет полезно всем союзникам не менее, чем самим афинянам. Ведь без единой системы безопасности союзники не в состоянии принимать одинаково важные и ценные решения на общее благо. Итак, сказал в заключение Фемистокл, либо всем союзникам следует запретить укрепление своих городов, либо и в данном случае действия афинян следует признать правильными.

92. Выслушав эти слова, лакедемоняне открыто не показали афинянам своего недовольства (ведь они, по их словам, отправляли посольство, вовсе не ставя себе целью возражать против возведения стен, а желая к общему благу повлиять на решение афинян; к тому же лакедемоняне относились тогда к афинянам особенно дружественно из-за их усердия и мужества во время войны с Мидянином). Впрочем, втайне лакедемоняне очень досадовали, что им не удалось достичь своей цели. Послам же обе стороны разрешили возвратиться домой без всяких претензий.

93. Таким образом, за короткое время афиняне успели восстановить городские стены. И теперь еще заметны следы поспешности при строительстве стен. Действительно, нижние слои сложены из разных и кое-где даже необтесанных камней, то есть их укладывали в том виде, как они были доставлены. Много также было вложено в стену могильных плит и камней, приготовленных ранее для других целей. Так как окружная стена всюду была расширена (по сравнению с прежней), то весь пригодный для строительства материал в спешке приходилось брать откуда попало. По настоянию Фемистокла были возобновлены работы в оставшейся еще не укрепленной части Пирея (где работы были начаты уже прежде, в течение года его архонтства). По его мнению, именно это место с тремя естественными гаванями могло дать афинянам (когда они станут морской державой) огромные преимущества для дальнейшего роста их мощи. Фемистокл впервые высказал великую мысль о том, что будущее афинян на море, и положил таким образом начало строительству и укреплению Пирея, взяв это дело в свои руки тотчас же после постановления. По его совету стены, возведенные вокруг Пирея, были такой толщины (как это можно видеть еще и теперь)⁶, что две встречные повозки с камнем могли там разъехаться. Внутри стен для скрепления плит не было заложено ни щебня, ни глины, но огромные прямоугольные на обтесанной стороне каменные плиты были плотно подогнаны друг к другу и с внешней стороны скреплены железными и свинцовыми скобами. Правда, по окончании постройки высота стен оказалась равной только половине высоты, задуманной Фемистоклом. Ведь Фемистокл хотел возвести стены настолько высокие и толстые, чтобы враг не смел даже и помыслить о нападении на них, и для охраны их было достаточно горстки людей и даже инвалидов; всех же остальных граждан можно было посадить на корабли. Действительно, Фемистокл особенно заботился о флоте, как мне кажется, оттого, что персидскому войску, по его мнению, легче напасть на Элладу с моря, нежели с суши. Поэтому и Пирей в его глазах был важнее верхнего города, и он непрестанно советовал афиня-

нам в случае неудачи на суше спуститься в Пирей и оттуда на кораблях сражаться против любого врага. Таким образом, афиняне тотчас после ухода мидян стали укреплять свой город стенами и занялись прочими военными приготовлениями.

94. Павсаний, сын Клеомброта из Лакедемона, был послан главным военачальником эллинов с 201 пелопоннесскими кораблями. В его походе участвовали также афиняне на 30 кораблях и много других союзников. Сначала союзники отплыли на Кипр и покорили большую часть острова, а затем направились к Византию (который тогда находился в руках мидян) и, осадив его, овладели городом.

95. Уже давно, однако, властные повадки Павсания стали раздражать прочих эллинов (особенно ионян и всех, кто только что освободился от персидского ига). Поэтому союзники обратились к афинянам как к своим единоплеменникам с просьбой принять на себя главное командование и не допускать больше самоуправства Павсания. Афиняне отнеслись к этому сочувственно и решили, приняв это предложение, распоряжаться в дальнейшем по-своему. Между тем лакедемоняне отозвали Павсания, чтобы расследовать ходившие о нем слухи. Действительно, приезжавшие в Спарту эллины не раз жаловались на его злоупотребление властью, подобавшее скорее тирану, нежели полководцу. Отзывание же Павсания совпало как раз с тем временем, когда союзники (кроме пелопоннесцев), озлобленные им, перешли к афинянам. (5) Прибыв в Лакедемон, Павсаний предстал перед судом и был осужден, но только за злоупотребления против частных лиц. А от главных обвинений в государственных преступлениях ему удалось оправдаться. Обвиняли же его в основном в приверженности к персам (и это обвинение, по общему мнению, было достаточно обоснованным). Поэтому Павсания уже больше не назначили главнокомандующим, а вместо него отправили Доркиса с другими полководцами и небольшим войском. Союзники, однако, не признали за ними гегемонии. При таком положении этим военачальникам пришлось возвратиться в Лакедемон. После этого лакедемоняне никого больше уже не посылали из опасения, что посланные за рубеж полководцы могут быть подкуплены (как это они уже испытали на примере Павсания). Да и вообще лакедемоняне с этих пор уже не желали принимать участия в мидийской войне, считая, что афиняне (с которыми они пока еще были в дружбе) вполне способны предводительствовать союзниками.

96. Став, таким образом, предводителями по предложению союзников (из-за их ненависти к Павсанию), афиняне определили, какие города должны вносить деньги на борьбу с Варваром, а какие — выставлять корабли с экипажами (предлогом было желание отомстить Варвару за причиненные им бедствия опустошением персидской земли). Тогда впервые афиняне учредили должность эллинотамиев (казначеев союзной эллинской казны), которые принимали «форос» (так называлась уплата денежных взносов). Первый форос был установлен в сумме 460 талантов. Казнохранилищем был Делос, и в тамошнем храме происходили собрания делегатов союзников.

97. Теперь я расскажу о том, чего достигли афиняне в военных и политических делах в эпоху между войнами мидийскими и этой войной, когда они стояли во главе сперва еще независимых союзников (с правом голоса на общесоюзных собраниях) и воевали как с варварами, так и с собственными отпавшими союзниками и с теми пелопоннесцами, которые при каждом удобном случае вмешивались в дела афинян. Я описал эти события, потому что никто из моих предшественников не касался этого периода, описывая либо события, предшествовавшие мидийским войнам, либо сами мидийские войны. Даже Гелланик, который, правда, коснулся этого периода в своей «Истории Аттики» (но и то лишь вкратце), допустил при этом неточность в хронологии. Вместе с тем в этой части моего труда я дал очерк возникновения мощи афинской державы.

98. Сначала афиняне во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, осадив, захватили Эйон на Стримоне, который тогда еще был в руках мидян, и продали его жителей в рабство. Затем они завоевали Скирос (остров в Эгейском море, населенный долопами), продали его жителей в рабство и заселили своими колонистами. Потом у них началась война с каристянами на Евбее (без участия, однако, остальных евбейцев); в конце концов афи-

няне заставили и каристян сдать на определенных условиях. Затем вспыхнула война с восставшими наксосцами, которые после осады были вынуждены подчиниться. Это был первый случай лишения независимости союзного города вопреки существующему союзному договору. Впоследствии та же участь, по очереди, постигла и другие города.

99. Поводами к восстаниям союзников служили (наряду с другими) главным образом недоимки при уплате дани и при поставке кораблей, а также встречавшееся иногда уклонение от военной службы. Действительно, афиняне строго взыскивали недоимки, не останавливаясь перед принудительными мерами. Поэтому-то власть афинян стала в тягость людям, не привыкшим к притеснениям и не склонным их переносить. И вообще господство афинян не было уже теперь так популярно, как прежде. В совместных походах афиняне обращались с союзниками не так, как с равными, и если кто-нибудь из них восставал, то восставших без труда вновь приводили к покорности. Впрочем, виноваты в этом были сами союзники. Действительно, из малодушного страха перед военной службой (только чтобы не находиться вдали от дома) большинство из них позволили обложить себя налогом и вместо поставки кораблей они предпочитали вносить надлежащие денежные суммы. И таким образом афиняне получили возможность на средства союзников увеличивать свой флот, а союзники, начиная восстание, всякий раз оказывались неподготовленными к войне и беззащитными.

100. Затем при реке Евримедонте в Памфилии у афинян с союзниками произошла битва с мидянами на суше и на море, где афиняне под предводительством Кимона, сына Мильтиада, одержали в один и тот же день двойную победу. Они захватили в плен и уничтожили в общем до 200 триер финикийской эскадры. Вскоре после этого против афинян восстали фасосцы, поссорившись с ними из-за расположенных напротив острова во Фракии торгово-перевалочных пунктов и золотых копей. Афиняне выслали против Фасоса эскадру и, одержав победу в морской битве, высадились на острове? Приблизительно в то же время они отправили на Стримон во Фракии 10 000 колонистов частью из самих Афин и из других союзных городов с целью основать на побережье поселение, тогда называвшееся «Девять Путей», а теперь — Амфиполь. Колонистам удалось, правда, захватить «Девять Путей» (которыми владели эдоняне), но, проникнув в глубь Фракии, они потерпели решительное поражение у Драбеска в земле эдонян от объединенных сил фракийцев, которые враждебно отнеслись к основанию колонии.

101. Между тем фасосцы, потерпев несколько поражений и осажденные афинянами, обратились за помощью в Лакедемон с призывом защитить их путем вторжения в Атику. Лакедемоняне (правда, втайне от афинян) обещали помощь и уже готовились совершить вторжение, но ему помешало разразившееся в Спарте землетрясение. В то же время в Фурии и Эфее подняли восстание илоты и периэки и захватили Ифому (большинство илотов были потомками поработанных некогда спартанцами древних мессенян, и поэтому все илоты назывались мессенянами). Так у лакедемонян началась война с мессенянами в Ифоме. Фасосцам же на третий год осады пришлось сдать афинянам: они были вынуждены срыть стены своего города, выдать корабли, немедленно уплатить денежную контрибуцию, уплачивать отныне дань, а также отказаться от рудников и всех своих владений на материке.

102. Так как война с мессенянами в Ифоме затянулась, лакедемоняне призвали на помощь союзников, в том числе афинян. Афиняне прибыли со значительным отрядом под предводительством Кимона. Призвали же их лакедемоняне главным образом потому, что афиняне считались особенно искусными в осадном деле. Но так как осада затянулась надолго, то явно обнаружилось неумение афинян овладеть крепостью: иначе ведь они взяли бы город приступом. Лишь после этого похода впервые обнаружилось разногласие между лакедемонянами и афинянами. Так как силой взять город оказалось невозможно, то лакедемоняне из опасения, что афиняне при их своевольной и неустойчивой политике могут, будучи к тому же иноплеменниками, при затянувшемся пребывании выступить против них вместе с мятежниками в Ифоме, отослали афинян обратно (причем только их од-

них из всех союзников). Правда, лакедемоняне открыто не высказывали своих подозрений, но просто заявили, что помощь афинян им больше не нужна. Афиняне, однако, поняли, что их официально отсылают под столь благовидным предлогом, а в действительности им просто не доверяют. Они были возмущены и решили не терпеть более подобного обращения со стороны лакедемонян. По возвращении афиняне тотчас же разорвали союз, заключенный с ними для борьбы против Мидянина, и вступили в союз с врагами лакедемонян — аргосцами (а затем к этим двум городам присоединились, заключив клятвенный союз, также фессалийцы).

103. Между тем мессеняне в Ифоме не могли уж больше держаться и на десятый год осады заключили с лакедемонянами соглашение, получив право свободно покинуть Пелопоннес, с условием, однако, никогда туда не возвращаться, ибо каждого из них, застигнутого там, всякий имел право задержать и обратить в рабство. Еще перед этим пифийский оракул изрек лакедемонянам повеление отпустить всякого молящего о защите у алтаря Ифомского Зевса. Таким образом, мессеняне с женами и детьми покинули Пелопоннес, и афиняне из ненависти к лакедемонянам приняли их и переселили в Навпакт, только что захваченный ими у озольских локров. Мегарцы также присоединились к афинскому союзу, отложившись от лакедемонян, потому что коринфяне пошли на них войной из-за пограничной области. Афиняне тогда заняли Мегары и Пеги, отстроили мегарцам длинные стены от города к Нисее и поставили там свои гарнизоны. Именно с этого времени коринфяне и стали ожесточенными ненавистниками афинян.

104. В это время ливиец Инар, сын Псамметиха (царь ливийцев, граничивших с Египтом), из своего опорного пункта Марей, египетского города над Фаросом, поднял восстание против царя Артаксеркса, охватившее большую часть страны. Приняв на себя начальствование, Инар обратился за помощью к афинянам. Афиняне, которые как раз в это время выступили с союзниками на 200 кораблях в поход на Кипр, покинули Кипр и прибыли в Египет. Поднявшись затем вверх по Нилу, они овладели рекой и двумя третями Мемфиса, а потом напали на последнюю треть (так называемую «Белую Стену»), где нашли убежище бежавшие персы и мидяне и верные царю египтяне.

105. При высадке афинян в области Галиев произошла битва с коринфянами и эпидаврийцами, и победу одержали коринфяне. Позднее афиняне сразились в морской битве с пелопоннесской эскадрой при Кекрифалии и победили противника. Когда затем разразилась война афинян с эгинцами, то в большом сражении при Эгине (с участием союзников с обеих сторон) победителями вышли афиняне; они захватили 70 кораблей эгинцев. Затем, высадившись на острове под предводительством Леократа, сына Стреба, афиняне осадили город. После этого на помощь эгинцам пелопоннесцы переправили 300 гоплитов (которые раньше были на службе у коринфян и эпидаврийцев). Они захватили также горную цепь Герании, откуда коринфяне с союзниками вторглись в Мегариду. Афиняне теперь, как думали коринфяне, уже не смогут помочь мегарцам (ведь большая часть их войска находилась на Эгине и в Египте). Если же афиняне все же захотели бы выручить мегарцев, то им пришлось бы покинуть Эгину. Тем не менее афиняне не отозвали своего войска с Эгины, а набрали новый отряд (из оставшихся в городе по возрасту) и отправили его под начальством Миро-нидаб в Мегары. После безрезультатного сражения с коринфянами противники разошлись, причем ни та, ни другая сторона не признала себя побежденной. После ухода коринфян афиняне (которые действительно имели некоторый перевес) воздвигли трофей. Коринфяне между тем, возвратившись домой, были встречены там упреками и издевками стариков и поэтому спустя дней двенадцать снова вооружились, вернулись на поле битвы и там воздвигли свой трофей как победители. Тогда афиняне совершили внезапное нападение на коринфян из Мегар, перебили людей, поставивших трофей, а остальных одолели в схватке.

106. Разбитые коринфяне начали отступление. При этом довольно значительный отряд их, преследуемый неприятелем, сбился с пути и попал в усадьбу частного человека — земельный участок, обведенный широким рвом без выхода на другой стороне. Заметив

это, афиняне поставили перед входом гоплитов, а вокруг — легковооруженных воинов и перебили всех бывших там камнями. Для коринфян это поражение было большим бедствием. Впрочем, большая часть отряда коринфян благополучно вернулась домой.

107. Приблизительно в это время афиняне начали строительство Длинных Стен до моря как к Фалерской гавани, так и к Пирею. И фокидяне совершили вторжение в Дориду, древнюю родину лакедемонян с городами Бэем, Китинием и Эринеем, и даже овладели одним из этих городов. Тогда лакедемоняне во главе с Никомедом, сыном Клеомброта (который правил вместо несовершеннолетнего царя Плистоанакта, сына Павсания), явились на помощь дорийцам с 1500 своих гоплитов и 10 000 союзников. Заставив фокидян пойти на соглашение и отдать город, лакедемоняне собрались в обратный путь. При попытке переправиться морем через Крисейский залив лакедемоняне могли бы ожидать помехи со стороны крейсировавшей там афинской эскадры. Путь же через Геранию считался небезопасным, так как афиняне стояли в Мегарах и Пегах. Действительно, труднопроходимые дороги в Геранию находились под постоянным наблюдением афинян, которые намеревались (как только что узнали лакедемоняне) и здесь их не пропустить. Тогда лакедемоняне решили пока что остаться в Беотии и обдумать, как безопаснее всего им возвратиться домой. Между прочим, их тайно побуждали к этой остановке в Беотии некоторые афиняне, рассчитывавшие с их помощью свергнуть демократию и помешать строительству Длинных Стен. Между тем афиняне все поголовно выступили против лакедемонян вместе с 1000 аргосцев и подошедшими отрядами прочих союзников (а всего в совокупности 14 000 человек). Афиняне предприняли этот поход, решив, что лакедемоняне никак не смогут пройти на родину, а отчасти и оттого, что заподозрили попытку лакедемонян свергнуть демократию. На помощь афинянам, согласно союзному договору, явилась также и фессалийская конница, которая, однако, во время битвы перешла на сторону лакедемонян.

108. В битве, которая произошла при Танагре в Беотии, победу одержали лакедемоняне с союзниками (причем обе стороны понесли тяжелые потери). Потом лакедемоняне вступили в Мегариду и, опустошив поля и вырубив плодовые деревья, возвратились домой через Геранию и Истм. Спустя 62 дня после битвы афиняне во главе с Миронидом вторглись в Беотию, разбили беотян в битве при Энофитах и подчинили всю Беотию и Фокиду. Они велели затем срыть стены Танагры, приказали опунтским локрам выдать 100 заложников из богатейших граждан. К тому же времени они завершили постройку своих Длинных Стен. Вскоре за тем эгинцы также сдались афинянам; им тоже пришлось разрушить стены, выдать свои корабли и платить отныне подать. Афинская эскадра под начальством Толмида, сына Толмея, обогнула также Пелопоннес. Афиняне сожгли корабельную верфь лакедемонян, захватили коринфский город Халкиду и, высадившись в Сикионской области, одержали победу над сикионцами.

109. Между тем афиняне с союзниками все еще продолжали оставаться в Египте, сражаясь там с переменным успехом. Действительно, сначала афинянам удалось овладеть всем Египтом. Затем персидский царь отправил в Лакедемон перса Мегабаза с большой суммой денег, рассчитывая склонить пелопоннесцев к вторжению в Аттику и вынудить этим афинян покинуть Египет. Однако его посольство постигла неудача, деньги были потрачены напрасно, и Мегабазу с остатком денег пришлось возвратиться в Азию. Тогда царь послал в Египет Мегабиза, сына Зопира, во главе большого войска. Мегабиз прибыл в Египет по суше, разбил в сражении египтян и их союзников, изгнал затем эллинов из Мемфиса и, наконец, запер их на острове Просопитиде. Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока, наконец, ему не удалось осушить канал, отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его.

110. Таков был гибельный конец эллинского похода после шестилетней войны. Из всего войска лишь немногим удалось спастись через Ливию в Кирену, большая часть воинов погибла. Теперь весь Египет вплоть до области царя Амиртея в болотистых низинах

дельты Нила вновь оказался под властью персидского царя. Однако царя Амиртея в его обширных болотах нельзя было одолеть (к тому же жители этих болотистых низин - самые храбрые воины среди египтян). Инак же, ливийский царь, зачинщик всего восстания, вследствие измены попал в руки персов и был распят ими на кресте. Между тем пятьдесят триер, посланных на смену в Египет из Афин и из других областей союза, вошли в Мендесийский рукав Нила, ничего не подозревая еще о происшедших событиях. Здесь афинские корабли подверглись одновременно нападению персидской пехоты с суши и финикийской эскадры с моря. Большая часть афинских кораблей погибла, и лишь немногие спаслись. Так окончился великий египетский поход афинян и их союзников.

111. Изгнанный из Фессалии Орест, сын фессалийского царя Эхекратида, убедил афинян вернуть его на родину. Афиняне вместе с беотийцами и фокидянами (бывшими тогда их союзниками) выступили в поход на Фарсал в Фессалии. Они захватили небольшую часть вражеской земли, именно столько, чтобы при этом не слишком удаляться от своего лагеря (ибо фессалийская конница их постоянно тревожила). Взять же город афиняне не смогли. Вообще поход постигла неудача, и, ничего не добившись, афинянам пришлось возвратиться назад вместе с Орестом. Немного спустя после этого афинская эскадра с 1000 афинян на борту вышла в море из Пег (которыми афиняне тогда владели) и под начальством Перикла, сына Ксантиппа, проплыла вдоль побережья к Сикиону. Там афиняне высадились и в схватке с сикионцами одержали победу. Сразу же после этого, получив подкрепление от ахейцев, афиняне переправились в Акарнанию к Эниадам, двинулись на город и осадили его. Взять Эниады, однако, не удалось, и афинянам пришлось возвратиться ни с чем.

112. Спустя три года пелопоннесцы заключили с афинянами перемирие на пять лет. Поэтому афиняне прекратили войну в Элладе и под предводительством Кимона пошли в поход на Кипр с 200 собственных и союзнических кораблей. Однако 60 из этих кораблей были посланы в Египет по просьбе Амиртея, царя болотистой низменности Нильской дельты. Остальные корабли начали осаду Кития. После смерти Кимона, когда у афинян кончились запасы продовольствия, им пришлось, однако, отступить. Отплыв затем от Саламина на Кипр, афиняне одновременно вступили в сражение на море и на суше с финикийцами, киликийцами и кипрянами. Тут и там афиняне одержали победу и возвратились домой вместе с кораблями, вернувшимися из Египта. После этого лакедемоняне начали так называемую священную войну. Они овладели дельфийским святилищем и передали его дельфийцам. После ухода лакедемонян афиняне пришли с войском и, захватив святилище, возвратили его фокидянам.

Пер. Г.А. Стратановского

